

Е. ЖУКОВ

ИСТОРИЯ
ЯПОНИИ

ОГИЗ·СОЦЭКГИЗ·1939

Е. ЖУБОВ

**И С Т О Р И Я
Я П О Н И И**

КРАТКИЙ ОЧЕРК

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

М О С К В А — 1 9 3 9

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. Родовой строй	3
Глава II. Развитие японского феодализма	15
Глава III. Борьба за объединение феодальной Японии	36
Глава IV. Феодальное государство Токугава	51
Глава V. Революция 1868 г. и буржуазные преобразования	81
Глава VI. Развитие японского капитализма	110
Глава VII. Развитие японского империализма	141
Глава VIII. Япония в период мировой войны 1914—1918 гг.	164
Глава IX. Япония в эпоху общего кризиса капитализма	174
Глава X. Новый этап японской империалистической агрессии	196

Редактор *Х. Эйбус.*
Технический редактор *Е. Раецкая.*
Корректоры: *Р. Амукина* и *А. Новакович.*

Сдано в наб. 4/XI 1938 г. Подп. к печ. 27/II—10/III
1939 г. Форм. бум. 60×92/16. Печ. лист. 13³/₄+2 карты
вклейки. Уч.-авт. л. 16,54. Тираж 20 000 экз. Серпья-
монография. Огиз № 2143. Заказ № 649. Уполномоч.
Главлита № А-3662.

Цена книги 3 р. 40 к. Переплет 60 к.
Бумага Вишерского бумкомбината.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкинг»
«Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград.
Гатчинская, 26.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОДОВОЙ СТРОЙ

Древнейший период истории Японии, охватывающий несколько столетий, приблизительно до II или даже до III в. нашей эры, оставил чрезвычайно ограниченное количество исторических памятников, археологических или других. Мифология, относящаяся к этой «эре богов», как она именуется в официальной японской истории, дает ключ к пониманию некоторых моментов значительно более поздней эпохи, характеризующейся уже разложением родового строя и началом разделения общества на классы. Сохранившиеся китайские литературные источники также дают весьма туманное представление о начальном периоде японской истории.

Суммируя весь имеющийся в литературе, в общем весьма скудный, материал, можно прийти к выводу, что ранние предки современных японцев в виде отдельных и разрозненных племен населяли южную и юго-западную части современной территории Собственно Японии (провинции: Хюга — южная часть острова Кюсю, Цукуси — северная часть острова Кюсю, Ямато — нынешняя префектура Нара, Кии — нынешняя префектура Вакаяма и др.).

Эти племена, однако, не были аборигенами Японии. Об этническом составе первых обитателей территории Японии не существует единого мнения среди занимавшихся этим вопросом историков. Большинство склоняется к тому, что первыми обитателями японских островов были эбису, или айну, — народ, оттесненный впоследствии новыми пришельцами на север, остатки которого в настоящее время сохранились на севере Хоккайдо и южном Сахалине, — и кумасо, или хаято, племя малайского происхождения, жившее на острове Кюсю.

По мнению ученых, предки современных японцев являются продуктом смещения переселенцев, пришедших с азиатского материка (неизвестных монгольских племен), с переселенцами с южных островов (малайскими племенами). Переселения этих племен в Японию происходили разновременно и, повидимому, несколькими волнами.

Основными занятиями древних жителей были рыбная ловля и охота. Археологические раскопки дают представление об особенном значении рыболовства для жизни населения. Найдены многочисленные кучи раковин, примитивные изделия из раковин, костяные и каменные принадлежности для рыбной ловли, остатки рыбьих костей. По исследованиям специалистов, древние обитатели Японии вылавливали рыбу в большом количестве (до 30 сортов). Немалую роль играла ловля крабов и раков.

Охота производилась, главным образом, на вепря и на оленя. Меньшую роль играла ловля барсуков, зайцев, медведей, обезьян. Основными орудиями охоты служили лук, каменный топор и копье.

Наряду с продуктами рыбной ловли и охоты в пищу употреблялись также и плоды деревьев, некоторые сорта трав и корни.

Рыболовно-охотничий кочевой период был первой стадией развития этого первобытного общества.

В более позднюю, хотя также весьма древнюю, эпоху появляется земледелие, оттеснившее рыболовство и охоту на второй план. Как показывают итоги археологических изысканий, древнее японское население, раньше обитавшее преимущественно на морском побережье, продвигается дальше, в глубь страны, и оседает на равнинах, приспособленных самой природой для успешного земледельческого труда, в частности, для культуры риса.

Но вся земледельческая культура (как в отношении выбора злаков, так и системы орошения) была завезена в Японию переселенцами с материка (с территории нынешней Кореи).

Племена, находившиеся на пути переселенцев с материка, приносивших с собой более высокую культуру, первыми воспринимали эту культуру (прежде всего земледельческую) либо в результате насильственной ассимиляции с пришельцами, либо сохраняя свое изолированное существование.

Каких-либо достоверных сведений о формах общественного строя в этот древнейший период мы не имеем. Японская мифология более позднего происхождения содержит в себе ряд важных намеков на существование группового брака на известном этапе развития этого первобытного общества. Основной миф, воспринятый официальной японской исторической наукой, о происхождении японского государства, якобы основанного потомком богини солнца Аматэрасу, содержит отзвук эпохи матриархата, повидимому, существовавшего в Японии.

Более или менее достоверные исторические сведения относятся к тому периоду, когда японское общество находилось на стадии уже разлагавшегося родового строя. В качестве общественной ячейки выступал род (удзи), основанный на общности происхождения его членов. Во главе рода стоял родовой старейшина (удзи но ками), обладавший определенной властью в отношении остальных членов рода (удзибито), что было связано на первых порах с потребностями координации производственных действий отдельных членов рода.

Внешне власть родовых старейшин с самого начала носила культовый характер, что прямо связано с большой зависимостью примитивного земледелия от обожествленных сил природы. Поэтому вначале личность родового старейшины и главного жреца совпадает. В функции родового старейшины входило паблюдение за календарем ввиду потребности в определении сроков посева. Он производил также заклинания против засухи и неурожая. Имеются данные о том, что в древней Японии весьма большую роль играли различные жертвоприношения в целях умилоствления гневающихся богов ¹.

Род постепенно становился более широкой организацией, объединявшей членов не только одного общего происхождения.

Во-первых, роды вели часто вооруженную борьбу между собою, более сильные разбивали слабых, принуждая их к ликвидации своего самостоятельного существования, и часть побежденных вливалась в род, оказавшийся победителем. В несколько более поздний период члены побежденного рода обычно обращались в рабство или, во всяком случае, становились неполноправными членами рода-победителя. Во-вторых, поток переселенцев с материка и с соседних южных островов на японскую территорию происходил непрерывно. Более поздние переселенцы, как правило, были культурнее первого слоя пришельцев в Японию (они знали ремесла, были осведомлены о более совершенных методах обработки земли, применяли систему орошения и т. д.). Если они оказывались не в состоянии — в силу своей немногочисленности — подчинить себе коренное население страны, то они включались в роды местных племен и играли там важную роль.

Единство рода укреплялось единством родового культа. Родовой старейшина стремился создать видимость кровного родства между всеми членами рода, используя авторитет родового божества («удзигами»).

Каждый родовый старейшина, укрепляя свое привилегированное положение, присваивал себе особое монопольное звание, которое стремился превратить в наследственное. Первоначально эти особые звания просто выражали понятие «старейшего». Этим понятиям соответствовали звания родовых старейшин: «оми, мурадзи, обито, сугури, кими» ². (В более позднюю эпоху эти звания

¹ По мнению японского историка проф. Такиява, эпоха родового строя в Японии была названа в позднейший период развития феодализма (в так называемую нарскую эпоху) «эрой богов» именно потому, что огромное развитие получило жречество и тотемизм, связанный с родовым земледельческим культом. Термин, выражающий понятие «управлять» и применявшийся к родовым старейшинам — «сиру», означает буквально «знать». Таким образом, власть родового старейшины первоначально основывалась на том, что он был более сведущим, «знающим», чем остальные члены рода. С установлением наследственности родовых старейшин и, в особенности, в связи с развитием у них чисто жреческих функций наряду с термином «сиру» получает развитие выражение «хидзиру» — знать волю богов (причем буквально «хи» означает огонь, солнце, день, свет, «дзиру» — измененное «сиру» — знать).

² По подсчетам профессора Ота, первичных наименований родовых старейшин в Японии насчитывалось 12.

стали приобретать смысл титулов — «кабанэ». Под воздействием феодальной культуры Китая процесс обособления социальной верхушки в родовом строе Японии получил более быстрое развитие.)

Значительным шагом к утверждению имущественного неравенства внутри рода явилось присвоение родовыми старейшинами исключительных прав на труд ремесленников (вначале формировавшихся из числа пленников и переселенцев с материка — гончаров, оружейников). Будучи выделены из остальной массы рядовых членов рода, эти ремесленники обычно освобождались от занятия земледелием, чем было положено начало крупному разделению труда внутри рода. В то время как основная часть рода обрабатывала землю, являвшуюся достоянием всего рода, группа ремесленников специализировалась на производстве утвари, тканей или оружия. Если в первое время эти ремесла носили чисто домашний характер и обслуживали потребности самого рода, то в дальнейшем, благодаря усиливавшемуся контакту между родами, они приспособлялись и к обмену.

В силу этого отдельные роды начинают специализироваться на выделке определенного типа ремесленных изделий, причем родовые старейшины и их ближайшие родичи начинают рассматривать продукты обмена как свою собственность, не принадлежащую роду в целом. Это положение получает свое отражение в изменении структуры самого рода. Род объединяет уже не только главу рода и родичей, но в состав рода входит также особая прослойка или группа (бэ), состоящая из ремесленников, занимающих формально низшее положение в сравнении с членами рода, но фактически играющих очень важную роль в качестве хозяйственного оплота расширяющейся власти родового старейшины.

Роль ремесленного производства настолько увеличивается, что появляются даже названия родов, основанные на их ремесленной специализации, помимо названий, связанных с родовым культом. Так, например, появляются роды юикадзури (изготавливающие луки), канудзи (занимающиеся кузнечным делом) и т. д.

В результате частых междуродовых войн и постоянной борьбы с аборигенами (эбису и кумасо) появляется институт рабства. Первоначально рабами были исключительно пленники.

Родовые старейшины в поисках средств усиления своей власти стремятся подчинить себе непосредственно рабов так же, как и бэ. Рабы, или ядуко, образуют четвертый слой внутри удзи. Повидимому, в рабство обращались в первую очередь ремесленные группы (бэ), принадлежавшие побежденным родам.

Потребность совместной борьбы с аборигенами (эбису и кумасо) способствовала укреплению междуродовой племенной связи и усилению процесса образования племенного союза. Миф об основателе японской империи Дзимму, который якобы в 660 г. до нашей эры во главе японских племен передвинулся с острова Кюсю на главный японский остров Хонсю и обосновался в его центральной части (провинция Ямато), где в итоге упорной борьбы с варварами утвердил свое господство, несомненно является позднейшим отра-

жением процесса этого создания племенного союза, происходившего в условиях кровавой борьбы наиболее могущественных родов между собой. В древних китайских источниках эпохи Танской династии можно найти упоминания о «восточных варварах» и о том, что «к югу и к востоку от Кореи в море находятся острова, на которых свыше 100 государств». Это представление китайцев о том, что на японских островах находилось множество государств, возникло, очевидно, под впечатлением прямой связи населения материка с различными многочисленными родами в Японии.

Контакт между населением японских островов и более культурным континентальным населением Китая и Кореи происходит уже на данном историческом этапе (V—VI вв. н. э.) в различной форме, начиная от взаимных пиратских набегов и вплоть до миссионерских путешествий в Японию китайских буддийских монахов.

Древний японский род Сога (остров Хонсю), первым воспринявший феодальную культуру Китая и Кореи, оказался настолько сильным, что стал претендовать на осуществление насильственного образования общеплеменного союза родовых старейшин под главенством Сога. Силе патриархальных связей и традиций других более отсталых и консервативных родов им была противопоставлена военная сила. Но представленные Сога более передовые (находившиеся под воздействием феодальной культуры Китая и Кореи) удзи оказались и экономически гораздо сильнее. Заимствованное из Кореи искусство орошения и меры, направленные на ослабление абсолютной зависимости от стихийных сил природы, должны были уменьшить роль жрецов — заклинателей от засухи и т. п. То же самое происходило в результате уточнения календаря, произведенного по китайским образцам. Под влиянием этого происходила существенная перемена в обязанностях и в положении родовых старейшин. На первое место выдвигаются их функции военачальников и верховных судей. Непосредственное руководство хозяйством по мере его усложнения и роста разделения труда переходит в руки глав отдельных семей (ко — семья, катэ — глава семьи), а также специальных групп бэ.

В таких условиях более сильный род, естественно, являлся серьезным претендентом на роль общеплеменного вождя. Выступая в роли военачальника объединенных родовых ополчений против эбису и кумасо, родовой старейшина сильного удзи пытался возможно дольше сохранить за собой прерогативы главы племени. Это вызывало естественный отпор со стороны удзи но ками других мощных родов, в свою очередь добивавшихся первенства. В итоге этих постоянных притязаний на господство и связанной с ними борьбы каждый сильный удзи пытался закрепить за собой хотя бы какую-либо одну, ему одному присущую, функцию в масштабе всего племени, с тем чтобы если не господствовать, то во всяком случае оказывать серьезное влияние на своих соседей. Это закрепление за определенным удзи его монопольных прав являлось еще в большей степени проявлением растущих экономических связей между родами и следствием успехов общественного разделения труда

(специализация рода на каком-либо одном промысле и связанные с этим операции обмена). Но, с другой стороны, разграничение функций между родами производилось не столько по «производственному» признаку, сколько на основе реального соотношения сил. Удзи но ками, обладавшие военной силой и чаще других присваивавшие себе права племенных военачальников, закрепляли за своим родом эти военные функции. Известно, например, что в течение долгого времени таким «военным родом» был род Мононобэ. Род Имубэ (или Имбэ) присвоил себе жреческие и культовые функции. Разумеется, в данном случае речь идет о привилегиях родовых старейшин и их ближайших родичей в первую очередь. В «низак» эти привилегированные удзи были такими же обыкновенными земледельческими родами, как и огромное большинство остальных. Но именно эти роды были главными претендентами на власть. Из других сильных родов, претендовавших на руководящую роль, выделялись Сога, Отомо, Накатоми, Хэгури, Сумэраги.

Официальная японская историческая наука, признавая существование этих нескольких сильных удзи и их претензии на руководящее положение, дает совершенно извращенную картину присутствия наряду с ними единого «императорского дома», якобы непрерывно и безраздельно осуществлявшего свою власть в Японии с VII в. до нашей эры и вплоть до настоящего времени. Тщательный анализ хронологических данных, приводимых в официальных японских источниках, показал, что все мнимо «точные» данные о жизни и деяниях первых императоров сочинены в гораздо более позднюю эпоху. Процесс усиленного разложения родового строя происходил в Японии приблизительно с начала V до середины VII в. нашей эры. В этот период общеплеменная связь достигла уже высокой степени развития, и племя объединилось постоянным главой, место которого фактически занимали родовые старейшины наиболее сильных удзи. Но в роли главы племени (которого много позже задним числом окрестили «императором») отнюдь не выступали непременно представители того «царского» рода, которому официальная японская история приписывает династическую непрерывность. Не подлежит сомнению, что в течение очень долгого времени роль общеплеменного «царя» (верховного военачальника и судьи, не вмешивавшегося во внутренние дела отдельных удзи) играли родовые старейшины рода Мононобэ. Этот старый патриархальный род в течение длительного времени отстаивал свой приоритет, основываясь на том, что военная власть, издавна являвшаяся его привилегией, служит достаточным оправданием для руководства племенным союзом. В старых летописях имеются глухие указания на то, что род Мононобэ свергнул род Имубэ (жреческий род), которому раньше принадлежала ведущая роль. С концом «эры богов» — падением роли жреческих заклипаний на полях — главенство, естественно, должно было перейти к старейшине рода, обладавшего военной мощью.

В свою очередь, патриархальный род Мононобэ оказался отесненным родом Сога, зашедшим далее других по пути усвоения

китайской феодальной культуры. Характерно, например, что родовой старейшина рода Сога первый перешел к системе податного обложения входящих в состав рода семей. Эта подать собиралась под видом отчисления от урожая определенного количества риса в особый неприкосновенный фонд (создание рисовых запасных амбаров), единоличным распорядителем которого выступал сам удзи но ками. В руках главы рода Сога скопились благодаря этому значительные богатства, позволившие ему содержать дружину профессиональных воинов. Таким путем род Сога стал фактически главенствующим родом. В действительности, род Сога не только фактически, но и юридически (поскольку можно употреблять это слово) осуществлял власть вождя племенного союза родовых старейшин. Борьба родов Мононобэ и Сога, оставившая заметный след в исторических источниках, происходила внешне под видом борьбы китайской буддийской культуры, воспринятой более передовым родом Сога, с патриархальным культом синто (путь богов), основанным на старых родовых связях (обожествление умерших предков).

Вышеуказанное создание рисовых запасных амбаров было типичной формой личной собственности, установленной сильными удзи но ками. Наряду с этими амбарами, носившими название *миякэ*, стали возникать и земельные владения, непосредственно принадлежавшие не роду, а родовому старейшине.

В VI в. были известны уже три типа земельных владений, выделенных из родового общинного владения: 1) *минасиро* и *микосиро* — земельные участки, выделявшиеся из земли, принадлежавшей роду, для прокормления родового старейшины, выполнявшего функции общеплеменного вождя (будучи расположены в различных частях территории, занятой японским племенем, эти *минасиро* и *микосиро* современем превращались не только в экономический, но и в политический оплот власти рода, захватившего и стремившегося сохранить за собой общеплеменное руководство); 2) *тадокоро* — земельные участки, выделявшиеся в каждом удзи для своего удзи но ками (*тадокоро* имели тенденцию к росту по мере обособления родовой верхушки от остальной части рода; *тадокоро* обрабатывались руками рабов, превращавшихся таким образом из собственности всего удзи в собственность родовых старейшин); 3) *мита* — земельные участки, получавшиеся в результате разработки нови (*мита* обрабатывались рабами или полусвободными *бэ* и также выделялись из общего земельного фонда, принадлежавшего роду, в пользу племенного вождя, его окружения или местной родовой знати).

Выделение этих личных земельных участков сопровождалось значительным ростом численности рабов и полусвободных (*бэ*), труд которых все шире использовался в земледелии. Если прежде рабы выполняли, главным образом, обязанности домашних слуг и не рассматривались как рабочая сила на поле, то теперь родовая верхушка была заинтересована в том, чтобы увеличить число рабов, занятых в земледелии, прикрепленных к их личным владениям. Поскольку рабов не хватало, так как они вербовались из пленных,

а борьба племени ямато с эбису и кумасо не могла обеспечить достаточного количества пленников, то появлялась тенденция к прикреплению к земле полусвободных бэ и даже части полноправных членов рода (удзибито), насильственно превращавшихся в табэ (полевых бэ), предназначенных для обработки земель родовой знати.

Род Сога прилагал особые усилия к тому, чтобы закрепить свое господствующее положение, с одной стороны, используя идеологическое воздействие буддизма с его проповедью уравнивания подданных перед лицом одного монарха и, с другой стороны, подкупая наиболее опасных для него родовых старейшин других богатых удзи передачей им мита, мякэ и присвоением почетных званий. Те персональные звания (кабанэ), которые первоначально возникли внутри каждого рода и означали лишь выделение главы рода из всей массы родичей, постепенно приобретают смысл почетных титулов, жалуемых верховной властью — племенным царем не в силу положения родового старейшины в своем удзи, а за особые заслуги перед всем племенем или, вернее, за заслуги перед царским родом. Буддийские монахи, в большом количестве приезжавшие в Японию из Кореи и из Китая, были одновременно и посетителями более высокой, уже давно сформировавшейся феодальной культуры (достаточно сказать, что они явились первыми учителями китайской письменности, постепенно внедрявшейся в узком, самом верхнем слое японского общества), и политическими агентами рода Сога, применявшими всякие закулисные интриги во внутренней борьбе, для того чтобы подорвать силу и влияние местных родовых старейшин. Эти услуги буддийские монахи оказывали, разумеется, не даром. Им предоставлялись мита, мякэ. Они основывали монастыри, которые снабжались рабами, и им специально отводилась земля. Этим буддийским монастырям, основанным на японской территории, было суждено впоследствии сыграть роль весьма серьезных оплотов феодализма. Содействуя развитию обмена между отдельными удзи, поощряя ремесла, внедряя технические передовые способы орошения и обработки земли, вводя шелководство и чайную культуру, монахи и все вообще китайские переселенцы (почти во всех случаях тесно связанные с буддизмом) явились тем элементом, который значительно ускорял разложение родового строя.

К началу VII в. нашей эры процессы социальной дифференциации, происходившие в японском родовом строе, зашли далеко. Родовые старейшины превратились в господ, присваивавших себе продукт труда значительной части рабов, полусвободных и даже свободных членов рода. Существенной составной частью общественной системы становится рабство. Не только земли, присвоенные господствующим родом Сога, оказались заселенными прикрепленными к ним табэ, но мякэ, прообразом которых являлись амбары с рисом, собиравшимся для знати, превратились в обширные поместья с большими массами зависимого от хозяев трудового населения. Наряду с рабами и бэ возникает класс свободного крестьянского населения (бывшие удзибито) и слой родовой знати (удзи но ками и члены их семейств).

Потребность в самоорганизации класса господ для защиты и удержания принадлежавших им имущественных и социальных привилегий усиливает тенденцию к централизации племени, установлению прочной власти, которая являлась бы уже не исполнителем «общепользовательских» функций (хотя бы военных и судебных), но оградила бы интересы социальной верхушки внутри самого племени, став над ним. На развалинах родового строя появляется государство. Оно возглавляется племенным вождем ямато — «царем», или «императором», как окрестили его официальные японские хроники (китайский феодальный термин тенно, употребляемый и сейчас в Японии). Бывший временный предводитель племени из числа сильных удзи но ками становится постоянным монархом, создает «двор» и администрацию, состоящую из своих родичей, а также из прочих удзи но ками, превратившихся в аристократию. Царь (тенно) приходит на помощь отдельным удзи но ками общеплеменным войском в случае необходимости закрепить их господство на определенной территории, причем безразлично, против ли так называемых «варваров» — эбису или кумасо или против собственных удзибито — крестьян и рабов.

В 645 г. происходит значительное событие в жизни Японии, которое известно в истории под названием «переворота Тайка». Переворот этот заключался в том, что удерживавший в течение долгого времени руководящее положение господствующего рода дом Сога терпит решительное поражение в вооруженной борьбе с коалицией двух других родовых объединений: Сумэраги и Накатоми. Эта коалиция, руководимая выдающимся вожаком Накатоми Каматари, оказывается сильнее и утверждает свое господство, облекая его в гораздо более определенные формы государственной организации, чем род Сога. Формальную власть — все «императорские» prerogatives — Каматари уступает роду Сумэраги, довольствуясь ролью фактического правителя (вплоть до своей смерти, последовавшей в 669 г.). Чтобы закрепить плоды своей победы, он с большей определенностью проводит реформы по централизации управления на китайский манер. Наряду с китаизацией руководящего центра, построением императорского двора со всеми китайскими атрибутами, были ликвидированы юридические остатки родового строя, уничтожен целый ряд институтов, не соответствовавших новому положению. Все кабанэ, присвоенные удзи но ками в силу их родового главенства, были отменены. Были уничтожены, в частности, звания оми, омурадзи и все другие аналогичные звания, дававшие права на владение землей (тадокоро). Бэ, рабы и крестьяне, работавшие на этих землях, были провозглашены освобожденными от повинностей в отношении своих прежних господ и подвластными исключительно «императору». Император был признан единственным хозяином всех земель. Было произведено новое административное деление Японии уже не по родовому, а по территориальному признаку. Правда, фактически дело свелось к переименованию прежних родовых старейшин в губернаторов и правителей. Установленные должности столичных градоначальников (кейси), губернаторов

(кокуси), начальников уездов (гунси) распределялись преимущественно среди родовой аристократии, поддерживавшей Накатоми. Взамен многочисленных повинностей, существовавших в прошлом, было введено единое поземельное обложение. Бывшая родовая знать стала получать «жалованье» от императора точно так же, как прежние титулы кабанэ в большинстве случаев оказались замененными придворными чинами, основанными на бюрократической табели о рангах, заимствованной из Китая.

Последовательный ряд реформ, проводившихся после 645 г. вплоть до 702 г., когда появился кодекс законов, известный под названием Тайхорё и обнимавший все отрасли государственного регулирования, происходил в обстановке значительных трудностей для центральной власти. Последняя заботилась прежде всего об интересах узкой группы бывшей родовой знати — победителей Накатоми и Сумэраги, группировавшейся непосредственно около императора. Стремясь сконцентрировать в своих руках значительную массу земельных богатств, император (вернее, его окружение) был заинтересован в наиболее полном осуществлении на практике того принципа централизованного бюрократического государства, который был формально положен в основу всех преобразований. Местные власти из бывшей родовой знати, подчиняясь этому в значительной мере не по собственному желанию, а в силу своей относительной военно-экономической слабости, были заинтересованы в противоположном. Они стремились к тому, чтобы их фактическая власть на местах не оказалась подорванной чрезмерным усилением контроля из центра и чтобы реформы сводились к легализации тех отношений сочетания остатков патриархально-родового уклада с элементами рабовладельческого уклада, которые достаточно прочно укоренились во вновь образованных провинциях (куни).

Столкновение этих тенденций неизбежно приняло форму вооруженной борьбы, поводом к чему послужила смерть Каматари и вызванная ею растерянность в правящей группе придворной знати. В 672 г. эта борьба закончилась победой одного из родственников Каматари — Фудзивара Фубито, продолжавшего политику своего предшественника.

Наиболее важной составной частью реформ Тайка явилась земельная реформа. В кодексе Тайхо (Тайхорё) она получила свое дальнейшее развитие и окончательное оформление в виде так называемой надельной системы хандэн (передел полей).

Согласно кодексу Тайхо, земля признавалась исключительной собственностью государства, отдававшего ее в пользование на срок не свыше 6 лет. Общественной единицей признавалась семья (ко), которая и получала землю в соответствии с количественным составом этой семьи. Душевой надел (кубундэн) составлял 2 тана¹ на одного мужчину. На одну женщину приходилось $\frac{2}{3}$ этого количества, т. е. 1 тан 120 хо. На раба, принадлежавшего государству, выдавался полный душевой надел, на раба, принадлежавшего частному

¹ Тан равняется, приблизительно, 1 190 м², или немного более $\frac{1}{10}$ га. 1 тан = 360 хо.

лицу, — $\frac{1}{3}$ душевого надела. Надел выдавался по достижении шестилетнего возраста, и каждые 6 лет закон предусматривал передел земель в соответствии с происшедшими в составе семьи переменами.

Как указывает профессор Такигава, земельный надел, приходившийся на одну семью, не мог удовлетворить самых минимальных потребностей в рисе и обеспечивал не более $\frac{3}{5}$ этих годовых потребностей. Чтобы прокормить себя, семья должна была искать дополнительных земель. Отчасти это предусматривалось земельным кодексом Тайхо, который, кроме основного земельного надела (кундэн), допускал наделение семьи «усадебными» землями, состоявшими из участка под тузовыми и лаковыми деревьями и из собственного приусадебного огородного участка (так называемые онти и такути). Культура шелка получила к этому времени уже довольно широкое распространение, главным образом, благодаря монастырям, выступавшим в роли главных проводников китайской цивилизации. Это нашло, между прочим, свое отражение и в том, что кроме рисового налога и трудовой повинности, возлагавшихся государством на население, был установлен также налог тканиями (холстом и шелком). Но и усадебные участки не могли обеспечить полностью те крестьянские семьи, где было много малолетних детей (не достигших шестилетнего возраста или переросших этот возраст до наступления очередного земельного передела). Некоторые японские источники содержат в себе указания на довольно значительное распространение аренды, которая не была запрещена и кодексом. Что касается «усадебных» земель, т. е. садово-огородных, или земель под тузовыми и лаковыми деревьями, то аренда или даже полная уступка их другому лицу за плату открыто допускались законом. Аренда пахотной земли была обставлена целым рядом условий и формальностей, затруднявших ее осуществление. Арендовать землю за определенную плату можно было лишь сроком на год. Всякое соглашение об аренде подлежало обязательной регистрации у государственных чиновников. Вместе с тем допускалась уплата арендной платы вперед, что, очевидно, прикрывало прямые сделки на землю.

Наконец, огромную роль в смысле обеспечения земель крестьянства и, одновременно, нарушения основных принципов системы хандэн играла обработка нови (подъем целины), которая была специально разрешена государством и получила большое развитие.

Сперва было установлено, что обработка новых полей (кондэн) влечет за собой ряд преимуществ. Например, если на новой земле впервые устанавливалась система орошения, то обрабатывавшая эту землю семья получала ее в пользование на срок жизни трех поколений. Если же эта земля орошалась ранее уже существовавшей общей оросительной системой, то она считалась в пожизненном пользовании того, кто ее обработал. Вслед за этим государство вынуждено было сделать еще один дальнейший шаг по пути нарушения провозглашенного им принципа государственной собственности на землю. В 743 г. был издан закон о том, что все вновь обработанные земли (кондэн) считаются частной собственностью. Кондэн

получили в связи с этим законом еще большее распространение. Обработка новых полей не только явилась известным выходом для крестьянских семей, неудовлетворенных наделами, выдававшимися им государством, но и привела к концентрации больших земельных владений в руках знати, создавшей обширные частнособственнические земельные поместья и все шире применявшей свою власть для закрепощения свободного крестьянского населения.

Еще в 646 г. были установлены так называемые приписные крестьянские дворы с соответствующими земельными угодьями (дзикифу), которые были распределены между высшими придворными, членами императорской семьи и бывшей родовой аристократией. Они создавали прочную экономическую базу для зарождавшегося нового феодального класса, развившегося в Японии прежде, чем смогло сложиться в законченной форме рабовладельческое общество. Рабов было мало, и рабовладение не обеспечивало экономического могущества господствующего класса. Поэтому количество земель и «свободных» крестьянских семейств, приписанных к тому или иному представителю знати (что определялось формально бюрократической табелью о рангах), в большей мере определяли мощь этой знати, чем количество принадлежавших ей рабов. По сути дела дзикифу представляли собой зародышевую форму феодальных поместий, где эксплуатация рабского труда играла второстепенную роль. Размеры дзикифу колебались от 100 до 3 000 кор (семей или дворов). Развитие дзикифу вскоре лишило императорский двор привилегии быть единственным источником политической и экономической власти.

Кроме уже указанных изъятий в земельном кодексе Тайхо, нарушавших официальный принцип государственной собственности на землю, существовал еще ряд установлений, которые, несомненно, способствовали децентрализации и помогали образованию местной феодальной аристократии. Помимо душевых наделов (кубундэн) знать получала еще так называемые ранговые земли (идэн), размер которых определялся табелью о рангах, установленной при дворе. Кроме этих идэн устанавливались еще ходэн, т. е. земельные участки, приписывавшиеся к наделу за особые заслуги. Дворцовые чиновники получали, кроме того, еще специальные сикидэн, или должностные земли. Наконец, закон предусматривал и личные наделы (сидэн), предоставлявшиеся императором на началах подарка в полную собственность частного владельца.

Система хандэн (даже с учетом всех изъятий из нее, произведенных закононо) требовала значительного кадра чиновников, которые производили бы соответствующий обмер земель, распределение их через каждое шестилетие (фактически гораздо реже), вели учет многочисленных специальных видов земель, наблюдали за закономерностью арендных операций и т. д. Официально все эти функции должны были осуществлять начальники провинций (кокуси). Однако на практике это привело к необходимости создания большого административного аппарата, управлявшегося из столицы (в 710 г. была торжественно основана императорская столица Нара), поскольку

кокуси заботились, главным образом, о собственных местнических интересах и не были заинтересованы в том, чтобы столица получала полностью огромные массы причитавшихся ей «по закону» рисовых и иных платежей.

Этот аппарат, подкрепленный авторитетом военной силы, и был орудием проведения системы хандэн.

Огромное влияние на процесс феодализации Японии оказывало буддийское духовенство, превратившее монастыри и храмы в оплот собственного экономического могущества и одновременно в очаги всякого рода политических интриг. Эти интриги в основном были направлены на захват руководящего влияния при императорском дворе в столице и при местных «дворах» чиновной знати. Союз Сумэраги и Накатоми, направленный против прежнего оплота буддизма — Сога, способствовал появлению в Японии и известным успехам конфуцианства¹, но это не помешало установлению хороших отношений между императорским домом и монастырями.

Двор Сумэраги вскоре стал даже еще более ревностно поощрять деятельность монахов. При этом характерно, что еще раньше было найдено компромиссное разрешение вопроса о взаимоотношениях между старым родовым культом племени ямато — синто — и буддизмом. Было объявлено, что обе эти религии не противоречат одна другой. В соответствии с этим в кодексе Тайхо содержится специальное указание на необходимость обеспечения земель как буддийских, так и синтоистских монастырей. Буддийские земли получали так называемые дзидэн, синтоистские — синдэн.

Если учесть, что, кроме этих специальных храмовых и монастырских наделов, монастыри владели большим количеством полусвободных и рабов (на которых также приписывалась земля), то вполне естественно, что их влияние с введением наделной системы нисколько не оказалось подорванным. Впоследствии, с возникновением и развитием феодализма в стране, монастыри превратились в огромную политическую силу. Весь последующий период японской истории проходит под знаком растущего вмешательства монастырей в активную политическую жизнь, приводящего моментами к захвату ими всей полноты власти. Этот захват происходил, главным образом, при посредстве выдвижения подставных фигур на императорский престол, за кулисами которого подлинными хозяевами выступали представители буддийского духовенства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ ЯПОНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

В результате утвердившегося после «переворота Тайка» порядка установилось резкое различие между столицей Нара, являвшейся по существу единственным городом Японии, и всей остальной ча-

¹ В 701 г. в Японии впервые официально праздновался конфуцианский праздник.

стью страны. Местопребывание императорского двора в Нара превратило этот пункт в средоточие всей культурной жизни страны, хотя культура и даже роскошь, характерные для столицы, являлись уделом чрезвычайно узкой социальной прослойки придворных и той части родовой аристократии, которая проживала в Нара. В столице широко была воспринята традиция китайского двора, состоявшая в том, что императорское окружение свой «досуг» посвящало искусствам и литературе. Огромные средства, привлекавшие в Нара из провинции, расходовались на украшение столицы зданиями, роскошными парками и храмами. Почти все строительные работы производились руками рабов. Было обращено специальное внимание на то, чтобы увеличить количество рабов в столице. В то время как в провинции рабство не получило значительного развития и, наоборот, с установлением системы хандэн стало постепенно исчезать (местной знати гораздо выгоднее было иметь свободных крестьян, так как это в большей степени увеличивало ее земельные владения), императорская власть издала ряд законов, смысл которых состоял в том, чтобы способствовать увеличению числа рабов вообще и, в особенности, государственных рабов, находившихся в непосредственном владении у двора.

Все рабы разделялись на пять категорий: 1) рабы — прислужники при императорских гробницах, приравненные почти к государственным чиновникам; 2) рабы — слуги государственных учреждений; 3) государственные рабы; 4) рабы, выполнявшие роль домашних слуг у частных лиц, и 5) другие частные рабы. В целях увеличения количества рабов закон поощрял браки между ними, а потомство от смешанных браков рабов со свободными также причислялось к рабам. Характерно, что дети от свободных и рабов считались государственными рабами. В 90-х годах VII в. был издан закон, разрешавший отдавать в рабство неоплатных должников. Была допущена также самопродажа в рабство. Дополнительным источником увеличения числа рабов была отдача в рабство за преступления. В государственных рабов превращались и все члены семьи лиц, совершивших определенные преступления.

Правовое положение рабов различалось в зависимости от их категории: государственные рабы первых двух категорий находились в относительно лучшем положении, нежели простые «казенные» рабы и в особенности частные рабы. Убивать рабов формально было запрещено, но за убийство раба полагалось ничтожное наказание. Рабов покупали и продавали. Известны многочисленные случаи, когда рабы «жертвовались» храмам, дарились, отдавались государству взамен установленных податных платежей или просто служили объектом коммерческих сделок. За поимку бежавшего раба уплачивалось определенное вознаграждение. За кражу раба налагалась ответственность, как за кражу любой другой ценной вещи.

Рабский труд, достигший своего наибольшего распространения в Японии как раз в VIII в., не играл, однако, решающей роли в хозяйстве. В столице рабы действительно играли роль основной

производительной силы. Но основное сельскохозяйственное производство (а следует помнить, что земля была главным мерилем богатства) было основано на труде свободных крестьян, число которых значительно превосходило число рабов. Количество рабов в Японии в VIII в. составляло от 10 до 20% всего населения, а по подсчетам некоторых японских историков — еще меньше.

Кроме двора, большим количеством рабов владели храмы и монастыри. Некоторые из них по своему богатству не уступали столице.

Кроме рабов, существовало значительное количество полусвободных, так называемых дзацукю, ведших свое происхождение от прежних бэ, занимавшихся ремеслами. Огромное количество ремесленников было сосредоточено постоянно в столице для выполнения заказов двора и придворной знати. Широких обменных операций, развившихся до степени настоящей торговли, страна еще не знала. Это объяснялось, во-первых, узостью того социального слоя, который мог быть потребителем утвари, тканей, оружия специальной выделки, и, во-вторых, территориальной разобщенностью отдельных частей страны. Несмотря на то, что в законах Тайка видное место было уделено проблеме установления регулярной почтово-пассажирской связи столицы с «кокуси», разбросанными по провинциям, на практике эта связь осуществлялась с колоссальным трудом. В нескольких километрах за стенами Нара начиналась уже мало изведенная территория, угрожавшая тысячами опасностей любому путешественнику.

Известно, что первичной формой выступлений рабов против своих угнетателей является превращение беглых рабов в разбойников. Разбои получили огромное распространение в Японии, усиливая и без того чрезвычайную разобщенность отдельных частей страны. Неудивительно поэтому, что одним из самых суровых наказаний для придворной знати считалась высылка из столицы за пределы городской стены. Сама столица нуждалась в постоянном сильном военном гарнизоне, способном защитить ее от нападения разбойников. Японские хроники, однако, не зарегистрировали восстаний рабов, т. е. организованных выступлений против рабовладельцев.

Как указывалось выше, кодекс Тайхо, введший систему хандэп, оставлял бесчисленное количество лазеек, обеспечивавших представителям господствовавшего класса легальное сохранение и развитие частной собственности на землю. Но и помимо этих узаконенных путей концентрации крупных земельных богатств в руках знати, самое развитие страны приводило к быстрой феодализации ее, росту центробежных тенденций и постоянному уменьшению влияния императорской столицы на жизнь провинции. Центральное правительство не могло, разумеется, сколько-нибудь эффективно контролировать проведение в жизнь сложного бюрократического порядка распределения земли между населением и целиком передоверяло эти функции начальникам провинций (кокуси). Если на первых порах пределы земли, предусмотрен-

ные кодексом Тайхо, через каждые шесть лет кое-как производились, то в дальнейшем они все в большей степени превращались в фикцию. От кокуси (которые представляли собой в большей части недавнюю родовую аристократию) требовалось лишь более или менее регулярное снабжение императорского двора и столицы определенной долей собранного с крестьян налога. Но даже самое определение доли этого налога все больше выходило из-под непосредственного контроля столицы. Кокуси широко применяли свои права для округления и расширения принадлежавших им «раг-говых» и «служебных» земельных наделов, интенсиивно проводили подъем целины, для обработки которой прикрепляли свободное крестьянское население к земле, а для обеспечения целостности своих обширных владений создавали собственные дружины, еще больше способствовавшие обособлению провинций от центральной власти. Японские историки характеризуют этот период углубления феодализации страны термином сёэн, называя так систему феодальных поместий, пришедшую на смену системе хандэн. В действительности, сёэн развивались в недрах номинальной государственной собственности на землю уже в момент появления дзюкифу. Повидимому, система хандэн никогда не получила в Японии абсолютного развития. Рабовладение также не пустило глубоких корней в Японии. Рабовладельцы не сумели, очевидно, создать военную организацию, которая обеспечивала бы завоевания, захват большой массы рабов как источник их силы. Поэтому особенностью исторического развития Японии на данной стадии явилось переплетение отношений рабовладения и крепостничества, с неуклонным возрастанием удельного веса последнего.

Перенесение в 794 г. японской императорской столицы из Нара в Киото, носившее название Хэйан (что значит буквально «мир и покой»), способствовало дальнейшему отчуждению центральной власти от остальной страны. Роскошь императорского двора, достигнув исключительно больших размеров, сопровождалась почти полным падением внимания к делам государственного управления. Так называемая «хэйанская культура», давшая ряд замечательных образцов «античной» литературы и искусства, выросла на почве самозащиты тончайшего слоя придворной аристократии от всяких «низменных» будничных дел, преспорученных целиком другим. Господствовавшее в столице китайское влияние приводило, в частности, к тому, что высший класс изъяснялся между собой почти исключительно на китайском языке, литературные произведения писались на китайском языке, точно так же как и законы, абсолютно недоступные по этой причине даже для большинства местных чиновников и местной знати, отстоявших далеко от китайзированной культуры императорского двора. В самой столице все интересы не выходили за рамки узко придворных дел и интриг.

Подобие императорской власти принадлежало при этом отнюдь не «наследнику богини Аматэрасу», а семейству Фудзивара, унаследовавшему свои права от представителей крупного и влиятельного рода Накатоми (выступавшего прежде в качестве одного

из претендентов на роль общеплеменного царя племени ямато). Представители фамилии Фудзивара присвоили себе титулы «регентов» и «канцлеров» (сэсэ и кампаку). В течение VIII—XI вв. династия Фудзивара была фактически правящей. Это достигалось путем обязательной женитьбы императора на женьгине из рода Фудзивара. Таким образом, было установлено постоянное родство фактических правителей с императорским родом, представители которого вырождались в окружении безвольной, изнеженной и развращенной знати, которая в лучшем случае довольствовалась культивированием китайской придворно-феодальной «утонченности чувств», а в большинстве случаев предавалась всевозможным порокам.

В этот период огромное влияние получает буддийское духовенство. Фудзивара принуждены постоянно считаться с влиянием монастырей, с их материальными богатствами. Они даже заискивают перед могущественными монахами, привлекают их в качестве учителей и советников. Среди знати получает распространение обычай самопострижения в монахи, что означало обыкновенно отнюдь не отказ от «мирских дел», а, наоборот, мобилизацию мощного аппарата буддизма для наилучшего достижения поставленных личным честолюбием целей.

Усиление влияния буддийского духовенства в столице проявлялось, между прочим, и в установлении особой системы управления, получившей название «инсэй» («монастырское правление»). Был установлен обычай обязательного «отречения от мира» всякого императора по достижении им зрелого возраста, пострижения его в монахи и назначения на место ушедшего нового императора, обязательно малолетнего. За этого малолетнего императора фактически правила клика придворных и монахов, причем последние играли первую роль. Ввиду распространности ранних браков у императоров обычно бывало уже потомство ко времени их пострижения в монахи. Поэтому, уходя в монастырь, император обыкновенно оставлял трон своему малолетнему сыну. При этом бывший император после пострижения получал в свои руки фактическую власть на правах регента или опекуна. Смысл этой своеобразной системы заключался в том, что фактическое руководство сосредоточивалось в руках высшего буддийского духовенства, которое, подобно христианскому католицизму в средневековой Европе, считало себя главным источником власти вообще. Полный расцвет системы инсэй относится к X и особенно к началу XI в.

Блеск императорской столицы, роскошь буддийских монастырей и образование феодальных поместий сёэн происходили на фоне крайней нищеты основной массы населения как «свободных»¹, так и рабов (число которых, кстати, с развитием сёэн стало быстро уменьшаться). Содержание двора требовало огромных средств, параллельно увеличивались аппетиты и у местных феодалов. Платить за это должна была бесправная крестьянская масса.

¹ На деле крестьяне были прикреплены к земле.

Для характеристики хищнических форм эксплуатации японского крестьянства в этот период типично распространение так называемой казенной рисовой ссуды, носившей название суйко. Внешне эта ссуда была обставлена как благодеяние государя своим подданным: каждую весну императорские чиновники заимообразно раздавали крестьянам рис до сбора ими очередного урожая. Осенью же эта ссуда подлежала возврату с уплатой 50% годовых. Если эту ссуду выдавало не государство, а частное лицо, то закон требовал уплаты 100% годовых (за один мешок риса надо было платить осенью два мешка). В конце VIII и в начале IX в. суйко являлось одним из главных средств обогащения двора и местных чиновников. Крестьянство нуждалось до такой степени, что без рассуждения принимало ссуду весной, подвергаясь чуть ли не полному разорению и закабалению при осенней расплате. Местные чиновники постоянно самовольно увеличивали процент уплаты за казенное суйко, присваивая себе разницу. Когда разоренные крестьяне на следующий год весной отказывались от получения новой ссуды, то закон объявлял получение суйко обязательной повинностью каждого, превратив его тем самым в особый вид подати. Суйко вызывало постоянное разорение крестьянских хозяйств, невыплата процентов влекла за собой конфискацию жалкого крестьянского имущества. Гнет суйко был настолько велик, что хрониками зарегистрированы случаи крестьянских восстаний, поводом для которых послужило суйко. Императорская власть вынуждена была даже сама издавать указы о понижении процента за выдачу суйко до 30%. Иногда под угрозой массового бунта на почве голода Фудзивара объявляли о ликвидации задолженности крестьян по недоимкам за суйко. Однако при первой возможности эти «поблажки» снова отменялись, и суйко действовало со всей жестокостью. Непосредственным результатом применения этой системы казенной и частной ссуды являлись крестьянские восстания, массовое бегство крестьян с земли, превращение их в бродяг (ропинов). Так, например, крупные крестьянские восстания происходили во второй половине IX в. В японских хрониках содержатся упоминания о нападении армии восставших крестьян даже на самую столицу — Хэйан. В результате одного из таких нападений было уничтожено множество дворцов и храмов, многие представители аристократии были перебиты восставшими.

Другим результатом применения системы суйко была концентрация земель в руках феодалов, развитие сёэн, на которые никакие императорские указы, в том числе и о суйко, реально не распространялись.

Большое количество сёэн возникло в результате обработки нови (кондэн). Так как рабов оказывалось слишком мало для того, чтобы обработать новые земли, то феодалы охотно принимали беглых крестьян, привлекали и «свободное» крестьянское население, побуждая его бросать государственную наделенную землю и переходить на положение крепостных в сёэн. Крестьяне шли на это не только под прямой угрозой насилия со стороны местной знати, но

иногда даже и добровольно, вследствие невыносимого гнета со стороны императорских чиновников. В связи с этим происходил интенсивный процесс размывания слоя надельного крестьянства и одно-временного исчезновения рабства. Некоторая часть крестьян, бросая свои наделы, превращалась в бродяжничающих разбойников (слово ропин — бродяга — появилось впервые в Японии именно как синоним бродяжничающих крестьян), а большинство становилось крепостными в феодальных поместьях. Рабы также постепенно превращались в крепостных крестьян, ничем от них теперь не отличаясь. Дольше всего рабы сохранялись в столице, где они обслуживали придворную знать, храмы и монастыри. Но поскольку по всей стране рабство стало исчезать, то и в столице оно не могло удержаться в течение длительного времени. Характерно, что уже в конце VIII в. императорский указ отменил прежний порядок, по которому дети от брака раба и свободного рождаются рабами; впредь они признавались свободными.

Развитие феодальной системы в Японии привело к выделению ряда сильных феодальных домов (хонкэ), выступавших в качестве сюзеренов по отношению к владельцам мелкопоместных сёэн, становившимся вассалами первых (рёка). Хонкэ и рёка господствовали над крестьянами, подразделявшимися на дружинников (самурай) и земледельцев (тигэ). Таким образом получалась законченная картина феодальной общественной структуры, совершенно разрушившей прежние деления, установленные реформой Тайка.

Крах надельной системы чрезвычайно подорвал экономическую силу императорской власти. Если и раньше доля государственных налогов в большой мере зависела от произвола собиравших эти налоги чиновников, то с течением времени местные феодальные магнаты — владельцы крупных сёэн, отчасти забравшие силой, отчасти переманившие к себе «свободное», сидевшее на «наделах» крестьянское население, стали совершенно игнорировать интересы государства (т. е. столицы). Все чаще стала проявляться тенденция к полному политическому обособлению отдельных сильных феодалов от центральной власти. Уже в X в. начинается полоса открытых вооруженных выступлений крупных феодалов против засилия в столице фамилии Фудзивара. Императорская власть расшатывается до такой степени, что лишь при помощи других феодалов добивается возможности некоторой отсрочки своего окончательного падения. Политика Фудзивара в это тяжелое для них время сводится почти исключительно к разжиганию междоусобной борьбы между наиболее опасными для них феодалами. Во всяком случае в военном отношении императорская власть уже не может тягаться с крупными феодалами. Единственным сильным оплотом императорской власти против крупных феодалов были буддийские монастыри, которые как самые крупные феодальные образования старались использовать центральную власть для усиления своего влияния. Будучи разбросаны по всей стране, эти монастыри были большой реальной силой, помогавшей до поры до времени Фудзивара держать в своих руках номинальную власть над всей страной.

Но в XII в. владычеству Фудзивара был нанесен решительный удар. Этот удар последовал с Востока. Те области Японии, которые были расположены на окраинах и вели постоянные войны с так называемыми варварами (на северо-востоке и на юге), благодаря концентрации в руках местных феодальных правителей больших военных сил раньше других стали фактически независимыми от центральной власти. В авангарде этих областей находился Восток.

Область Канто (нынешний район Токио — Иокогама) уже в X в. была очагом частых вооруженных посягательств мощных феодальных домов Тайра и Минамото на полную ликвидацию центра — императорской столицы Киото.

Один из предателей фамилии Тайра, Масакадо, в 939 г. собрал значительную армию, разбил противодействовавших ему феодалов и, нанеся ряд жестоких поражений императорским войскам Фудзивара, провозгласил себя императором. Масакадо удалось объединить под своей властью ряд провинций, расположенных в северо-западной части Японии. С большим трудом правящий лагерь во главе с фамилией Фудзивара смог в конце концов подавить это выступление и еще на некоторое время сохранить свое господство. С 999 г. феодальный дом Тайра становится фактически независимым от центра. В 1028 г. повторяется восстание против Киото, руководимое Тайра Тадацуна. С ним Фудзивара еще удается справиться. Но в дальнейшем вапор сильных феодальных магнатов становится настолько мощным, что соединенные усилия Фудзивара и усердно поддерживавших их буддийских монастырей уже не могут привести к дальнейшей отсрочке крушения подгнившего хэйанского режима. С целью защитить себя от неминуемой гибели Фудзивара капитулируют перед одним из самых мощных претендентов на власть — домом Тайра, надеясь приручить этого опасного противника, осыпая его почестями и придворными званиями. В экономическом отношении Тайра уже давно были во много раз сильнее Фудзивара. Тайра, однако, вовсе не собирались удовлетвориться внешним признанием их силы.

В 1156 г. жестокий и необузданный феодальный князь Тайра Киёмори захватил в свои руки столицу, совершенно отстранил Фудзивара от власти и установил свою личную диктатуру (не ликвидируя, однако, формально императорского дома). Часть Фудзивара, бежавших из столицы, попытались вступить в блок против Тайра с его сильнейшим феодальным соперником — домом Минамото. В 1156—1158 гг. Тайра Киёмори, действуя «по полномочию императора», ликвидировал нервую серьезную попытку подобного блока (во главе этого блока стояли бывший император, монах Сутоку, Фудзивара Йоринага и Минамото Тамэйоси). Через год Тайра пришлось победоносно выступить против новой подобной же коалиции (мятеж Фудзивара Нобуёри и Минамото Йоситомо — 1159—1160 гг.). В течение 20 лет Тайра Киёмори был полным хозяином положения и в столице и в большей части провинций, где ему лично принадлежало свыше 500 крупных феодальных земельных поместий. Однако слабым пунктом диктатуры Тайра, обусло-

вившим ее кратковременность, было отсутствие достаточно крепкой военной опоры. Окруженный врагами-соперниками (как из числа остальных феодалов, так и из среды буддийского духовенства и немногочисленных представителей фамилии Фудзивара), Тайра не мог обуздать их вооруженной силой, поскольку собственные его владения были разбросаны по разным пунктам вдали от столицы и войска его оказывались раздробленными.

Против Тайра выступил феодальный владетель большей части Канто, Минамото Йоритомо, руководивший хорошо организованной армией, состоявшей в основном из профессиональных дружинников (самураев), охранявших японские рубежи от северовосточных «варваров». В 1185 г. в морской битве при Данноура Тайра Кийёмори был разгромлен, столица захвачена Минамото, который утвердил свою собственную военную власть, положив начало новому государственному порядку, известному под названием сёгуната. Этот термин происходит от титула, который принял Минамото Йоритомо — сэй и тайсёгун, что буквально означает «великий полководец, покоряющий варваров». Объявив себя в 1192 г. сёгуном, т. е. провозгласив себя фактически правителем страны, Минамото Йоритомо установил свою постоянную резиденцию не в Киото, а в своем замке в Камакура (в области Канто). Поэтому в японской периодизации истории существует эпоха Камакура, или первого сёгуната (сёгуната династии Минамото в отличие от сёгуната Асикага, а затем Токугава).

Этот исторический период в Японии пытаются изобразить иногда как установление централизованного феодального государства и правительство, основанное Минамото (бакуфу — полевая ставка), трактуя как утверждение военной диктатуры, осуществлявшей реальную власть над всей страной. В действительности же сёгунат Минамото далеко не ликвидировал раздробленности Японии на изолированные владения отдельных феодалов, которая установилась уже к концу эпохи Хэйан. По данным профессора Хондзё, существовало не менее 37 феодалов, на которых власть Камакура не распространялась. Кроме того, существовали и монастыри, которые также составляли самостоятельные феодальные владения. Монастыри владели большим количеством оружия и были хорошо укреплены.

Одному из императоров хэйанской эпохи, Сиракава, приписывали фразу о том, что «три вещи остаются ему неподвластными: течение вод реки Камогава, игральные кости, которые ложатся по своему произволу, и монахи монастыря Хиэйдзан». На горе Хиэйдзан был расположен богатейший буддийский монастырь, представлявший собой неприступную твердыню.

Лишь после подавления восстания, организованного через несколько лет после прихода Минамото к власти группой киотской аристократии, опиравшейся на местные феодальные силы, правительство сёгуна предприняло шаги к распространению своего влияния на большую территорию. В каждую провинцию Минамото направил своих чиновников, дав в их распоряжение военную

силу для осуществления высшего контроля над местными феодалами. Эти представители центральной власти носили звание сьюго. Кроме сьюго, в провинции были посланы также дзито с более конкретными функциями контроля над доходами местных феодалов, наблюдения за правильностью сбора и поступления налогов и с довольно широкими административными полномочиями. В роли сьюго и дзито выступали исключительно личные вассалы дома Минамото, получившие название гокэнин. Прежняя придворная аристократия была постепенно оттеснена от политического влияния. Опорой режима Камакура явились гокэнин, число которых увеличивалось по мере укрепления нового феодального режима.

Конфискуя земли своих противников, Минамото усиленно раздавал их своим дружинникам на началах ленной зависимости. Недавние неимущие крестьяне-самураи превращались в особое сословие привилегированных земельных собственников — прямых вассалов всеильного сёгуна.

Положение Минамото Йоритомо в государстве зависело целиком от его военной мощи. Многие из его противников были на первых порах гораздо сильнее экономически. Характерно, что в сохранившихся материалах относительно образа жизни Йоритомо он изображен в виде сурового солдата, осуждавшего роскошь, господствовавшую при дворе и в окружении его предшественников по власти. На смену китайским утонченным развлечениям (музыка и поэзия), культивировавшимся в Киото, камакурские хозяева Японии стали поощрять чисто воинские и спортивные развлечения, вроде охоты, верховой езды и т. п. Между прочим, и на этой почве между новым двором сёгуна и прежней аристократией с первых же шагов возникли взаимное недоброжелательство и отчужденность. Киотоская знать видела в окружении Минамото «грубых варваров», «варвары» же высмеивали придворных за их изнеженность и праздность.

Объявив себя сёгуном, Минамото Йоритомо номинально не посягнул на императорскую власть и формально действовал от имени императора. Не менее осторожную политику проводил Минамото и в отношении самого сильного оплота прежнего политического режима — монастырей. Он не посягнул на их политическую и экономическую независимость. Повидимому, главной причиной, обусловившей эту политику, была недостаточная уверенность Минамото в собственных силах. Он с особой подозрительностью относился к своему собственному окружению. Сводный брат Йоритомо, Йосицунэ, который командовал его войсками против Тайра и снискал себе славу блестящего полководца, стал жертвой этой подозрительности и был убит по приказу Йоритомо. Такой же участи подвергся ряд других ближайших родственников первого сёгуна.

Смерть Йоритомо в 1199 г. привела к установлению личной диктатуры фамилии Ходзэ, из которой происходила жена первого сёгуна. От имени несовершеннолетних наследников сёгуна правил так называемый сиккэн, или правитель, из дома Ходзэ (формально начало правления Ходзэ относится в 1205 г.). Однако режим

«полевой ставки», или система бакуфу, установленная Минамото, сохранился без всяких изменений. Разделение феодалов на кугэ, или придворных (находившихся в состоянии более или менее пассивной оппозиции к власти сёгуна), и букэ, т. е. феодалов — вассалов сёгуна, прочно укоренилось. Правительство сёгуна и сиккэнов особое внимание уделяло закреплению за своими вассалами тех земельных владений, которые реально находились в их руках. Чтобы воспрепятствовать переходу этих земель в руки кугэ, монастырей или крестьянства, было окончательно формально узаконено прикрепление крестьян к земле и было издано категорическое запрещение передачи земли в какой бы то ни было форме другому лицу. Запрещено было также закладывать земли или отчуждать их за неуплату долга.

В 1232 г. был опубликован новый кодекс законов, получивший название Дзёэй сикимоку. Этот кодекс в отличие от Тайхорё являлся типичным образцом феодального мировоззрения, установившим принцип первенства меча и иных «рыцарских добродетелей». Задуманный первоначально как собрание норм, регулирующих взаимоотношения между феодалами и вассалами, Дзёэй сикимоку стал фактически универсальным кодексом, получившим самое широкое практическое применение.

Характерной чертой периода существования сиккэнов Ходзё было превращение сёгунов (которые продолжали существовать и с 1226 г. стали назначаться ради легализации режима из фамилии Фудзивара) в такой же номинальный институт, каким оставались императоры в годы господства Фудзивара. Постоянные придворные интриги, иногда принимавшие форму заговоров, то ли под предлогом борьбы за «реставрацию» власти императора, то ли «в пользу» сёгуна, продолжались в течение всего периода существования режима Ходзё. Соперничавшие феодалы вели между собой постоянную борьбу и часто пытались использовать императорский двор, сёгуна и окружение фактических правителей, сиккэнов, в своих частных интересах. Междоусобицы разоряли мелких вассалов и особенно способствовали росту крестьянской нищеты по всей стране. Даже гокэнин влачили незавидное существование, не будучи в состоянии сохранить свои земельные участки, и оказывались вынужденными отдавать их в залог или итти на скрытую продажу своей земли, несмотря на существовавшие запретительные законы.

В этот период важную роль начинают играть торговля и ремесла. В отличие от киотского периода они не являются уже исключительной принадлежностью императорской столицы, а получают более широкое распространение в стране. Киото уже не единственный город Японии. Крупные феодалы, стремясь использовать ремесла и торговлю в целях обогащения своего феода, предоставляют известные льготы ремесленникам, поощряют торговлю, рассматривая их под углом зрения возможного увеличения палогов. Видную роль в деле развития ремесла и торговли играют также монастыри. Расцветает ростовщичество, которое принимает столь угрожающие феодальному строю размеры, что в 1297 г. правительство

бакуфу издает специальный указ (Токусэйрё), запрещающий продажу и залог земель, принадлежащих гокэнин, и, что особенно важно, отбирающий безвозмездно у новых владельцев, преимущественно ростовщиков, все те земли, которые были ими приобретены у гокэнин в течение последних 20 лет. Все эти земли возвращались их прежним владельцам. Закон запрещал также принимать к рассмотрению всякие жалобы по делам о неуплате денежного долга. Небольшое исключение было сделано лишь в отношении ростовщиков — владельцев своеобразных ломбардов, выдававших ссуды под залог вещей.

Издание Токусэйрё, однако, привело к новым экономическим осложнениям: удорожанию или даже полному исчезновению кредита. Уже через год бакуфу вынуждено было отменить Токусэйрё, хотя в дальнейшем под нажимом гокэнин много раз делались попытки его частичного или полного восстановления. Чтобы застраховать себя от возможного восстановления Токусэйрё, лица, заключавшие сделки, подписывали специальные обязательства не нарушать условий соглашения, если они даже подпадут под действие Токусэйрё в будущем. Эти обязательства носили название Токусэй тампо (гарантии от Токусэйрё).

Крупным событием в истории Японии этого периода была угроза завоевания Японии монголами. В 1266 г. монгольский император Кубилай хан, подчинивший себе не только Китай¹, но и Корею, сделал первую попытку отправить в Японию послов, чтобы добиться признания своего сюзеренитета и от японского государства. Письмо Кубилая было оставлено японцами без ответа. Через 2 года монголы повторили попытку путем переговоров установить прямые взаимоотношения с Японией. После новой неудачи Кубилай приказал корейскому вассальному князю подготовиться к военным действиям против японцев. В 1274 г. 500 военных судов и 115 тыс. монгольских, китайских и корейских воинов двинулись к берегам Японии, захватили острова Цусима и Ики и высадились на побережье Кюсю. Численное превосходство и более высокая военная техника, чем у японцев, обеспечили монголам легкую победу над местными японскими феодалами. Однако жестокий тайфун неожиданно уничтожил монгольские суда, вследствие чего столь успешно начатое завоевание Японии было прервано. Повидимому, эта неудача произвела большое впечатление на Кубилая хана, который в следующем году снова перешел на путь дипломатических переговоров с японцами. Но последние оказались чрезвычайно воодушевленными своей нечаянной «победой», и сиккэн Ходзэ Токимунэ распорядился обезглавить монгольских послов. Война возобновилась в 1278 г. и продолжалась около двух лет с переменным успехом, главным образом, благодаря тому, что Кубилай хан не вел этой войны непосредственно, а поручил ведение ее корейцам. Конечному успеху японцев, которые применили даже частичное контрнаступление (японский десант высадился на побережье Кореи),

¹ Где монголами была основана так называемая ваньская династия.

способствовали эпидемии, начавшиеся в войсках корейского князя. Источники обе борющиеся стороны, война закончилась в 1281 г. безрезультатно для монгольских завоевателей.

Ближайшим последствием этих событий явилось сильнейшее обеднение страны и дальнейшее ослабление центральной власти Ходзё. Основная тяжесть ведения войны с монголами легла на плечи крестьян и мелкого самурайства. Но одновременно война значительно уменьшила экономические ресурсы камакурского правительства, поставив его в большую зависимость от ряда крупных феодалов. Дом Ходзё постепенно теряет монополию на занятия руководящего положения в центральном аппарате. Кроме того, на должностях сиккэнов появляются бездарные фигуры, лишённые всякого реального влияния на дела государственного управления.

Подобно тому как императоры, а затем сёгуны потеряли свою реальную власть, «переуступив» ее своим так называемым исполнительным органам, последние сиккэны из дома Ходзё стали игрушками в руках своих министров. Дворцово-гаремные развлечения, находившиеся под суровым запрещением в первые годы существования камакурского режима, стали обязательной принадлежностью при дворе девятого сиккэна из фамилии Ходзё, Такатоки.

Поскольку общее ослабление центральной власти было обусловлено глубокими причинами: всеобщим разорением в результате борьбы с монголами, укреплением группы влиятельных феодалов в юго-западной части Японии (отчасти в силу того, что они сыграли видную роль в отражении монгольского нашествия, отчасти благодаря более быстрому и успешному развитию на юго-западе ремесла и торговли, развитию торгового судоходства, в частности), то измельчание фигур людей, возглавлявших власть, лишь ускорило фатальный исход кризиса, который переживал камакурский режим в целом.

Взрыв общего недовольства правительством бакуфу был ускорен выявившейся беспомощностью и нераспорядительностью сиккэнов, обнаруженными ими в связи с рядом стихийных бедствий в стране, массовыми неурожаями и эпидемиями. Правительству удалось кое-как справиться с крестьянскими восстаниями. Но создавшимся положением решила воспользоваться группа враждебных Камакура феодалов. Она вступила в контакт с императорским двором в Киото, где в это время завязывался очередной узел внутренних интриг между бывшими императорами-монахами и будущими императорами-принцами. В Киото скопилось одновременно 5 экс-императоров, которые все в той или иной степени участвовали в сложной борьбе отдельных феодалов и между собой и с правительством бакуфу. В центре интриг оказался император Годайго, который после своего отречения добивался передачи престола своему сыну, встретил отпор этому со стороны Камакура и в итоге кратковременной борьбы был сослан на остров Оки. Ссылка Годайго послужила предлогом для образования антикамакурской коалиции феодалов. Они помогли Годайго бежать из места ссылки и объявили поход против бакуфу.

Три феодала — Асикага Такаудзи, Нитта Иосисада и Кусуноки Масасигэ — возглавили мятеж, разгромили правительственные войска и сожгли Камакура в 1333 г.

Последний сиккэн Ходзё Такатоки покончил самоубийством, его сторонники были частью перебиты, частью принуждены спастись бегством. Годайго был «восстановлен в правах» императора, и, как уверяет официальная японская история, Япония на короткое время вернулась к системе императорского управления, ликвидировав «узурпаторов». Сын Годайго получил, однако, титул сёгуна, чтобы сохранить эту ставшую уже популярной командную должность в руках династии.

Главную роль в Киото пытался играть при этом Кусуноки Масасигэ, которого официальная японская история изображает «идеальным рыцарем», сторонником полного восстановления поправленных прав императора и пионером в деле ликвидации раздробленности страны на враждующие между собой уделы. Однако никаких социально-экономических предпосылок для объединения Японии еще не существовало. Поэтому период условного единодержавия императора продолжался лишь 2 года. «Рестаурация Кэмму», как официально именуется двухгодичный период управления Годайго, была взорвана теми же феодальными силами, которые способствовали ее рождению. Асикага Такаудзи, крупный феодал, который в свое время изменил дому Ходзё и поддержал Годайго, с такой же легкостью обманул надежды последнего. В 1335 г. Асикага провозгласил себя сёгуном и потребовал у императора подтверждения своих полномочий. Получив отказ, он объявил Годайго низложенным и посадил на трон одного из многочисленных вакантных принцев.

Годайго бежал со своими приверженцами из Киото на юг и обосновался в Иосино (центр провинции Ямато), откуда продолжал вести борьбу с новым сёгуном, настаивая на неизменности своих суверенных прав. Однако Асикага не намерен был отступить. В течение 56 лет в Японии существовали два императора с самостоятельными дворами в Киото (так называемая «северная династия») и в Иосино («южная династия»). Все феодальные князья разделились в связи с этим на два больших лагеря: сторонников сёгуна (и «северной династии») и на сторонников «южан».

В официальной японской истории новый период со времени провозглашения Асикага сёгуном известен под названием второго сёгуната, периода Асикага, или эпохи Муромати (последнее по названию одной из резиденций Асикага).

Режим, установленный новой династией сёгунов, во многом напоминал систему Камакура. Но, в отличие от Мипмото, опорой Асикага являлась не мелкопоместное самурайство (гокэнин), а крупные феодалы, во владениях которых стала развиваться торговля, зарождались города с торговой буржуазией, заинтересованной в известной централизации страны ради расширения внутреннего рынка. Центральная администрация сёгуна возглавлялась подобием сиккэнов, носивших на этот раз наименование канрё (что

тоже может быть переведено как регент). На должности капрё Асикага привлекали поочередно крупных феодалов, в поддержке которых они были заинтересованы. Фактически в роли капрё поочередно выступали три феодальные фамилии: Сибя, Хосокава и Хатакэяма. Основные реформы Асикага после ликвидации южного императорского двора в Йосино в 1392 г. были направлены на укрепление положения класса феодалов, в частности на экономическое усиление правительства и феодальных князей, служивших его опорой. Немаловажным средством экономического укрепления феодальной власти была легализация деятельности торгово-ростовщических элементов, поощрение торговли, защита торговцев от произвола отдельных самураев (ибо по существовавшему кодексу самурай стоял на много выше «торгаша» и при всяком удобном случае показывал свое привилегированное положение, не останавливаясь перед грабежом и убийством). Правительство Асикага охотно допускало существование ремесленных и купеческих гильдий (дза) и торговых фирм (тоя), развертывавших крупные оптовые операции.

Покровительство крупным торговцам, правительство исходило, разумеется, исключительно из интересов феодалов. Поощряя купцов, оно приобретало возможность всегда иметь к своим услугам их кошелек. В свою очередь и крупные феодалы прибегали к помощи нарождавшейся торговой буржуазии для ликвидации своих экономических трудностей. Обменные операции постепенно переставали носить исключительно натуральный характер, и стали развиваться товарно-денежные отношения.

Значительный рост в это время показывают города, выполняющие функции главного рынка для всей страны: Сакай и Хиого. Впервые возникают получившие через 2—3 столетия столь огромное распространение в Японии (в эпоху позднего «токугавского» феодализма) так называемые откупные операции. Они состояли в том, что отдельные феодалы авансом получали от купцов известную денежную сумму, достаточную и для уплаты налога центральному правительству и для содержания самих феодалов. Взамен этого феодалы предоставляли купцам право любыми средствами собирать с крестьян все «причитающиеся» с них феодальные налоги и поборы на всей подвластной им территории (то же самое практиковалось и в непосредственных владениях сёгуна Асикага). Выросший в недрах феодального общества и взлелеянный феодалами торговый капитал использовал эту форму для совершенно безжалостной эксплуатации крестьянства. Откупщики ухитрялись сдирать с крестьян «законные» феодальные сборы в пяти-шестикратном размере. При этом неслыханное развитие получили самые кабальные формы ростовщичества. Забирая у крестьянина, по доверию феодального правителя, весь урожай, откупщик «снабжал» разоренную крестьянскую семью семенами, закабала ее на будущий год, превращаясь постепенно в фактического хозяина, распоряжающегося всем жалким крестьянским имуществом.

Еще более широкое распространение по всей стране, чем откуп, получили торговые монополии. Они заключались в том, что феодальный князь или чиновник сёгуната предоставляли в определенном районе тому или иному купцу право монопольной торговли определенными видами товаров. Это обеспечивало купцу охрану от самурайского произвола и высокие цены. Феодалы же имели постоянный источник дохода, так как, кроме обычных налогов, купцы платили большие суммы за право монопольной торговли и открывали кредит своим покровителям.

Появление торгового капитала отразилось и на внешней торговле. Прежние пиратские набеги японских морских судов на материк, главным образом, на берега Кореи, уже не удовлетворяют японцев. Сооружаются большие корабли, способные выдерживать далекие путешествия, и японские торговцы становятся довольно частыми гостями в Китае. Они устанавливают связи даже с Формозой, Филиппинами и Индокитаем (Аннамом и Сиамом). Крупные феодалы всячески поощряют заморскую торговлю. Сёгун Асикага показывает пример «коммерческого» корыстолюбия, соглашаясь даже на формально уменьшение своего достоинства ради поддержания выгодной торговой связи с Китаем: в 1401 г. третий сёгун династии Асикага, Йосимицу, пришедший к власти в 1367 г., признал себя данником китайского императора (Минской династии), с тем чтобы получить возможность еще больше расширить свои торговые операции в Китае. Коммивояжерами сёгуна выступают буддийские монахи, которые организуют постоянные судоходные рейсы между Японией и Китаем. Храм Тэнрюдзи в Киото становится главным «агентством» по налаживанию торговых отношений с Китаем.

Рост коммерческих связей с Китаем имел одним из своих последствий приток в Японию новой мощной волны разносторонней китайской культуры. Помимо материального обогащения буддийского духовенства и монастырей, которые в этот период ведут особенно широкую торговлю по всей стране, сношения с Китаем способствовали интеллектуальному оживлению в верхах японского феодального общества, подавленному одно время самурайским военным духом Камакура. В связи с выделением слоя торговой буржуазии в Японии буддийская культура господствующих классов приобретает несколько более светский характер. Происходит расцвет японской живописи. Японский феодальный театр «но» организуется именно в этот период. Целый ряд крупных литературных произведений появляется также в период Асикага. Если культурное творчество эпохи Нара и Хэйан выросло исключительно на основе рабского труда и праздной роскоши тончайшего слоя придворной аристократии, то «ренессанс» в эпоху Асикага был связан с некоторым, хотя и ничтожно слабым развитием производительных сил страны, тем относительно слабым прогрессом, который проявился, в частности, в возникновении и росте городов.

Но экономическая политика Асикага не могла способствовать длительной стабилизации созданного ими феодального государства

прежде всего по той причине, что темпы обогащения местных феодальных князей, в особенности владевших городами и портами и сумевших выгодно использовать торю олю и ремесла, обгоняли темпы экономического усиления самого сёгуна. Мощные дза и отдельные фирмы не были заинтересованы в существовании двух хозяев, которым нужно платить и от которых приходится откупаться за свободу наживы: т. е. сёгуната и местного феодала. Те из купцов, которые находились в Киото и пользовались милостями сёгуна, мечтали об укреплении власти сёгуна, о скорейшей ликвидации феодальной раздробленности страны, об утверждении единого рынка, установлении единообразия в налоговой системе, чеканке монеты, мерах веса и т. д. Наоборот, купцы, строившие свое благополучие на поддержке местных феодалов, настойчиво поощряли их децентралистские стремления, будучи прямо заинтересованы в обособлении «своей» территории от владений сёгуна. Судьбы всех представителей торговой буржуазии были тесно связаны с судьбами феодалов, которым они служили.

Богатство и власть нескольких крупных «оборотистых» феодальных князей росли непрерывно. Сёгунат из представителя и защитника их интересов превращался в помеху их дальнейшему усилению. Именно на этой почве происходило постепенное размывание той опоры сёгуната Асикага, которая существовала вначале в виде нескольких крупных феодальных домов, активно помогавших Асикага ликвидировать южный императорский двор и оказывавших сильное влияние на политический курс бакуффу. Выделяются феодальные князья, которые, опираясь на свою силу, все в большей степени перестают считаться с центральной властью сёгуна.

Последние сёгуны из династии Асикага уже почти не пользовались властью в масштабе всей страны. Иностранцы пришельцы в Японию уже в это время отмечали в своих записках, что «в этой стране существует несколько больших королевств», свидетельствуя тем самым о фактической самостоятельности многих феодальных князей, в особенности владевших портами — воротами во внешний мир. Наряду с именами Сиба, Хосокава и Хатакэяма всеобщее признание получают князья Ямана, Оути, Уэсуги и ряд других.

Другим не менее важным моментом, разлагавшим режим Асикага, явилось резкое ухудшение положения основных крестьянских масс, которые за немногим исключением оказались вдвойне обездоленными проникновением торговца и ростовщика в деревню и частичным срастанием интересов феодального землевладения с интересами торгового капитала. Поэтому период Асикага складет начало длительной полосе крестьянских войн, достигших своего апогея в XV в.

Первым крупным крестьянским восстанием было восстание в 1428 г. в Киото, перебросившееся позднее в Нара. Спустя год возникли не менее крупные восстания в провинциях Исэ, Тамба, Сэтцу, Харима, причем эти восстания шли под лозунгом: «В стране не должно быть самураев». Восставшим удалось разбить войско,

высланное против них феодалом, и лишь впоследствии они потерпели поражение, главным образом, вследствие недостаточной сплоченности и организованности. Аналогичное восстание произошло в провинции Ямасиро.

В 1441 г. прокатилась новая волна крестьянских восстаний, в которых наряду с крестьянской массой участвовали также отдельные выходцы из самураев (беглые самураи — ронины). Под начальством ронинов создавались более или менее организованные воинские ополчения, носившие название «асигару», отличавшиеся хорошей мобильностью и упорством в борьбе против феодалов.

Но не только феодальный гнет в его неприкрытом виде вызывал ненависть угнетенного крестьянства. Очень часто крестьянские выступления происходили против новых, скрытых форм феодальной эксплуатации (со стороны ростовщиков, например), причем эти выступления сами протекали иногда под феодальными лозунгами, во всяком случае, в феодальной внешней оболочке.

Непосредственным поводом для большинства крестьянских выступлений был гнет со стороны ростовщиков, которые пользовались увеличением налогового бремени на крестьянство для закрепления своей власти в деревне. Ввиду этого одним из распространенных лозунгов восставших крестьян нередко было требование издания нового Токусэйрё, т. е. закона, ликвидировавшего задолженность. Если в прошлом Токусэйрё ставил своей прямой целью защиту разорвавшегося мелкого самурая, закладывавшего свою землю, то в новых условиях в этом законе были заинтересованы гораздо более широкие общественные слои, которые беспощадно эксплуатировались торгово-ростовщическим капиталом (процветавшим под крылышком у феодального государства), в первую очередь, конечно, крестьянство. Стихийность большинства крестьянских выступлений, неспособность правильно осознать свои классовые интересы приводили к тому, что нередко крестьянская масса апеллировала к феодальному государству (или даже к отдельным крупным феодальным князьям), прося защитить ее от произвола более непосредственного и потому более ненавистного угнетателя — ростовщика. В движениях масс, требовавших введения Токусэйрё, естественно, участвовали поэтому, наряду с крестьянами, и мелкие самураи, иногда даже городская беднота (мелкие ремесленники), служившая постоянным объектом эксплуатации со стороны торгового капитала. Поскольку сёгунат не мог, разумеется, и не хотел вступать в конфликт с торговым капиталом, требование издания Токусэйрё оставалось обычно неудовлетворенным. Тогда движение принимало характер широкой революционной борьбы и феодальные войска вели настоящие сражения с вооруженными «бунтовщиками».

Крестьянские войны 1447, 1451, 1457 и 1461 гг. приняли огромные размеры. Восставшие крестьяне жгли владения своих угнетателей и уничтожали в первую очередь всевозможные долговые записи и обязательства. Нередко крестьяне громили и жгли монастыри и храмы.

В 1467 г., в разгар междоусобной войны двух представителей феодального дома Хатакэяма в провинции Ямасиро, большинство крестьянского населения (совместно с частью мелких самураев, ремесленников и торговцев) образовало военные отряды, которые двинулись против обоих Хатакэяма, разорвавших провинцию, и предъявили им ультиматум: 1) убрать из провинции войска обоих соперников, 2) отдать землю народу и 3) ликвидировать заставы, мешавшие сообщению между отдельными районами провинции. Получив отказ, восставшие разбили обоих феодалов и установили в 1468 г. народную власть. С этой целью в одном из храмов Ямасиро было собрано все взрослое мужское население, которое избрало правителя провинции (сококугэцу гэдзи), определило круг его прав и обязанностей, в частности, размеры налогового обложения, утвердило законы и постановило содержать постоянное народное ополчение для охраны провинции от внешних посягательств со стороны феодалов. Несмотря на то, что это народное управление было с самых первых шагов ослаблено внутренними раздорами, которые вызывались, повидимому, социальной неоднородностью участников этого движения (крестьяне, ремесленники, торговцы, мелкие самурайство), провинция Ямасиро в течение нескольких лет¹ не знала феодальных князей и чиновников и успешно оборонялась от своих противников. Это свидетельствовало, разумеется, о крайней расшатанности феодального режима и о фактическом отсутствии достаточно прочной центральной власти. Бакуфу вынуждено было вступить в переговоры с мятежной провинцией и «убедило» ее в конце концов принять назначенного сюю из столицы.

Любопытно отметить, что иногда крестьяне применяли и такой своеобразный вид борьбы с феодальным произволом, как прекращение связей столицы с провинциями, организуя своеобразную блокаду с полным запретом подвоза продуктов.

Как показывают японские хроники, имели известное распространение и так пазываемые религиозные бунты (доикки), организаторами которых выступали многочисленные религиозные секты (как известно, буддизм до настоящего времени представляет собой сумму разнообразных сект). Эти бунты сопровождалась захватами монастырей, но в конечном счете сводились к расправе с наиболее ненавистными феодалами и с ростовщиками и могут быть рассматриваемы поэтому, как разновидность крестьянских войн.

Крестьянские восстания очень серьезно повлияли на ослабление феодального строя Асикага. Тот внешний прогресс, который проявлялся в городах и в столице сёгуна, не мог прикрыть картины ужасающей бедности и нищеты огромного большинства населения страны. Голод и эпидемии были постоянными гостями Японии. Для характеристики кошмарного положения обществственных «низов» в этот период достаточно сослаться на официально признанные в японских исторических хрониках факты, наблюдавшиеся в столице сёгуна — Киото — в голодные годы. В 1454 г.

¹ По данным профессора Хондзэ, в течение 7 лет.

на улицах Киото ежедневно подбирались до 700 трупов людей, умерших от голода и эпидемических заболеваний. В 1461 г. в течение двух месяцев в Киото умерло около 80 тыс. человек. Не трудно представить себе, что творилось вне столицы. Огромные размеры принимало детоубийство. Процветала торговля женщинами и детьми. Девушки продавались в публичные дома, мальчики в монастыри, где была чрезвычайно распространена педерастия.

Междоусобные войны между феодалами, принявшие особенно большие размеры в XVI в., привели к образованию нескольких фактически раздельных друг от друга феодальных владений, возглавлявшихся крупными феодальными магнатами, не признававшими никакой власти, кроме своей собственной. Борьба между феодалами в этот период, повидимому, даже не ставила своей целью захват столицы и приобретение видимости общегосударственной власти. Напротив, каждый феодал стремился обособиться на своей территории и, по возможности, расширить ее за счет своего соседа. Японская история называет этот период (XVI век) сэнкоку дзидай (эпоха воюющих государств).

Еще в 1467 г. начинается грандиозное выступление феодалов против Асикага, известное под именем мятежа годов правления императора Онин. Внешним поводом к этому выступлению послужил спор из-за порядка наследования очередного сёгуна. Вся феодальная Япония разделилась фактически на два больших враждующих лагеря, ожесточенно боровшихся один против другого в течение 10 лет (до 1477 г.). После мятежа Онин Япония окончательно раздробилась на несколько независимых друг от друга частей, хотя сёгуны Асикага существовали еще номинально до 1572 г., когда был свергнут последний сёгун Асикага Йосиаки. Что же касается императоров, то они совершенно не подавали признаков жизни.

Среди сильных феодальных князей к середине XVI в. особенно выделялись двое: Уэсуги и Оути (князь Ямагути). Французский иезуит Ксавье, один из первых христианских миссионеров в Японии, отмечал в 1551 г. по прибытии в Киото, что «самым могущественным из властителей в Японии был тогда король Ямагути (Оути)».

Непрекращавшиеся междоусобные войны, бесконечные кровавые столкновения между отдельными феодалами, в свою очередь, катастрофически отражались на состоянии производительных сил тогдашней Японии. Крестьянство было доведено до крайнего предела разорения, посевная площадь резко сократилась, городская жизнь замерла. В такой обстановке и установившиеся было экономические позиции торгового капитала в недрах феодальной Японии серьезно пошатнулись. Центробежные тенденции отдельных князей, поддерживавшиеся одно время частью крупных купеческих фамилий, уже не находили большого количества сторонников среди торговой буржуазии. Ибо если феодальный князь без конца вел войны, которые торговый капитал был вынужден (прежде всего из страха перед феодалом) финансировать, то терялись те выгоды от изолированного самостоятельного существования фео-

дального княжества, которыми купцы раньше пользовались (эмансипация от центральной власти и абсолютная монополия в рамках данного княжества). Эта монополия превращалась не в привилегию, а в помеху деятельности торгового капитала. Для характеристики политической слабости торговой буржуазии в Японии в этот период достаточно указать на тот факт, что, несмотря на существование нескольких десятков городов, лишь один из них, именно Сакаи, обладал самостоятельностью и самоуправлялся по образцу средневековых торговых городов Западной Европы. Все же остальные были лишь придатками к остальной, земледельческой, территории удела и не обладали никакими привилегиями.

Торговая буржуазия была, однако, политически еще слишком слаба, чтобы оказать давление на ход исторического процесса, способствуя постепенной ликвидации пагубной раздробленности разоренной и раздраемой междоусобными войнами Японии. Борьбу за объединение феодальной Японии, происходившую во второй половине XVI в., невозможно понять, если искать ее вдохновителей среди купцов. «Потребности рынка», степень проникновения товарно-денежных отношений в толщу японского общества никак не могли являться той основной причиной, которая вызвала к жизни группу так называемых «объединителей Японии», трех феодальных полководцев — Ода Нобунага (1534—1582 гг.), Тойотоми Хидэёси (1536—1598 гг.) и Токугава Иэясу (1542—1616 гг.).

Основу того исторического процесса «объединительных войн», который происходил в Японии в конце XVI в., составляла борьба между феодальным классом и крестьянскими массами¹.

Уже в XV-м и, в особенности, в первой половине XVI в. сила сопротивления революционной крестьянской стихии дикому произволу феодалов (и связанных с ними паразитических слоев ростовщиков и купцов) росла одновременно и параллельно с развалом феодального государства, с развитием междоусобных войн. Разъединенные и враждующие между собой феодальные князья продолжали душить подвластное им крестьянское население. Но сталкиваясь с революционным отпором со стороны крестьянства, эти феодальные князья оказались слабее, чем раньше, когда они были в состоянии опираться на силу всего феодального класса, воплощенную в государстве. Как ни сильны и ни богаты были князья Оути, Уэсуги и другие, но они не могли гарантировать незыблемость феодальных порядков во всей стране, справиться со всеми крестьянскими восстаниями.

Феодальная Япония разлагалась. Войны, эпидемии, голод непрестанно опустошали страну. Но не народные бедствия пугали феодалов. Трещали самые основы феодального строя.

Три феодальных «объединителя Японии» — Нобунага, Хидэёси и Иэясу — выступили в роли спасителей феодальной Японии от угрожавшей ей смертельной опасности. Они должны были парали-

¹ Понятно, это не исключает того, что торговая буржуазия на определенных этапах более или менее активно поддерживала объединительный процесс, осуществлявшийся феодальными полководцами.

звать центробежные устремления отдельных феодалов, подчинив их интересам феодального государства. Они должны были построить государственный аппарат, могущий противопоставить крестьянству концентрированную силу класса феодалов.

В этом состояла их задача как представителей господствующего феодального класса, еще не сошедшего с исторической сцены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЯПОНИИ

1. Ода Нобунага

Ода Нобунага, родившийся в 1534 г., был владельцем небольшого удела в провинции Овари, в центральной Японии. Центром этого удела являлся замок с прилежавшим к нему небольшим портовым городом. Размеры удела не позволяли мелкому феодальному князьку содержать сильное войско. Однако дружина Ода Нобунага состояла не только из мелких самураев—земельных собственников, но и из так называемых асигару, т. е. пехотинцев, набравшихся из числа крестьян. Хотя асигару существовали и в войсках других феодалов, но рассматривались там как чисто подсобные нерегулярные части.

Трудно предположить, что Ода Нобунага имел какую-то ясно осознанную идею необходимости борьбы за объединение Японии, для чего и начал свои кампании против соседних феодальных князей. Скорее можно считать, что первоначальным побудительным мотивом для походов Ода было личное честолюбие и желание увеличить собственную территорию. Ведя жестокую борьбу с отдельными феодалами и крупными монастырями, Ода в процессе этой борьбы привлекал на свою сторону и антифеодальные элементы. Торговая буржуазия и отчасти даже крестьянство поддерживали Ода Нобунага, считая, что он своими завоеваниями добьется ликвидации раздробленности Японии на отдельные княжества и этим прекратит непрерывные междоусобные войны и связанные с ними народные бедствия. В этой поддержке лежал секрет успеха Ода, когда он, начав со сравнительно малыми силами поход против своих соседей, почти неизменно одерживал победы.

В 1558 г. при помощи своего вассала и сподвижника Тойотоми Хидэйоси, который был родом из крестьян, Ода двинул войска против своих феодальных соседей и изумил всех современников быстрым успехом военных операций. Необходимо отметить, что Ода одним из первых учел выгоды применения огнестрельного оружия, завезенного в Японию в 1542 г. португальцами. В 1559 г. провинция Мино оказалась присоединенной к Овари. В следующем, 1560-м. году Ода разгромил войска крупного феодала Имагава и вскоре осуществил завоевание провинции Исэ, разбив еще более

мощного противника, Китабатакэ. Вслед за тем, победив еще ряд феодалов, Ода вторгся в провинцию Оми, в 1568 г. захватил Киото и спустя некоторое время низложил сёгуна.

Потратив некоторое время на ликвидацию остатков враждебных войск в ближайших к столице районах и «умиротворив» центральную часть главного японского острова Хонсю, Ода стал лицом к лицу с наиболее могущественными феодальными князьями того времени: Такэда и Мори.

Но прежде чем Ода пришлось померяться силами с этими противниками, он немало энергии потратил на борьбу с другим не менее опасным и глубоко ненавистным ему противником: буддийскими монастырями. Уже в первое время после своего вступления на арену активной политической деятельности Ода Нобунага прославился резкой враждебностью по отношению к буддийскому духовенству, которое стояло на пути его централизаторских планов. Как мы дальше увидим, в своей борьбе с монастырями и их влиянием Ода использовал в качестве противовеса даже другую, чужеземную религию — христианство, впервые занесенное в Японию в 1549 г. европейскими миссионерами во главе с Ксавье.

Одним из наиболее драматических эпизодов из истории борьбы Ода с буддийской церковью является взятие посредством штурма известного буддийского монастыря, расположенного на вершине горы Хизэйдзан. Этот монастырь обладал огромными богатствами и представлял собой почти неприступную по тем временам военную крепость, позволявшую ее обитателям господствовать над населением окружающей территории. Монахи хизэйдзанского монастыря отличались всеми пороками, присущими паразитическому духовенству, сочетая это с невероятной жадностью и жестокостью по отношению к крестьянству. Поэтому, когда Ода Нобунага приступил к осаде монастыря, все население окрестных деревень благословляло его как избавителя. Предложив монахам сдаться и получив отказ, Нобунага в 1571 г. сжег монастырь со всеми его обитателями.

Ведя победоносные войны, Ода Нобунага также проявил себя недюжинным администратором, выгодно отличаясь от коррумпированных администраторов системы Асикага. Характерно, что административная деятельность Ода была направлена в первую очередь к обеспечению развития торговли. Он жестоко карал своих солдат за грабеж мирного населения, вошедший в практику в период междоусобных войн. Он оказывал особое внимание городам, способствуя их развитию. При Ода, кроме ранее существовавшего вольного города Сакаи, появились еще новые, пользовавшиеся известной свободой, города, признававшие верховную власть Нобунага и оказывавшие ему добровольную финансовую поддержку в борьбе с другими феодалами. В числе этих городов находились Хаката и Нагасаки, сыгравшие впоследствии столь важную роль в отношении посредничества между Японией и западным миром. Для экономической политики Ода Нобунага в отношении городов чрезвычайно характерно его стремление ослабить крутые купе-

ческие гильдии (дза) и ликвидировать их монопольные права, поскольку последние, во-первых, казались ему посягательством на умаление верховной власти феодального государства и, во-вторых, являлись узлами, привязывавшими купеческий капитал к отдельным феодальным князьям. Эти князья заключали соглашение с торговыми фирмами о взаимной поддержке (с одной стороны, купцы финансировали князей, с другой — князья предоставляли им торговую монополию или же давали на откуп определенные территории). В своей борьбе с торговыми монополиями Ода Нобунага зашел настолько далеко, что выдвинул весьма популярный среди крестьян и мелкого самурайства лозунг: «свобода торговли». Нечего и говорить, что эта «свобода» исключала всякий подрыв феодальной земельной собственности и вообще не распространялась на землю. Ода отменил все привилегии, которыми ранее пользовались крупные купеческие объединения, ликвидировал местные заставы, игравшие роль таможен, издал ряд постановлений, жестоко каравших за ростовщичество. Одновременно Ода Нобунага начал успешное строительство дорог, соединяющих различные провинции. В данном случае он руководствовался, повидимому, двумя соображениями: 1) обладая хорошими дорогами, Ода получал возможность с успехом наносить чувствительные удары местным феодальным князьям; 2) дороги обеспечивали развитие внутренней торговой связи, уничтожая изолированность отдельных частей Японии, которая также служила одной из важнейших причин относительной устойчивости феодальных князей. Нуждаясь в больших средствах для ведения войны, Ода Нобунага обратил специальное внимание на добычу золота. При нем расширяется эксплуатация золотых и серебряных рудников. Большое развитие получает судоходство, правда, преимущественно для военных целей. Частичное совпадение интересов Ода Нобунага и большинства городской торговой буржуазии (за исключением верхнего ее слоя — крупного купечества, связавшего свою судьбу с князьями), создавало предпосылки для их взаимной поддержки.

Но вместе с тем Ода Нобунага не позволял городам и городской торговой буржуазии ни в малейшей степени уклоняться от выполнения всех тех феодальных повинностей, которые он на них накладывал. За всякие нарушения своих приказов Ода жестоко карал, не считаясь ни с чем. Это особенно ярко проявилось на примере даже наиболее сильного из городов — «первого вольного города Японии» — Сакаи.

Сакаи имел давнишнюю традицию свободы коммерческих связей с внешним миром. Еще в 1390 г. могущественный феодальный князь Оути, считаясь формально хозяином Сакаи, признал за городом право беспрепятственной и бесконтрольной связи с Китаем и Кореей. Солидные купеческие фирмы, бывшие действительными хозяевами Сакаи, всегда ссужали крупных феодалов деньгами, но добивались признания своих прав и сохранения независимости; они не хотели, чтобы сумма налога, приходившаяся на Сакаи, «рас-

пределялась в таком же порядке, в каком облагались обыкновенные подвассальные феодалам земли.

Ода Нобунага, возмущенный тем, что крупные купцы субсидируют его противников, заявил, что не потерпит такого положения. Он отправил в Сакаи требование немедленно внести денежный налог в сумме 20 тыс. кван. Фактические хозяева города ответили отказом и, зная, что предстоит военный нажим, объявили мобилизацию, приняв меры к созданию своих войск, способных отстоять городские права. Это было чрезвычайно смелым шагом, продиктованным, повидимому, уверенностью в том, что Ода будет отвлечен более важными и опасными для него противниками, вследствие чего Сакаи успеет укрепиться. Действительно, как раз в это время Ода Нобунага вел упорную борьбу с князем Миёси.

Ода повторил свои требования в ультимативной форме, увеличив сумму налога до 25 тыс. кван. Одновременно он двинул часть своих отрядов по направлению к Сакаи и предупредил, что намеревается сжечь город до основания, если только не последует немедленная уплата налога. Перед лицом непосредственной угрозы не только своим правам, но и самому существованию Сакаи, купцы сдались и уплатили требуемую сумму.

Однако Ода Нобунага уже не удовлетворился этим и предъявил новое требование, адресованное к «отцам города» — наиболее богатым и влиятельным купцам. Эти купцы должны были впредь ежегодно уплачивать крупную сумму в качестве постоянного налога. Десять наиболее богатых купцов, считавших себя выразителями и хранителями старинных привилегий города, воспротивились такому «произволу», и их представители направились к Ода лично, в его замок Адзуги, чтобы отстаивать свои интересы. Ода заключил делегатов в тюрьму. Спустя короткое время все они были казнены после неудачной попытки бежать из заточения.

В 1542 г. у южного побережья острова Кюсю (у островка Танэ-гасима) появился первый европейский (португальский) корабль, встретивший чрезвычайно дружелюбный прием со стороны местного феодального князя. Это объяснялось тем, что в конце периода Асикага интерес к внешней торговле получил значительное распространение по всей стране. Подражая примеру Киото, местные князья пытались даже на свой риск и страх снаряжать небольшие экспедиции на поиски выгодных объектов для заморской торговли. В свою очередь португальцы были чрезвычайно заинтересованы Японией (напомним, что в 1498 г., т. е. за 44 года до описываемого события, португальцы открыли Индию и утверждали свое колониальное могущество в странах Азии).

На протяжении нескольких лет португальские корабли систематически навещали Японию, не ограничиваясь уже портами Кюсю. Из Японии они вывозили золото, а ввозили в Японию огнестрельное оружие. В 1549 г. французский иезуит Ксавье, находившийся в качестве миссионера на португальской службе, прибыл в Каго-сима, где сацумский князь встретил его с особыми почестями, цытаясь добиться от него обещания, что португальские корабли

с товарами для Японии будут впредь идти всегда через Кагосима.

Ксавье не мог дать такой гарантии князю, и отношение к нему и его спутникам — миссионерам — заметно испортилось. Сацумский князь запретил проповедь христианства, и Ксавье направился на север Кюсю, в порт Хирадо, который португальские торговцы еще раньше облюбовали для остановки своих кораблей. Там деятельность Ксавье сразу же приобрела широкий размах. Ему удалось войти в дружественные отношения с влиятельными местными феодалами и крестить несколько десятков японцев. Обращенные в христианство становились агентами португальских купцов, активно содействуя продвижению европейских товаров. Ксавье пытался даже добиться поддержки своей деятельности в государственном масштабе и предпринял поездку в Киото. Однако вследствие влияния буддийского духовенства, сразу почувявшего в миссионерах опасных конкурентов, миссия Ксавье в Киото не имела успеха. Ему удалось сравнительно прочно обосноваться лишь в провинции Бунго (на Кюсю), где он и пробыл до 1551 г. На смену Ксавье, по его вызову и на основании его широковещательных докладов о богатых перспективах в Японии, двинулось довольно значительное количество монахов, которые попали как раз в особо благоприятную для них обстановку. Ода Нобунага вел войну с буддийскими монастырями и в поисках союзника очень благосклонно отнесся к идее использования христианства. В 1567 г. в Нагасаки, по инициативе местного феодала Омура, была даже выстроена церковь, и в надежде на известные материальные блага (торговля с португальцами) Омура в принудительном порядке заставлял креститься своих подвассальных. В 1582 г. на Кюсю насчитывалось уже свыше 100 тыс. человек местного христианского населения. Прибывший в это время в Киото иезуит Валеньяни предлагал закрепить дружественные отношения между Японией и католической церковью путем отправки специальной японской миссии в Рим к папе. Жажда обогащения при помощи заморской торговли была настолько остра в этот период, что один из феодалов на Кюсю, Арима, завидуя процветанию соседнего порта Нагасаки, где с приходом европейских кораблей на глаза происходило коммерческое оживление и связанный с ним рост населения (до 30 тыс. человек), сам принял христианство и стал именоваться князем Андреем. Чрезвычайным успехом пользовалась миссионерская деятельность иезуита Вилела, который отличался большим пониманием японской феодальной психологии и умело приспособлял христианские догматы к японским взглядам (в формировании которых столь видную роль сыграл буддизм). Буддийское духовенство много раз пыталось перейти в решительное контрнаступление против христианских миссионеров. Оно добивалось издания запретительных законов против новой религии, но безрезультатно, пока у власти находился Ода Нобунага. Четверо японцев вместе с иезуитом Валеньяни были отправлены в Европу, посетили папу в Ватикане, Лиссабон и Мадрид. Ватикан всерьез стал интересоваться Японией,

делея широкие планы «мирного» подчинения «святому престолу» этой далекой страны. Мечты эти оказались, однако, напрасными. Даже Ода Нобунага, оказывая христианам покровительство, ни на минуту не сомневался в том, что они призваны сыграть роль известного орудия в его руках, а отнюдь не наоборот. Усваивая некоторые элементы европейской культуры, которые привезли с собою миссионеры, Ода, и, в особенности, его ближайшее окружение с полным пренебрежением относились к христианству, как к таковому.

Феодальная диктатура Ода Нобунага продолжалась сравнительно недолго: 14 лет.

Одной из наиболее серьезных военных побед Ода Нобунага был разгром его войсками (действовавшими в союзе с Токугава) сил Такэда Сингэн, одного из крупнейших феодальных князей Японии. Отличаясь незаурядным военным дарованием, Такэда считался и выдающимся феодальным администратором. Ода Нобунага, разбивший незадолго перед тем соперника и непримиримого врага Такэда — Уэсуги Кэнсин, расценивал Такэда чрезвычайно высоко как полководца и администратора. Однако в разгар военных приготовлений Такэда умер, что крайне облегчило Ода задачу разгрома его превосходных вооруженных сил, оставшихся без надлежащего руководства.

Покончив с Такэда, Ода Нобунага немедленно начал готовиться к борьбе с самым крупным феодальным князем, Мори. Нобунага был уже властителем 30 провинций Японии (из 66), но он не мог ни двинуться дальше к достижению своей цели — установлению гегемонии над всей Японией, ни даже закрепить за собой достаточно прочно свои уже завоеванные территории, пока грозной тучей на горизонте продолжало оставаться непоколебленным могущество Мори — одного из «королей государств японских», как писали иезуиты. Предстоящая борьба должна была быть тем более трудной, что Мори заключил ряд союзных соглашений со смертельными врагами Ода — буддийскими монастырями. Разгром и сожжение осинового гнезда монахов на горе Хиэйдзан нанесло первый серьезный урон монастырям. Однако нападение Ода на другую крепость буддизма — хорошо укрепленный монастырь близ Осака — не увенчалось столь решительным успехом. Среди оборонявшихся монахов оказался способный военный руководитель, который обеспечил отражение всех атак Ода, вынужденного применить тактику медленной осады. Убедившись в том, что Мори силен не только своими собственными средствами борьбы, но и благодаря поддержке многочисленных союзников, Ода Нобунага поручил Тойтоми Хидэйоси напасть сперва на этих союзников и двинул его войска в провинцию Биттю (префектура Окаяма) для борьбы с князем Тёсю, владения которого были расположены вблизи важного в стратегическом отношении Симоносекского пролива. Но как раз в момент самой деятельной подготовки к решительной схватке со своими противниками, в 1582 г., Ода внезапно погиб, пав от руки одного из ближайших своих сотрудников и полководцев,

Акети Мицухидэ. Отряд Акети, посланный на помощь Хидэйоси, внезапно повернул обратно и, по приказу Акети, напал на храм Хоннодзи в Киото, служивший временной резиденцией Ода Нобунага. Вместе с Ода погиб и его старший сын.

Мотивы убийства Ода остаются неясными. Известно, что Акети пользовался абсолютным доверием Ода, благодаря которому рядовой самураем стал богатым феодальным военачальником. Так или иначе, смерть Ода приостановила начинавшиеся военные операции. Хидэйоси поспешил обратно в Киото и приложил все старания к тому, чтобы временно примириться с Мори. Успев в этом, Хидэйоси двинулся в погоню за убийцей Ода — Акети, настиг его отряд и уничтожил.

2. Тойотоми Хидэйоси

Хотя крестьянское происхождение Тойотоми Хидэйоси делало его фигуру неподходящей для государственного руководства с точки зрения феодальных принципов, для всех сподвижников Ода было очевидно, что Хидэйоси — самый выдающийся претендент на роль наследника их вождя. Его военные достоинства были широко известны. Кроме того было известно, что в отношении административных способностей Хидэйоси не только не уступал, но значительно превосходил Ода Нобунага. Наконец, и сам Хидэйоси не собирался уступать никому первенства. Уничтожив Акети, он созвал совещание всех бывших ближайших вассалов Ода и выдвинул проект легализации своей власти путем назначения сёгуном малолетнего внука Нобунага, оставшегося в живых после убийства его деда и отца. Роль фактического правителя в качестве покровителя и защитника малолетнего сёгуна Тойотоми Хидэйоси, естественно, предназначил себе.

Это неминуемо должно было вызвать борьбу между Хидэйоси и другими наследниками Ода. Кроме старшего сына Ода, погибшего вместе с отцом от руки Акети Мицухидэ, Нобунага имел еще двух взрослых сыновей, имевших собственные войска и владевших обширной территорией, переданной им их отцом.

Первым поднял восстание против Хидэйоси третий сын Нобунага, Ода Нобутада, соединившийся с одним из старейших полководцев своего отца — Сибата. Хидэйоси без особого труда разбил эту коалицию. Но в предвидении дальнейших осложнений он стал спешно подыскивать себе союзников среди феодалов, даже среди тех, которые имели все основания считать его своим противником.

В конце 1583 г. Хидэйоси построил почти неприступный по тем временам замок в Осаке, положив тем самым начало росту этого крупнейшего в настоящее время в Японии города. С целью привлечения в эту новую столицу денег он обратил специальное внимание на то, чтобы переманить в Осака крупных купцов, осевших в старых портовых городах Сакаи и Хаката. С этой целью Хидэйоси вступил в деловые переговоры с известными в то время торговыми домами Кониси (в Сакаи) и Симаи (в Хаката). Предо-

ставив им ряд привилегий, он обеспечил себя постоянным кредитом со стороны этих видных представителей торгового капитала. Затем он подтвердил, что все те льготы, которыми пользовались горожане в «вольном» городе Сакаи, будут свято соблюдаться и в Осака. Как любопытный штрих можно указать, что Хидэйоси, создавая новые улицы в новом городе Осака (где прежде находился жалкий рыбацкий поселок), давал им названия: «улица Сакаи», «улица Фусими» по имени известных торговых пунктов.

Как и следовало ожидать, вскоре оформилась новая коалиция против Хидэйоси во главе со вторым сыном Нобунага — Ода Нобуо и, что было особенно опасно, при участии Токугава Иэясу, сильного феодала и крупного полководца, бывшего в свое время ближайшим сотрудником Нобунага. Происшедшее военное столкновение выявило недостаточность сил Хидэйоси для победы. Потерпев значительный урон от своих противников, он стал искать почетного компромисса, которого и добился, признав номинальное «равноправие» своих соперников.

После этого начался период многочисленных удачных завоевательных войн Хидэйоси против оставшихся еще на положении фактической независимости от центральной власти феодальных князей. Последовательно он провел четыре больших похода, сделавших его хозяином Японии. Завершая объединительный процесс, начатый Ода, Хидэйоси ликвидировал независимость острова Сикоку, разгромив феодальный дом Тёсокабэ. Затем он предпринял большую экспедицию на юг, где разделался с сильным союзником Мори — сацумским князем Симадзу. Третьим по счету большим походом Хидэйоси был разгром феодала Ходзэ в битве при Одавара в 1590 г. Четвертой была обширная северная экспедиция в провинцию Дэва, закончившаяся разгромом феодального дома Датэ.

Уже во время своего южного похода против сацумских князей Симадзу Хидэйоси столкнулся с опасностью так называемой христианской проблемы в Японии. Мы уже указывали на то, что остров Кюсю, благодаря позиции южных феодалов, привлеченных португальской торговлей, явился особо благоприятным пристанищем для миссионеров с запада. Иезуиты достигли значительного влияния при помощи торговли, подкупа, всевозможных интриг, в которых они не без успеха соревновались с буддийским духовенством.

Смерть Ода Нобунага не изменила сразу же благожелательного отношения к христианам-миссионерам со стороны Хидэйоси. Будучи энергичным участником борьбы Ода с буддийскими монастырями, Хидэйоси в еще большей степени утилитарно, чем его предшественник, подходил к вопросам религии, рассматривая португальцев прежде всего как выгодных торговых контрагентов. Поэтому Хидэйоси сам принял меры к примирению с буддийскими монастырями, как только убедился в том, что у них временно отпала охота интриговать против него в союзе с враждебными феодалами, но одновременно поощрял христиан, рассчи-

тывая выгодно их использовать. Но во время южного похода Хидэйоси впервые столкнулся с компактным населением «обращенных в христианство», слезо веривших иезуитам, открыто проявлявших свое нежелание считаться с японскими обычаями и отказывавшихся повиноваться «языческим» властям. В результате появились известные пять вопросов, заданных Хидэйоси правителям южных провинций в связи с распространением в них христианства. «Вопросы» гласили: 1. Принуждают ли иезуиты японцев принимать христианство? 2. Почему иезуиты подстрекают своих учеников разрушать японские храмы? 3. Почему преследуются буддийские священники? 4. Почему христиане употребляют в пищу мясо полезных людям животных, в частности, рабочего скота? 5. Почему разрешается португальцам увозить с собой японцев и превращать их в рабов в Индии? Ответы на эти вопросы были признаны неудовлетворительными, и в 1587 г. Хидэйоси издал распоряжение об изгнании иезуитов и прочих европейских миссионеров из пределов Японии в 20-дневный срок. На купцов этот указ не распространялся.

Но от христиан нельзя было так просто отделаться. Иезуитам удалось мобилизовать всю свою ловкость для того, чтобы свести на-нет приказ Хидэйоси. Монахи стали сами интенсивно заниматься коммерческой деятельностью, чтобы отвести от себя обвинение в пропаганде и в неподчинении японским законам. Дело ограничилось частичным закрытием христианских храмов.

Все же это оказалось лишь отсрочкой. Прибытие в 1593 г. в Японию группы испанцев — францисканских монахов — ознаменовалось началом непрерывной полосы политических интриг, посредством которых испанцы пытались восстановить правительство Хидэйоси против своих соперников — иезуитов, доказав их нелояльность по отношению к Японии. В результате взаимных разоблачений, в ходе которых были обнаружены реальные и далеко идущие планы европейцев при помощи христианской пропаганды подготовить почву для прихода военных кораблей и завоевания Японии, Хидэйоси, занятый тяжелой войной в Корее, приказал покончить с христианами — «бунтовщиками и изменниками». В 1597 г. он издал указ, решительно запрещавший христианство, и на головы интриганов из обоих лагерей — и испанцев и португальцев — обрушился ряд репрессий. Около 80 христианских проповедников было казнено. Церкви были разрушены, феодальным князьям под страхом смерти и лишения владений было запрещено принимать новую религию. Все иезуиты (число которых составляло по всей стране свыше 150 человек) были обязаны немедленно покинуть страну.

Хидэйоси, фактически объединив всю Японию, правил Японией в качестве самодержавного монарха, но для него весьма характерно стремление избегать обострения отношений с феодальными князьями. Он удовлетворялся признанием своей верховной власти со стороны феодалов. Хидэйоси стремился добиться всеобщего признания своего фактического руководства, не прибегая

к присвоению внешних атрибутов государственной власти. Весьма характерно, что, удовлетвовавшись званием канцлера (кампаку) и не провозгласив себя сёгуном, Хидэйоси установил род высшего коллегиального управления с участием представителей крупнейших феодальных владений. Во главе центрального административного аппарата были поставлены две «пятерки»: так называемые го бугё и го тайро, которым было присвоено право контролировать деятельность чиновников и наблюдать за поведением феодальных князей с точки зрения соблюдения ими предписаний центральной власти. В первую пятерку (го бугё) вошли самые опасные для Хидэйоси представители феодальных князей: Токугава Иэясу, Маэда, Мори, Укита, Кобаякава. Во вторую пятерку тоже входили видные князья. Но, повидимому, Хидэйоси считал, что подобная система может в большей степени гарантировать устойчивость созданного им феодального порядка, чем неприкрытая единоличная диктатура. Единственно, в чем Хидэйоси ревниво оберегал свою монополию, — это в командовании войсками, расположенными в районе столицы. Вся военная и административная власть в Киото безраздельно принадлежала кампаку. Осуществив ряд внутренних реформ, являвшихся в основном продолжением и углублением политического курса Ода Нобунага (поощрение связей между различными районами Японии, борьба с недоступностью и изолированностью отдельных провинций), Хидэйоси стал готовиться к задуманному им походу на азиатский материк.

Относительно причин корейского похода Хидэйоси в литературе существует несколько предположений. Во всяком случае недостаточно искать эти причины в личном стремлении Хидэйоси к славе завоевателя. Япония еще задолго до Хидэйоси рассматривала грабеж Кореи как верный источник легкой наживы. Японские пираты немало грабили корейские прибрежные районы. Порты Сакаи и Хаката выросли не только на основе «честных» торговых операций с заморскими товарами, но и как инициаторы хищнических пиратских набегов на корейскую территорию. Корея нередко играла роль буфера между могущественным и культурным Китаем и относительно варварской Японией. Но и Корея не была сильной в военном отношении страной. Во времена Кубилай хана, когда корейский король был вынужден выступить в качестве китайского наемника в монгольской военной экспедиции по покорению Японии, японцы убедились в том, что с Кореей совладать нетрудно. Постоянная вассальная зависимость Кореи от Китая ослабляла страну. Японские пиратские набеги в большинстве случаев сходили безнаказанно. Наоборот, они нередко приносили к тому положению, что японцам удавалось временно укрепиться на корейском побережье, терроризируя местное население. Распространенный японский миф о завоевательном походе на Корею, якобы осуществленном императрицей Дзингу (на заре японской истории, во II в.), являлся идеологическим обоснованием позднейших хищнических набегов японцев на «страну

утреннего спокойствия». Поэтому решение Хидэйоси об осуществлении давно задуманного феодалами и феодальными купцами покорения Кореи (относительно более богатой, ибо гораздо теснее приобщенной к китайской культуре) вызвало поддержку подавляющего большинства князей, подвластных Хидэйоси.

Но, помимо этих общих причин, для Хидэйоси было чрезвычайно важно укрепить достигнутое им подчинение феодалов центральной власти путем втягивания их в завоевательный поход против чужеземцев. Хидэйоси рассчитывал на то, что покорные, но все еще опасные для него князья, найдя выход своим «рыцарским инстинктам» во внешней войне, будут ослаблены (при любом исходе войны) и будут более чем когда-либо зависимы от центрального правительства, т. е. от него, Хидэйоси.

Характерно, что непосредственным поводом для войны с Кореей Хидэйоси избрал «экономический» мотив. Он направил послов к китайскому императору для заключения выгодного для Японии торгового договора. Получив отказ, он обратился с аналогичным предложением к корейскому королю, настаивая на том, чтобы Корея, на правах связанного с Китаем вассального государства, взяла на себя посредничество в японо-китайских переговорах. Корейский король опасался уступчивостью разгневать своего сюзерена — китайского императора (из династии Мин) и ответил решительным отказом на провокационные требования Хидэйоси.

Тогда последний провозгласил в январе 1591 г. начало похода для завоевания Кореи и стал собирать войско, как свое личное, так и состоявшее из ополчений отдельных феодалов. Феодальным князьям было заявлено, что ближайшей целью похода является завоевание Кореи, однако, в конечном счете, Япония ставила перед собой задачу покорения всего Китая и раздела китайских территорий между японскими князьями.

Хидэйоси лично принял участие в походе, передав дела управления своему приемному сыну Хидэцугу вместе с титулом кампаку. Себе Хидэйоси присвоил новый титул — тайко (канцлер), под которым и известен в японской истории.

140 тыс. японских войск, руководимых феодалом Укита Укиё, высадились на корейском побережье вблизи Фузана и начали наступление, двигаясь двумя колоннами под командой Кониси Юкинага и Като Киёмаса. Японцы довольно быстро достигли Сеула, столицы Кореи, и оккупировали большую часть страны. Чувствительное поражение Хидэйоси потерпел, однако, во время морского боя. Корейский флот состоял из довольно крупных и хорошо оснащенных кораблей, и во главе его стоял талантливый адмирал — феодальный князь одной из корейских провинций. Ему удалось в морской битве в Тотёхо уничтожить японский флот численностью до 100 мелких судов. Это поражение, однако, не имело решающего значения.

Когда японцы разбили высланный против них небольшой отряд китайцев, посланный на защиту подвассальной монархии от «вар-

варов», уже не только Корея, но и Китай оказался втянутым в военные действия.

Неудачи корейско-китайских войск в конце концов вынудили китайских феодалов, не расположенных вести длительную войну, к мирным переговорам. Во время этих переговоров, которые фактически велись между Японией и Китаем, Хидэйоси выдвинул ряд грабительских требований, в частности перехода к Японии половины территории Кореи (4 провинций из 8), за что Япония «в знак сердечных чувств по отношению к Китаю» возвращает корейскому королю его столицу и половину его владений. Эти наглые требования, являющиеся самым ранним прообразом аналогичных требований, навязываемых слабым странам империалистической Японией, были отвергнуты как корейцами, так и китайским правительством. Переговоры чрезвычайно затянулись. Хидэйоси сам покинул Корею и вернулся в Японию. Война еще некоторое время продолжалась с переменным успехом. Но в конце концов военное счастье изменило японцам. Сказывались соперничество между отдельными военачальниками, общая усталость войск ввиду тяжелого характера войны и другие связанные с этим обстоятельства. Собрав значительные силы, китайцы нанесли ряд чувствительных поражений японцам на реке Ялу и почти полностью разгромили армию Кониси. Это послужило сигналом к широкому отступлению захватчиков. Японцам пришлось отдать значительную часть корейской территории и эвакуировать Сеул.

В 1596 г. китайские послы посетили Хидэйоси в его резиденции в Осака и вручили ему письмо от китайского императора, который, соглашаясь на ряд новых и в общем выгодных для Японии мирных условий, удостоивал Хидэйоси титула «короля Японии». Тем самым император Китая становился как бы сюзереном по отношению к «королю» Японии, каким он был и в отношении Кореи. Возможно, что китайцы рассчитывали этим жестом подкупить Хидэйоси, признав его единоличным властителем Японии. Хидэйоси, однако, обиделся на предложение стать вассалом Китая. Он порвал переговоры и провозгласил новый поход на Корею. Во главе войск был послан Кобаякава Хидэаки. В течение полутора лет война развивалась со значительным перевесом на стороне Японии. Однако корейская экспедиция должна была вскоре притти к концу. Ее главный вдохновитель и организатор Хидэйоси внезапно умер 16 сентября 1598 г.

Личность Тойотоми Хидэйоси всегда привлекала усиленное внимание в Японии со стороны многочисленных историков, литераторов, политиков буржуазного лагеря, пытавшихся в той или иной степени увидеть в Хидэйоси провозвестника будущей «великой» империалистической Японии, закладывавшего еще в XVI в. фундамент континентальной японской империи. Достоверно известно, что Хидэйоси не ограничивался своими планами подчинения японскому господству Кореи и Китая, но готовил завоевание Формозы и Филиппин. Им были даны довольно подробные директивы о соо-

ружении большого флота, при помощи которого японские войска смогут достигнуть этих островов.

Хидэйоси, несмотря на свое крестьянское происхождение, был ярким представителем феодально-дворянской Японии, находившейся еще на подъеме и создававшей сильную централизованную власть для закрепления господства феодального дворянства.

Крестьянином Хидэйоси был лишь по рождению: с раннего детства он находился на положении воина и ему лично не была знакома судьба крепостного, прикованного к жалкому клочку земли и непрерывно разоряемого господами. Борясь с феодальными князьями, Хидэйоси ни на минуту не покупался на основу феодальных общественных отношений. Напротив, он усиленно укреплял и насаждал их, заботясь об устойчивости феодального режима. Те симпатии, которыми пользовались со стороны Хидэйоси города и крупные торговые фирмы, представители торговой буржуазии, объясняются прежде всего тем, что Хидэйоси понимал силу денег для создания устойчивой, более или менее централизованной феодальной власти. Строя города вокруг своих замков, Тойотоми Хидэйоси стремился не столько к подъему торговли и ремесла, сколько к обеспечению феодалов купеческими кошелями, а также к использованию городской культуры для лучшего вооружения и снабжения своих отрядов. Ничто не характеризует более ярко общественный идеал, которому служил Хидэйоси, как его неоднократные и настойчивые распоряжения относительно запрета ношения и хранения оружия крестьянами, ремесленниками, торговцами и всеми прочими лицами, не принадлежащими к феодальному классу. Жестоко расправляясь с опасными для себя соперниками — феодальными князьями, Хидэйоси нередко проявлял «несвойственную» ему по характеру умеренность, щадя и даже награждая своих педавших, но слабых и неопасных врагов, если они принадлежали к феодальной знати, в отношении которой сам Хидэйоси, даже будучи на вершине своего могущества, проявлял чувства феодального «почтения». Известен, например, случай, когда Хидэйоси велел воздвигнуть памятник в честь убитых им самим феодальных князей Симадзу.

Хидэйоси, отличаясь простотой в походной обстановке, роскошь своего двора затмил времена Асикага и в быту тщательно сохранял и поддерживал феодальные традиции.

Внезапная болезнь и смерть Хидэйоси со всей остротой поставили вопрос о его преемнике. Огромная власть, сконцентрированная в его руках, была завешана им самим малолетнему сыну Хидэйори, до совершеннолетия которого должен был править совет из пяти регентов. Отправляясь в корейский поход, Хидэйоси оставил своим заместителем племянника Хидэцугу, которого и намечал первоначально сделать своим наследником. Вернувшись из Кореи, Хидэйоси вступил в резкий конфликт с Хидэцугу, закончившийся убийством последнего. Из «церемониальных» соображений этот акт был облечен в форму приказапия от Хидэйоси племяннику «покопчить самоубийством». Незадолго до этого одна из много-

численных наложниц Хидэйоси родила ему сына — Хидэйори. Хидэйоси решил сделать его наследником и разработал подробные инструкции для воспитания ребенка. На случай своей смерти Хидэйоси поручал наблюдение за сыном его матери и пяти крупнейшим феодальным князьям, строго обязанным не уклоняться от данных им указаний.

Среди этих пяти регентов наиболее влиятельным и сильным оказался Токугава Иэясу.

3. Токугава Иэясу

Токугава Иэясу был одним из сподвижников Ода Нобунага и считался давнишним конкурентом самого Хидэйоси.

Хидэйоси удалось обеспечить свою личную власть от посягательств Токугава лишь ценой признания его почти независимым главою восточных провинций Японии (так называемого Канто), где Токугава сконцентрировал значительные богатства и построил (в 1590 г.) замок Эдо, являвшийся по тем временам почти неприступным.

Токугава Иэясу еще при жизни Хидэйоси стал богатейшим феодальным владельцем Японии. Рисовый доход всей Японии в последние годы правления Хидэйоси составлял, примерно, около 11 млн. коку. Из этого количества свыше 3 млн. коку приходилось на провинции, подвластные дому Токугава. Поэтому, когда умирающий Хидэйоси специально обратился к Токугава Иэясу с просьбой быть защитником и покровителем его сына, он прекрасно понимал, что Токугава и без того станет «душеприказчиком» умершего тайко по собственной инициативе. Как и можно было предвидеть, после смерти Хидэйоси среди регентов скоро возникли серьезные споры. Токугава Иэясу сразу взял курс на подчинение всех остальных своему исключительному влиянию. Против этого восстал один из наиболее способных сподвижников умершего Хидэйоси — Исида, обвинявший Токугава в нарушении завещания тайко. В 1600 г. оформились две враждебные группировки, возглавлявшиеся Токугава и Исида, опиравшихся на различные группы феодалов.

21 октября 1600 г. в битве при Сэкигахара в провинции Мино Токугава наголову разбил своих противников и практически установил свое единодержавие.

Некоторое время сохранялась еще видимость опеки над законным наследником Хидэйоси — Хидэйори, но вскоре Иэясу отбросил всякую маскировку и в 1603 г. провозгласил себя сёгуном.

Эта дата в японской истории кладет начало периоду господства феодальной династии Токугава, продолжавшемуся около 2¹/₂ столетий.

Спустя два года, в 1605 г., Токугава Иэясу фиктивно отказался от власти в пользу своего сына Иэтада, демонстрируя тем самым свою волю закрепить завоеванное господство за своей семьей. Формально это оправдывалось тем, что род Токугава на-

ходил в каком-то родстве с фамилией Минамото — основателем первого сёгуната в Японии.

Далеко не все феодалы оказались довольны таким оборотом дела: многие надеялись, что сын Хидэйоси — Хидэйори, когда подрастет, станет оспаривать власть у Токугава. Недовольство диктатурой последнего особенно усилилось вследствие произведенного Иэясу «округления» личных феодальных владений, которые он начал проводить сразу же после своей победы. Имя молодого Хидэйори было использовано противниками Токугава как знамя для собирания своих сил. Открытый конфликт Хидэйори с Иэясу возник из-за запрещения последним совершить церемонию открытия и освящения нового храма, построенного Хидэйори в память отца. Хидэйори с единомышленниками бежал в Осака, где в замке рассчитывал отсидеться и подготовиться к серьезной борьбе со своим «опекуном». В 1614 г. Иэясу взял замок Осака штурмом и в следующем году окончательно сломил сопротивление недовольных феодалов. Хидэйори покончил самоубийством, и власть Токугава была окончательно укреплена.

Первые мероприятия Токугава были направлены на то, чтобы поскорее ликвидировать корейскую войну, что оказалось не столь затруднительным, так как Китай и Корея не в меньшей степени были заинтересованы в ее прекращении.

Несмотря на то, что смерть Хидэйоси последовала в момент наиболее тяжелой фазы корейской войны, когда японские войска, теснимые противником, систематически отступали, несмотря на сильное истощение всей страны этой войной, удачно начатой, но чрезмерно затянувшейся и грозившей превратиться в сильнейшее поражение, — наследство, оставленное Хидэйоси, нельзя было назвать очень тяжелым. Крупный административный талант Хидэйоси привел к тому, что впервые за многие годы Япония представляла собой организованное государство с централизованным аппаратом управления, с более или менее налаженным финансово-податным хозяйством. Токугава Иэясу мог воспользоваться результатами проведенной Хидэйоси работы по определению доходности земельных владений, распределению податных платежей между крестьянством, ремесленниками и торговцами, а также итогами того тщательного подразделения всех слоев феодального общества на сословия, которое проводил Хидэйоси. Зачатки той детальной регламентации всех областей хозяйственной и общественной жизни, которая впоследствии составила одну из характернейших черт режима Токугава, были заложены уже в мероприятиях Хидэйоси, который ввел целый ряд ограничений для крестьян, ремесленников и купцов, установив трехсословную систему: дворянство (самурай), крестьяне (хякусё) и горожане (тёмин), под которыми понимались и купцы и ремесленники.

Внутренняя политика Токугава не выходила за рамки тех начинаний, которые получили свое развитие еще при Хидэйоси. Как личность, Токугава Иэясу безусловно уступал Хидэйоси, и было бы ошибочно, как это делают многие из японских буржуазных

историков, приписывать ему исключительные качества «организатора» феодальной Японии на том только основании, что именно при нем формально завершается процесс создания централизованного феодального государства. Завершение этого процесса было подготовлено всем предшествующим ходом исторического развития, и, как говорят исторические материалы, личное богатство Иэясу в гораздо большей степени способствовало тому, что он стал родоначальником династии сёгунов, чем его персональные качества полководца и администратора. Даже битва при Сэкигахара, решившая исход борьбы Токугава за власть, далеко не свидетельствовала о высоких военных достоинствах Иэясу и была выиграна им лишь в результате измены одного из его противников.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ТОКУГАВА

Основой токугавского режима, установленного Иэясу и получившего свое полное развитие при третьем сёгуне, Токугава Иэмичу (пришедшем к власти в 1632 г.), было сохранение устойчивых феодальных отношений, закрепляющих угнетенное положение крестьянства, подчиненную роль торговой буржуазии и абсолютное господство дворянства.

Три главных фактора представляли собой определенную угрозу для стабильности этого феодального порядка: 1) классовая борьба крестьянства против феодалов, часто принимавшая форму вооруженных крестьянских восстаний, 2) внешняя угроза со стороны возможных чужеземных завоевателей, действовавших при помощи торговли и религии, и наконец, 3) опасность междоусобной войны в лагере феодалов, способной ослабить их перед натиском крестьянской революционной стихии. Из учета этих опасностей исходила политика Хидэйоси, а затем Токугава, которая состояла в том, чтобы: 1) держать крестьянство покрепче в узде и не допускать никаких послаблений, могущих обеспечить крестьянам возможность организоваться для борьбы, 2) зорко следить за иностранцами и держать на запоре «двери» Японии, 3) решительно «регулировать» взаимоотношения феодальных князей между собой и между ними и правительством, не допуская выдвижения кого-либо на первое место и сохраняя монополию центрального руководства за богатейшим и сильнейшим феодальным домом Токугава.

Наибольшее внимание токугавские власти уделяли крестьянской проблеме. Было подтверждено категорическое запрещение носить и иметь оружие для всех категорий населения, кроме дворянства. Но этим дело не ограничилось. Феодалы стремились к тому, чтобы превратить крестьян в бессловесных рабов, обрабатывающих землю и к тому же платящих всевозможные налоги. Феодалы полагали, что если держать крестьян впроголодь и изнурять их тяжелым трудом, то тем самым у них будет убита всякая

воля к сопротивлению и общество (самурайское) сможет спокойно существовать. Если крестьянские волнения и будут иметь место, то при общей заботности населения справиться с ними будет неравномерно легче.

Для достижения этого идеального, с точки зрения феодалов, положения и были предприняты разнообразные меры. Они сводились, с одной стороны, к снижению общего жизненного уровня крестьянства посредством усиления всевозможных повинностей и поборов и, с другой стороны, к прямому вмешательству в быт и экономику крестьянской семьи путем системы правительственных регламентаций.

Регламентации эти касались буквально всех сторон жизни крестьянина. Крестьянам запрещалось употреблять в пищу рис, как роскошь. Они должны были довольствоваться более грубой пищей: лишь в виде исключения в праздничные дни можно было примешивать рис к отрубям или к другой пище. Крестьянам запрещалось носить шелковую или полотняную одежду; они могли носить одежду лишь из хлопчатобумажных тканей. Позднейшими сёгунами это было еще более «уточнено»: покрой и окраска ткани, употреблявшейся крестьянами, были точно определены законом. Крестьянам категорически запрещалось строить удобные и просторные жилища, употреблять ковры и иные предметы роскоши для украшения жилищ. Запрещались развлечения для крестьян: театральные представления, борьба и т. д. Крестьянам запрещалось ходить в гости друг к другу. Всякие церемонии (свадьба или похороны) должны были проводиться с соблюдением максимальной скромности. В частности, категорически запрещалось, например, пользование носилками на свадьбах. В случае неурожая или какого-либо стихийного бедствия все эти запреты становились еще более строгими. В этом случае запрещались изготовление и продажа рисовой водки (сакэ), всевозможных лепешек и макарон, так как это рассматривалось, как недопустимая трата зерна. Характерно, что феодалы даже боялись знакомства крестьян с ремеслами и торговлей. Правительство бакуфу тщательно разграничивало сферы деятельности различных общественных слоев и всячески стремилось к тому, чтобы крестьянство не потеряло своей «специфики»: быть основным (по сути дела единственным) производительным классом в стране, обеспечивающим доходы и благополучие феодалов.

Положение других слоев населения, не принадлежавших к господствовавшему феодальному классу, юридически было не менее бесправным, чем положение крестьянства. Но на деле экономическая сила торговой буржуазии обеспечивала за ней известное влияние на разрешение некоторых государственных и политических вопросов.

Токугава в отличие от Хидэйоси разделил все население не на три, а на четыре сословия: самураев, крестьян, ремесленников и купцов. При этом, хотя купцы юридически считались самым низшим из этих сословий, фактически бакуфу весьма счи-

талось с их интересами. В этом отношении политика Токугава представляла собой дальнейшее развитие линии, наметившейся еще при Хидэёси. Крупные города, в первую очередь столица Токугава — Эдо — и Осака, были главными центрами торговой буржуазии. В Эдо крупные купеческие фирмы в наибольшей степени зависели от правительства. Это было одновременно и источником силы этих фирм, умевших завязать прочные связи с сёгунской администрацией, стать необходимым для нее постоянным кредитором и поверенным, и причиной относительной их слабости. Будучи вынужденной плестись в хвосте у сёгуна, зависеть от правительства, эдоская буржуазия не отличалась ни инициативой, ни широким размахом своей деятельности. Наоборот, Осака, имевший уже некоторые традиции «вольного города» (хотя официально Осака никогда не был «вольным городом» такого типа, как Сакаи), стал оплотом более самостоятельного купечества, стремившегося отстаивать свои привилегии. В результате Осака вскоре стал средоточием всей коммерческой деятельности в стране. Там находились самые мощные купеческие оптовые объединения, основные склады товаров, принадлежавшие не только купцам, но и феодальным князьям, свозившим в Осака всю свою товарную продукцию (рис, шелк, лакированные изделия, бумагу и т. п.) для реализации на центральном рынке страны. Хотя основным мерилom ценности оставался рис, но деньги получили значительно большее распространение в сравнении с периодом Асикага. Князья, так же как и мелкие феодалы, стремились обратить в деньги часть своих доходов, поступавших в виде риса. Благодаря этому особо важное значение приобрели операции осакских скупщиков риса — оптовиков, вручавших феодалам деньги за забранный ими у крестьян рис и тем самым избавлявших «благородное» самурайство от унизительной (с точки зрения феодального кодекса чести) обязанности самому заниматься торговлей.

Осакские буржуа, специализировавшиеся на подобного рода операциях, именовались какэя. Финансируя князей в счет будущих рисовых поступлений, какэя оказывали сильнейшее экономическое давление на местных феодалов. И хотя законы бакуфу предусматривали борьбу с «роскошью» и запрещали формально всем горожанам (в том числе и купцам) ношение шелковой одежды, золотых и серебряных вещей, постройку высоких домов (свыше двух этажей), но на деле богатства и предметы роскоши концентрировались в руках крупных коммерсантов, и правительственные чиновники сквозь пальцы смотрели на это явное противоречие между законом и действительностью.

Важной привилегией купцов, сохранившейся еще от времен Асикага, было признание за ними правительством права объединения в гильдии (кабунакама). Иногда эти гильдии образовывались механически из числа лиц одной профессии (типа цеховых организаций ремесленников). Но наибольшим влиянием пользовались купеческие гильдии, состоявшие из купцов, торговавших одинаковыми видами товаров или действовавших в определенном

районе. Если в отношении ремесленных цехов (дза) правительство осуществляло жесткие формы контроля и вмешательства, регламентируя характер изделий, производившихся на рынок, то по отношению к купеческим гильдиям оно допускало ряд льгот и во всяком случае остерегалось вступать в конфликт с организованными купцами, от которых зависело увеличение или уменьшение доли феодального дохода.

В Эдо скупщики риса назывались фудасаси. Они скупали рис у самураев, получавших жалование рисом. По отношению к ним, а также по отношению к крупным купеческим кабунакама бакуфу редко применяло контроль над ценами, тогда как в отношении розничной торговли вмешательство правительственных чиновников представляло собой обычное явление: в случае чрезмерного повышения цен правительство вмешивалось и запрещало продажу. Характерно, что это регулирование цен применялось и по отношению к стоимости рабочей силы: запрещалось произвольно требовать высокую плату за труд.

Положение ремесленников и прочих, подпадавших под рубрику «горожан», было несравненно хуже, чем положение купечества. По отношению к ним регламентации действовали полностью, без изъятий. Самураи, не опасаясь никаких неприятных для себя последствий, показывали свою власть «горожанам» и совершали всякие бесчинства. Правительственные чиновники считали себя полными хозяевами, могущими бесконтрольно диктовать им свою волю. Немудрено поэтому, что городское «плебейское» население неоднократно выражало свое недовольство режимом Токугава и даже поднимало иногда, наряду с крестьянством, восстания против сёгуната.

К горожанам необходимо отнести и прослойку лиц интеллигентного труда: учителей, врачей, художников, являвшихся, главным образом, выходцами из феодального класса (особенно в позднейший период, когда ронины¹ служили постоянным пополнением городского населения) и, отчасти, из среды купцов и ремесленников.

Эта прослойка населения идейно возглавляла притязания городского купечества на «самоуправление» городов, поскольку богатые коммерсанты были наиболее щедрыми потребителями ее продукции. Идеологический гнет со стороны режима Токугава, не терпевшего никакой самостоятельной мысли и построенного на слепом подчинении «вышним», сильно ограничивал возможности развития и роста этого слоя городского населения, и немудрено поэтому, что оппозиционный дух по отношению к бакуфу часто прорывался среди ученого сословия.

Но Токугава имели и свою лояльную интеллигенцию. Конфуцианские догмы, принятые за основу официальной правительственной идеологии и основанные на абсолютном самоограниче-

¹ В период Токугава под ронинами понимались деклассированные самураи, не связанные с землей.

нии и фанатичном консерватизме, требовали кадров для своего распространения, и потому бакуфу в известных пределах само нуждалось в образованных людях. Это было тем более необходимо, что буддийское духовенство, представлявшее собой раньше монополиста в области распространения грамотности и общей культуры, не пользовалось ни доверием, ни поддержкой Токугава. Бакуфу относилось с подозрительностью к буддизму, прежде всего в силу традиции, установленной Ода Нобунага. Кроме того, буддизм признавался нежелательным, поскольку он распространял в народе представление о бренности всего земного, что, по мнению токугавских чиновников, легко влекло за собой пренебрежение обязанностями по отношению к государству. Напротив, конфуцианство представляло собой кодекс послушания, дисциплинировавший народ и легко приспособившийся к доктринам Токугава. Поэтому в Эдо образовался центр конфуцианской пропаганды, объединявший группу философов, литераторов и историков, идейно «обосновывавших» устои токугавского режима и пользовавшихся особым покровительством со стороны бакуфу.

Буддийскому духовенству, занимавшему в социально-сословной лестнице токугавской Японии промежуточное положение между самурайством и «простым» народом (хэймин), бакуфу не доверяло также и в силу того, что знало децентралистские настроения монастырей. Несмотря на то, что прежняя военная и экономическая мощь монастырей была в корне подорвана в результате разгромов, учиненных Ода Нобунага и отчасти Хидэёси, они все же оставались достаточно значительной силой, и бакуфу постоянно ожидало всевозможных интриг со стороны руководившего монастырями буддийского духовенства, поддерживавшего постоянный контакт и с недовольными токугавским режимом феодалами и с кiotоским императорским двором.

Токугава Иэясу и его ближайшие преемники очень недоверчиво относились к кажущемуся политическому безразличию императорского окружения. Знаменитое токугавское законодательство особое место уделяло регламентации взаимоотношений императора и его приближенных с внешним миром. По смыслу закона, император не должен был «снисходить» до какого бы то ни было общения со своими подданными (в особенности с князьями). Всякая инициатива феодальных князей в этом направлении каралась смертью и конфискацией земельных владений. Могли иметь доступ ко двору и составляли самый двор лишь немногочисленные потомки прежней родовой аристократии, в большинстве случаев родственными узами связанные с императором. Все они в материальном отношении всецело зависели от сёгуна, занимая лишь фиктивные высокие должности и имея некоторые звания, которые передавались по наследству и служили некоторым подобием столь же призрачной и также наследственной императорской власти. Придворную аристократию непосредственно ни один из сёгунов Токугава не имел никакого основания считать способной на политическую активность. Но сёгуны не без основания опасались,

что всякий феодальный князь, не оставивший мысли о борьбе против Токугава, прежде всего постарается заполучить юридическое или, точнее, идеологическое подкрепление своей позиции, завязав связь с двором. Чтобы не допустить этого, бакуфу и стремилось совершенно изолировать двор от владетельных князей, «даймь».

Что же касается жалкой придворной аристократии, то Токугава сознательно щадили ее и даже прибавили императорам жалованье, справедливо полагая, что, чем привольнее будет жизнь «киotosкого затворника» под замком у сёгуна, тем менее охотно согласится он рисковать своим положением, поддерживая «духовным» авторитетом какого-либо заговорщика против Токугава.

Токугава разделили все привилегированные слои населения на несколько категорий и китоскую придворную знать выделили в самостоятельную группу — кугэ. Кугэ считались самым высоким рангом среди феодального дворянства. Но так как они не имели земли и не могли занимать никаких оплачиваемых должностей в государственном аппарате (будучи слишком «высоки» для этого), а носили пышные наследственные звания, не дававшие никаких доходов, то по существу их положение было очень незавидным. Токугавское правительство восстановило весь прежний этикет и церемониал, существовавший когда-то в Киото, и оказывало внешнее уважение кугэ как приближенным императора. Но оно держало их всех в полной зависимости, так как без сёгунского жалованья высокие персоны не могли бы просуществовать и одного дня. Любопытно, что сам сёгун считал для себя обязательным формальное получение всех своих титулов от плененного им императора. Это, разумеется, достигалось совсем легко, по тем не менее имело, повидному, какой-то психологический эффект, ибо позволяло сёгуну козырять перед враждебными ему феодальными князьями полученными от императора полномочиями.

В отличие от придворной знати все остальные феодальные дома носили название букэ (военные дома). Букэ, или самурай, и составляли господствующий феодальный класс в стране. Букэ в свою очередь подразделялись на владетельных князей (даймь) и самураев, т. е. мелких дворян. Даймь состояли из трех категорий: 1) синхан, или даймь, принадлежавшие к сёгунской фамилии Токугава (сюда относились три владетельных князя провинций Овари, Кии и Мито; в случае, если у сёгуна не оказывалось прямых наследников, то таковым становился представитель одной из этих трех боковых линий фамилии Токугава); 2) фудай — князья, являвшиеся вассалами сёгуна (они составлялись из тех князей, которые давно были связаны с домом Токугава, зависели от него в финансовом или в военном отношении и потому рассматривались, как главная опора сёгуна; из этих фудай-даймь составлялись высшие правительственные органы: они бывали членами высшего сёгунского совета «городзю» и занимали посты местных губернаторов); 3) тодзама — владетельные князья, не бывшие вассалами дома Токугава, считавшие себя равноправными феодальными фамилиями

и пользовавшиеся фактической властью в своих владениях. Тодзама-даймьё были гораздо богаче и сильнее, чем фудай. Бакуфу видело в них своих недоброжелателей, если не противников, и всякими мерами старалось подорвать их влияние. Они не могли занимать правительственных должностей. Их владения, расположенные, как правило, вдали от центра (этим в значительной мере объясняется их известная самостоятельность и то, что они смогли уберечь свои владения от цепких рук Токугава), окружались сёгуном посредством особой системы расселения своих вассалов. Бакуфу строило замки во всех важнейших стратегических пунктах, чтобы затруднить действия тодзама в случае образования антисёгунской коалиции.

Наконец, исключительной мерой давления на даймьё являлось так называемое санкинкодай. Под этим термином понималась обязанность всех феодальных князей через год бывать в Эдо, при дворе сёгуна, и жить там со свитой с предписанными церемониалом блеском и пышностью. После года пребывания при дворе сёгуна даймьё уезжали к себе в провинцию, но должны были оставлять в Эдо в качестве заложников жену и детей. Таким образом, всякое неповиновение сёгуну или, тем более, всякая попытка организовать отпор притязаниям бакуфу влекли за собой репрессии в отношении этих заложников. Кроме того, смысл введения системы санкинкодай состоял в том, что постоянные переезды князей и жизнь в столице требовали от них огромных затрат. Князья вынуждены были строить собственные резиденции в Эдо, содержать там множество обслуживающей челяди и т. д. Вызванные этим расходы тяжелым грузом ложились на феодалов, ослабляя их и одновременно обогащая сёгунскую столицу — Эдо.

Даймьё, согласно существовавшему неписанному закону, должны были также преподносить сёгуну подарки как при приезде в Эдо для отбывания очередного срока проживания при сёгуне, так и по всяким другим поводам. При сёгуне Иэмицу особое распространение получили денежные подарки. Материально Токугава были несравненно богаче всех остальных феодальных князей. Военное превосходство Токугава также было совершенно неоспоримо. Поэтому бакуфу не облагало князей специальным налогом, довольствуясь большими доходами, поступавшими с сёгунских земель, от городов и т. д. Но подарки были по существу особой формой налогового обложения. Бакуфу стремилось привлечь в Эдо побольше золота и серебра. Токугава были собственниками золотых и серебряных рудников во многих пунктах Японии: в провинциях Садо, Сацума, Идзу, Будзэн, Бунго, Суруга и Тадзима. Однако этого было недостаточно, и крупные даймьё-тодзама, согласно «обычаю», должны были дарить сёгуну золотые монеты, менее богатые князья — серебряные. О тех размерах, которые иногда принимали эти подношения, дает представление подарок князя Маэда из провинции Кага сёгуну Хидэтада — 5 тыс. крупных золотых монет от него лично и 3 тыс. золотых монет от его сына. Маэда считался богатейшим феодалом, и другие «дарили», разумеется, не столь щедро. Средний «дар»

составлял 200—300 золотых или серебряных монет, в зависимости от достатка дарителя.

Нужно сказать, что, несмотря на деспотический режим, установленный при Токугава, положение тодзама-даймьё не было настолько уже тяжелым, чтобы они искали случая во чтобы то ни стало сколотить коалицию против сёгуна. В рамках феодального удела, или клана, князь был почти неограниченным хозяином. Бакуфу неоднократно подчеркивало, что оно сохраняет за собой верховный контроль над всеми земельными владениями и потому вправе отнимать у всех феодальных князей, не исключая и тодзама, их владения, перераспределять их и награждать новыми. Однако на практике это право верховной власти применялось крайне редко. Князья получили возможность выкачивать большую сумму дохода из своих крепостных, так как период непрерывных войн, которыми ознаменовался весь XVI век, окончился с утверждением династии Токугава. Войны и связанные с ними расходы и потери, систематические неурожаи вследствие плохой обработки полей пришли к концу. Поэтому первый период существования токугавского режима (до начала XVIII в.) ознаменовался даже некоторым относительным подъемом производительных сил страны. Это проявилось в росте урожая и даже в росте населения.

Ограничительные мероприятия Токугава в отношении тодзама носили поэтому скорее предупредительный характер, нежели были вынуждены угрожающей обстановкой.

Самурайство, составлявшее основную массу феодалов, также было неоднородно по своему составу. Значительный слой привилегированного самурайства образовывали так называемые хатамото (буквально — под знаменем), являвшиеся непосредственными вассалами сёгуна и составлявшие главную опору токугавского режима. Хатамото в своем большинстве занимали положение правительственных чиновников, осуществляли надзор за крестьянством и прочими неполноправными слоями населения, ведали взиманием налогов и повинностей, управляли городами и личными владениями сёгуна. Часть хатамото, занимая административные должности, не имела своих земельных участков, а получала жалованье от сёгуна, преимущественно в натуральной форме (рисом). Другая часть, непосредственно управлявшая обширными владениями сёгуна, получала от него небольшие земельные владения с соответствующим количеством крестьян, которые и кормили этих маленьких феодалов.

Самурай, не подвластные сёгуну, а являвшиеся вассалами удельных князей, в массе своей сидели на земле, владея на ленных началах определенными участками земли, полученной их князем от сёгуна. Меньшинство этих самураев получало от князей жалованье рисом, составляя их постоянную дружину. Но постоянную дружину могли иметь, разумеется, лишь богатые князья.

Материальное положение самого низшего слоя господствующего класса, безземельных самураев, составлявших в прошлые годы основу военных отрядов князей, ухудшилось при Токугава.

Не все из этих самураев «осели на земле». Многие из них были явно неудовлетворены созданным положением, при котором им приходилось довольствоваться скромным рисовым пайком, получаемым в виде жалования от князя. Поэтому, несмотря на некоторый относительный экономический подъем в первую половину существования токугавского режима, наметился процесс размывания самого класса феодалов. Увеличивалась численность ронинов, т. е. бродячих самураев, оставлявших своего князя, не желавшего или не бывшего в состоянии хорошо кормить своих вассалов. На первых порах ронины не представляли серьезной социальной проблемы. Они преимущественно пополняли собой население городов. Многие из них отрекались от своих дворянских привилегий, запрещавших простой труд и торговлю, и становились «людьми свободных профессий» — учителями, врачами, мелкими служащими. Некоторый небольшой процент ронинов пополнял собой даже ряды ремесленников и торговцев. С течением времени токугавскому правительству пришлось уже с беспокойством отмечать процесс роста числа бездомных деклассированных самураев, ибо они представляли собой элемент, увеличивавший ряды недовольных господствовавшим режимом.

В целях предотвращения взрыва недовольства токугавским «порядком» сёгунат создал исключительно разветвленный и сильный полицейский аппарат, выполнявший функцию двойного надзора: за крестьянством и недовольным городским плебсом (часть ремесленников, интеллигенции и т. д.) и за князьями — тодзама.

Именно в условиях токугавского режима выработывалась та чудовищная машина полицейского сыска, административного произвола и деспотизма, которая перешла потом по наследству на службу японской буржуазии. Некоторые японские историки, характеризуя эпоху Токугава, давали ей красочное определение — «полицейское государство». Хотя подобное определение недостаточно, поскольку оно не вскрывает классовой природы токугавской Японии, но эпитет полицейского государства с полным правом приложим к государственному аппарату бакуфу.

Верхушка токугавского государственного аппарата складывалась из следующих элементов. Во главе всей администрации, ведавшей и делами управления в масштабе всей страны и руководством земельными владениями, принадлежавшими непосредственно сёгуну, стоял совет старейшин, носивший название городзю, во главе с тайро (буквально — «великим старшим»). Члены этого совета назначались лично сёгуном, преимущественно из числа фудай-даймьё. Тайро выполнял функции канцлера и фактически руководил делами самостоятельно, будучи ответственным только перед сёгуном. При совете старейшин состояли так называемые вакатосиёри (буквально — «молодые старики»), выполнявшие функции министров, руководивших отдельными отраслями управления. Они осуществляли контроль и наблюдение за хатамото и сносились с местными чиновниками. Ниже их по положению считались три префекта (бугьё), ведавшие тремя независимыми отраслями: дзися

бугьо — управляющий храмами и монастырями, Эдо мати бугьо — префект столицы — г. Эдо, и кандзэ бугьо — управляющий финансами.

Особую власть имели специальные чиновники, соединявшие в себе функции полицейского и прокурорского надзора и носившие название мэцукэ. Будучи независимы от всех остальных должностных лиц (наподобие прокуроров), мэцукэ (буквально — «смотрящие») осуществляли тайную и явную слежку за всеми должностными лицами, как в центральном аппарате, так, в особенности, на местах. Обязанностью мэцукэ было во-время обнаружить нарушение интересов государства, вернее, сёгуна, и применить соответствующие репрессии.

Местная власть Токугава была организована таким образом, что в важнейших городах и замках представитель бакуфу являлся одновременно начальником гарнизона, располагая значительными отрядами войск. Особый правитель с широкими полномочиями генерал-губернатора находился в Киото, где он носил название сёсидай. Он должен был наблюдать за императорским двором и не допускать никаких сношений императора с внешним миром. В городах Осака и Суруга губернатор носил звание дзэдай; в Нагасаки, Никко, Фусими, Ямада и в Садо он назывался бугьо (префект). Во всех отдельных пунктах местные правители именовались гундай или дайкан. Должности эти замещались рядовыми хатамото. Все эти чиновники действовали на территории, непосредственно подчиненной сёгуну. В уделах, где имелись свои князья — даймьо, действовал преимущественно законспирированный аппарат политического сыска, подчиненный мэцукэ.

Одной из важных причин, приведших к усугублению полицейского режима Токугава и к так называемому «закрытию» Японии для внешних сношений, послужило развитие взаимоотношений с европейцами.

Токугава Иэясу в отличие от Хидэйоси не предпринимал сначала никаких решительных мер против проникновения европейцев в Японию. Напротив, он оказался весьма заинтересован знакомством с вновь прибывшими в Японию в 1600 г. представителями наиболее передовых торговых наций Европы — голландцев и англичан. Прибывший на голландском судне англичанин Адамс снискал даже особое доверие со стороны Иэясу, пригласившего Адамса, опытного кораблестроителя, быть инструктором по сооружению крупных кораблей для Японии. Как показал опыт предшествовавшей японской истории, Япония сильно страдала от отсутствия собственного крупного флота. Корейский поход Хидэйоси обнаружил невозможность для Японии состязаться с большими судами, имевшимися у Китая. Широкие завоевательные планы Хидэйоси были подорваны в значительной мере благодаря слабости Японии на море. Небольшие японские корабли были пригодны для местных пиратских набегов на ближайшие берега Кореи и Северного Китая, но они редко рисковали отправляться в дальнее плавание, и поэтому инициатива торговых связей с дальними странами неизменно на-

ходила в руках иностранцев. Адамс приступил к этой работе и пользовался неизменным вниманием со стороны Иэясу. Одновременно сёгун дал голландцам, выступавшим в качестве представителей Ост-индской компании, право торговать на гораздо более льготных условиях, чем их предшественникам — португальцам и испанцам. Повидимому, это объяснялось тем, что вновь прибывшие европейцы-протестанты с самого начала заняли враждебную позицию по отношению к католикам (т. е. португальцам и испанцам), которые уже были скомпрометированы в глазах Иэясу своими политическими интригами.

Однако англичане и голландцы не смогли в достаточной степени воспользоваться выгодами своего положения и закрепить полученные ими привилегии. Они ошибочно отказались от настойчивого предложения сёгуна установить свою торговую базу вблизи от Эдо и решили обосноваться в Хирадо. Иэясу был крайне недоволен этим решением, так как надеялся, что англо-голландская торговля, идущая через бухту Урага, будет целиком обслуживать интересы бакуфу и станет активно содействовать обогащению столицы. В Хирадо уже раньше находилась база заморской торговли, и в силу отдаленности этого порта центральное правительство не могло безраздельно присваивать себе доходы, связанные с иностранным торговым оборотом.

Одной из важнейших статей европейского импорта в Японию было огнестрельное оружие, производство которого в самой Японии почти не было налажено (во всяком случае находилось в зачаточном состоянии). Бакуфу не без основания опасалось, что, будучи доставлено в южные порты, это оружие в какой-то мере могло бесконтрольно проскользнуть в руки местных феодалов и тем самым послужить во вред интересам Токугава. Кроме того, сёгун предполагал, что если иностранные купцы будут находиться в сфере досягаемости правительства, то значительно уменьшится возможность всякого рода закулисных политических интриг с южными и западными даймё.

В результате этой ошибки англичане, основавшие так называемый «английский дом» в Хирадо, лишились впоследствии огромных выгод, которые они получили бы вследствие борьбы Токугава с католиками, окончившейся полным изгнанием иезуитов и францисканцев. Несмотря на сильную вражду между этими двумя орденами, появление в Японии англичан и голландцев вызвало страшную ярость обоих соперников. Испанцы изоощрялись во всевозможных видах интриг, клеветы и доносов, чтобы очернить голландских купцов в глазах сёгуна и местных феодалов. Так как эти интриги не приводили к желанным результатам, испанцы выдвинули проект насильственного удаления своих конкурентов из Японии. В 1611 г. они отправили посла в метрополию с настойчивой просьбой прислать испанский военный флот и уничтожить голландские корабли и фактории в Японии. Токугава узнал об этой просьбе, и его подозрения в отношении политических намерений испанцев еще более усилились. Произведенное расследование обнаружило, что махинации

испанцев, действовавших через католических миссионеров, зашли довольно далеко: их агенты захватывали важные посты в государственном аппарате, и, таким образом, испанцы могли действовать не только через посредство крещеных даймё на Кюсю (соблазнившись выгодами заморской торговли и окружавших себя христианами), но и через своих ставленников в центральном правительственном аппарате. Иэясу сместил с должности всех чиновников, заподозренных в близких сношениях с христианами, и подтвердил необходимость строго придерживаться никем не отмененного указа Хидэйоси о запрещении деятельности миссионеров. Было проведено несколько казней христиан для их устрашения, и в 1614 г. был обнародован новый указ о полном и безоговорочном запрещении христианства.

Сёгун решил одновременно выяснить, какие силы в Европе стоят за спиной миссионеров, и вместе с тем на всякий случай застраховать себя от гнева этих сил, который мог проявиться при проникновении в Европу вести о репрессиях японцев против католических священников. Из этих соображений Иэясу решил срочно направить в Европу посла, но, однако, не от своего имени, а от имени даймё Датэ из провинции Сэндай (один из фудай, отличавшийся особой преданностью Токугава). Это посольство состоялось в 1613 г., и во главе его был послан один из вассалов Датэ. Посольство посетило Рим и Мадрид, где было обработано миссионерами и обласкано папой (Филиппом III). В результате японские послы стали самыми яркими приверженцами европейской культуры. В Риме главный японский посол по собственной инициативе принял крещение. Вернувшись в Японию, миссия пыталась пропагандировать католицизм, что вызвало огромное недовольство бакуфу.

Токугава Хидэтада (миссия вернулась лишь в 1620 г., т. е. четыре года спустя после смерти Иэясу) расценил этот результат посольства как лишнее подтверждение необходимости поскорее покончить с христианами. Целый ряд репрессий вновь обрушился на миссионеров и, в особенности, на японцев, принявших христианство.

Следует отметить, как укреплялось христианство среди японцев. Даймё принимали новую религию почти исключительно из коммерческих и политических соображений, из стремления воспользоваться выгодами заморской торговли и обособиться от сёгуната, опираясь на новых друзей — европейцев, снабжавших крещеных даймё огнестрельным оружием. Даймё заставляли своих вассалов и крепостных принимать христианство. Когда сёгун объявил жестокую борьбу с христианством и выступил против южных даймё, из которых многие приняли христианство, то самурай защищали своих даймё в силу феодалных традиций (а не потому, что боролись за новую религию).

Южные феодалы не придерживались той системы мелочной регламентации, которая строго проводилась на всей территории, подвластной сёгуну. Поэтому значительные слои крестьянства, крещенного по указанию своих местных феодалов, поддерживали

южных князей в их борьбе с сёгуном, когда были двинуты карательные отряды для ликвидации христианских очагов. В этой борьбе, как показал пример кровавых событий в Симабара, крестьянство нередко выходило за рамки, очерченные узко феодальными интересами мятежных даймё, и выступало вполне самостоятельно с антифеодальными лозунгами, сохранявшими иногда лишь причудливую «христианскую» оболочку. Несомненно, что миссионеры — европейцы, столкнувшись с серьезным отпором своей деятельности со стороны бакуфу, не стеснялись в средствах, чтобы поднять по возможности все население под знаменем «креста» и тем самым ограбить свои позиции и интересы испанской и португальской торговой буржуазии, завоеванные в южной части Японии.

Токугава Иэмицу, ставший сёгуном в 1632 г., с еще бóльшим рвением, чем его отец, ополчился против миссионеров. Несмотря на все прежние репрессии, влияние последних в ряде районов, мало доступных для бакуфу, не ослабевало. Именно в этот период, в разгар карательных мероприятий против южных княжеств, зараженных христианством, и разразились события в Симабара. Этот район, расположенный в непосредственной близости от Нагасаки, был занят сёгунскими войсками, которые не преминули установить в нем те феодальные порядки, которые существовали на всей территории, принадлежавшей сёгуну. Крестьянское население, бывшее, повидимому, несколько более культурным, чем основная масса крепостных в центральной и северной Японии (здесь сказывались давнишние торговые связи этой части страны с Китаем, а затем и с Европой), снабженное оружием, давно уже тайно собиравшимся европейскими миссионерами, подняло восстание. Причиной этого восстания были, разумеется, не религиозные преследования, а феодальный гнет. Под предлогом искоренения христианского лжеучения сёгунские чиновники творили исключительные беззакония в покоренном районе. Кроме непосильных налогов, бакуфу установило чрезвычайные трудовые повинности (барщину). Все это обрекало крестьян на рабское существование. Восстание началось в конце 1637 г., причем характерной его особенностью, выделявшей его из всей массы революционных крестьянских выступлений в средневековой Японии, являлась организованность и умелое использование огнестрельного оружия.

Справившись со сравнительно малочисленными местными отрядами бакуфу, восставшие покинули свой район (полуостров к востоку от Нагасаки и ближайший остров Амакуса) и укрепились в полуразрушенном замке Хара, намереваясь выдержать осаду, чтобы затем, ослабив врага, перейти в контрнаступление. Осада длилась около трех месяцев. Осажденные, в числе около 38 тыс. человек, героически сражались против объединенных сил феодальных вассалов Токугава и против голландцев, которые решили нажать политический капитал на этом деле и предложили свою военную помощь сёгуну. Голландские пушки с моря бомбардировали осажденных, что в большой степени предрешило их поражение. Замок был взят штурмом, и почти все защитники его были перебиты.

По официальным данным, осталось в живых только 105 человек, которые были взяты в плен.

С ликвидацией симабарского восстания Иэмицу решил «закрыть» Японию для иностранцев и изолировать Японию от всякого иностранного влияния. Еще Хидэтада, который после первого неудачного опыта с отправкой посольства в Европу вторично послал туда одного из своих доверенных самураев и из его донесения убедился в смертельной опасности, угрожавшей Японии со стороны европейцев, действующих через миссионеров, в 1624 г. издал закон о высылке всех испанцев с японской территории. В 1636 г. Иэмицу предпринял более решительные меры, запретив японцам под страхом смерти покидать свою страну и сооружать большие корабли, приспособленные для дальнего плавания. Иностранным купцам было разрешено торговать лишь на небольшом островке Дэсима (возле порта Нагасаки), причем ограничительные правила были значительно усилены. Торговля должна была производиться только через посредство сёгунских чиновников. Всякая религиозная и политическая пропаганда безусловно запрещалась. Купцы должны были давать специальное обязательство воздерживаться от проявления своих собственных религиозных убеждений и не вступать ни в какие сношения с японцами, кроме чисто деловых, регулируемых правилами о торговле.

Спустя два года, в 1638 г., Иэмицу, повидимому, под непосредственным впечатлением событий в Симабара издал указ о высылке за пределы Японии и всех португальцев, независимо от того, с какими целями они прибыли. Всякий португальский (равно как и испанский) корабль, приходящий к японским берегам, подлежал немедленному уничтожению, а экипаж — смертной казни. Исключение было сделано для голландцев, оказавших помощь бакуфу во время подавления восстания в Симабара. Кроме того, взаимная ненависть конкурировавших голландских и португальских купцов была настолько хорошо известна, что у сёгуна не могло возникнуть подозрений о возможности какого-либо сговора голландцев с остальными европейцами.

Барыши голландцев после изгнания испанцев и португальцев несказанно возросли. Торговля с Японией, откуда в больших количествах вывозилось золото, представлялась настолько заманчивой для европейцев, что португальцы дважды пытались мирными средствами вернуть утраченные ими позиции, но наталкивались на непримиримость Иэмицу. Специальная португальская миссия, посланная из Макао в 1640 г. к сёгуну с подарками и пытавшаяся убедить его пересмотреть запрет, была казнена. Несколько человек, принадлежавших к свите португальских послов, было оставлено в живых и отправлено обратно в Макао с наказом передать, что так поступят со всяким, кто осмелится впредь нарушить указ сёгуна. В японском документе, врученном через посредство уцелевших остатков посольской свиты, было сказано, что португальцы «не должны больше думать о нас, как будто бы нас нет больше на свете».

Португальские купцы, однако, не успокоились, и в 1647 г. два португальских корабля вторично явились в Японию. Они пытались передать декларацию о том, что Португалия отныне находится в состоянии «естественной дружбы» с японцами, поскольку она ведет войну с недружественной Японии Испанией, и, следовательно, налицо все основания для возобновления коммерческих отношений. Под страхом смерти португальцам, однако, приказано было покинуть Японию, и им снова было указано, что они должны забыть о торговле с японцами.

Наиболее важным в европейской торговле было для бакуфу, конечно, приобретение огнестрельного оружия. Эту потребность с лихвой удовлетворяли голландцы. Поэтому, когда был сделан уже определенный запас оружия и когда в Японии появились собственные оружейные мастерские и арсеналы, заинтересованность токугавского правительства во внешней торговле резко пала. В соответствии с этим ухудшилось отношение бакуфу к голландцам. Голландским купцам было предложено покинуть насиженное место в Хирадо и ограничиться местопребыванием на островке Дэсима, где исключалась всякая возможность контакта с местным японским населением или с местными даймью, минуя чиновников бакуфу. Правительство стало откровенно придираться к голландцам, требуя от них не только отказа от всякой деятельности, не предусмотренной инструкцией сёгуна о торговле, но активной демонстрации своей лояльности по отношению к бакуфу публичным отказом от христианских убеждений (так как на основе специальной экспертизы японских чиновников было установлено, что протестанты-голландцы «в основном» такие же христиане, как и католики — испанцы и португальцы). Голландцы на островке Дэсима были поставлены под строжайшее наблюдение токугавских полицейских, которые их третировали и оскорбляли и грубо вмешивались даже в их бытовые дела. Лишь раз в год голландцам разрешалось под полицейским эскортом отправляться с острова Дэсима в Нагасаки для передачи правительственным властям подарков. Все остальное время они находились на положении заключенных.

В первые годы после изгнания миссионеров действовал указ сёгуна о том, что все население районов, «зараженных учением злой секты», т. е. христианством, должно демонстрировать ежегодно свой отказ от иностранной веры символическими жестами, а именно, попирать ногами кресты, иконы и евангелия. Некоторые источники говорят о том, что выполнять эту процедуру принуждались и голландские купцы. Так или иначе, жажда наживы оказывалась сильнее всех этих «неудобств», и голландцы цепко держались за торговые сношения с Японией, безропотно перенося все проявления произвола токугавских чиновников.

Сёгунат не был доволен, разумеется, выкачкой из Японии золота и других металлов, производившейся иностранными купцами. Скоро последовали ограничительные законы в отношении вывоза золота, и с середины XVII в. он был совершенно запрещен. Вслед за ограничением и последующим полным запретом вывоза золота

бакуфу приступило к ограничению вывоза серебра и меди. В 1685 г. количество серебра, могущего быть вывезенным в уплату за иностранные товары, было сокращено до 120 т, в 1790 г. — до 30 т. Соответственно указом 1685 г. был официально лимитирован вывоз меди. Поскольку голландцы не желали и по существу не могли вывозить из Японии ничего, кроме металлов, это явилось дополнительным ударом по внешнеторговым связям. В Нагасаки приходило два-три голландских корабля в продолжение целого года. С 1715 г. было определено, что могут приходить лишь два корабля в год, а с 1790 г. — даже один.

В 1673 г. коммерческий корабль английской Ост-индской компании прибыл к берегам Японии, и представители компании вступили в переговоры с японцами о разрешении англичанам торговать в Японии, хотя бы на тех же условиях, на которых существовала ранее первая неудачливая английская фактория в Хирадо. Сёгунат отклонил это предложение, причем характерно, что основной мотивировкой японцев явилась ссылка на то, что «английский король Карл женат на португальской принцессе, а Португалия является врагом Японии».

Изоляция Японии от внешнего мира в период «закрытого государства», по японской терминологии, никогда, разумеется, не была абсолютной. Помимо связи с внешним миром через посредство голландцев, бакуфу разрешило приезжать в Нагасаки и торговать китайским купцам, правда, также с весьма большими ограничениями, хотя и не столь унизительными, как по отношению к европейцам. Бакуфу тщательно следило за всеми важнейшими процессами в международной политике и даже имело узкий и строго секретный штат чиновников, специально занятых сбором сведений о заграничной жизни. Практиковались, повидимому, также отправки секретных эмиссаров сёгуна в Китай и в Европу для получения нужной информации. Но всё это ограничивалось чрезвычайно узкими рамками. Токугава стремились полностью «закрыть» Японию для всех, кроме самих себя. Бакуфу целиком монополизировало внешнюю торговлю с Голландией и Китаем. Оно настойчиво следило за тем, чтобы никто из его подданных и в особенности из даймё не установил какой-либо связи с заграницей. Даже японцам, потерпевшим кораблекрушение и случайно заброшенным в чужие страны, навсегда запрещалось возвращение на родину.

В установлении изоляции Японии, так же как и во всех прочих мероприятиях третьего сёгуна Токугава — Иэмицу, настойчиво проявлялась одна руководящая идея: сохранять без изменений данный феодальный порядок, закрепить его государственными нормами, не допускать никаких новшеств или перемен, так как они влекут за собой угрозу ослабления гегемонии Токугава над феодальными князьями, угрозу крестьянской войны, угрозу сильного иностранного напора, перед которым феодальная Япония устоять не сумеет. Поэтому Иэмицу всеми доступными ему средствами фиксировал установившиеся феодальные порядки, тщательно их ограждал, предохраняя их от всех могущих возникнуть внешних и внутренних

потрясений. Феодалная регламентация Токугава, даже когда она преследовала чисто фискальные цели, была в основном выражением основной политической «мудрости», состоявшей в том, что «все должно оставаться неизменным».

Иэмицу обращал особое внимание на фиксацию точных границ земель, принадлежавших даймьо, как фудай, так и тодзама. Сёгунские чиновники производили обмер этих земель, составляли детальные планы и карты местности и наблюдали, чтобы повсюду были установлены межевые столбы с табличками, с указанием имени владельца. Всякое передвижение в пределах Японии было строгой образом регламентировано. Без ведома чиновников бакуфу никто не мог самовольно отлучаться с места своего постоянного жительства. Это относилось в равной мере и к горожанам и к правящему самурайскому классу, не говоря уже, конечно, о крестьянах. Система слезки и доносов приобрела в связи с этим колоссальное распространение в токугавской Японии. Эта система шпионажа укрепилась именно в результате «забот» правительства о том, чтобы охватить все своим контролем и не допускать никаких отступлений от правил.

Иэмицу стремился к тому, чтобы феодальные отношения строго соблюдались во всех слоях общества. Сёгунские власти в городах должны были наблюдать за стабильностью ремесленных цехов и купеческих гильдий. Никто не мог произвольно покидать свой цех и переходить в другой. Каждый купец мог торговать лишь определенным видом товара и в определенном месте. Эта структура ремесленных цехов и купеческих гильдий облегчала правительству надзор над горожанами. Вплоть до XVIII в. ремесленники в принудительном порядке объединялись в цеха.

Отношения между мастером и его подмастерьями и учениками строились по образцу феодальных отношений, существовавших между сеньором и его вассалами. Приказчики и слуги богатых купцов считались как бы прикрепленными к данной фирме и не могли самовольно ее покидать.

Весьма существенной особенностью токугавского строя являлось стремление правительства распространить повсюду метод заложничества, или круговой поруки, для обеспечения бесперебойного поступления налогов и для осуществления постоянного контроля над выполнением правительственных регламентаций. В отношении даймьо это достигалось посредством практики «санкинкадай». В отношении городской торговой буржуазии действовали правила о так называемом «самоуправлении». Жители каждого квартала в городе составляли общину во главе со старостой, отвечавшим за поведение и выполнение всех повинностей членами общины. Старостой являлся обыкновенно наиболее влиятельный и богатый купец, состояния которого было настолько значительно, что позволяло покрывать все недоимки. Однако ответственность общины за старосту также существовала, и, в случае какой-либо провинности старосты, отвечали перед бакуфу все члены общины.

Система круговой поруки в еще более чистом виде существовала

в деревне. Сельский староста имел помощников, ведавших определенной группой дворов, и все повинности в отношении данной группы определялись «оптом» — в порядке коллективной ответственности за их выполнение. Для удобства надзора крестьяне были объединены в «пятидворки» (гонингуми). Каждый хозяин двора следил за своим соседом, исполнены ли им указания власти и не грозит им всем какое-либо наказание.

Староста на селе подбирался обыкновенно из среды богатых крестьян, которые ухитрялись, обходя все существовавшие ограничительные нормы, эксплуатировать крестьян победнее, ссужать их рисом для уплаты налога, а затем забирать у них урожай или даже землю. Разумеется, такого рода операции осуществлялись нелегально: земля переходила в руки богатых под видом разного рода «дарений», «жертвований» и т. д. Это облегчалось тем, что в токугавский период главной формой феодальной ренты выступал оброк, а не барщина, и благодаря этому в руках сельского старосты, выступавшего в роли посредника между феодалом и крепостными, были достаточные рычаги для воздействия на бедноту, прибегавшую к «помощи» старосты при наступлении сроков платежа налога.

В деревне, задавленной тяжелейшим прессом экономического порабощения и политического бесправия, происходили, таким образом, подпочвенные процессы, нарушавшие принцип «стабильности», положенный в основу токугавского режима. Крестьянские восстания продолжали прорываться то в одном, то в другом месте. В городах происходил процесс неуклонного обогащения привилегированной верхушки торговой буржуазии. И даже класс самураев, являвшийся основой и главной опорой токугавского общественного порядка, проявлял признаки внутреннего разложения, а отнюдь не «стабилизации».

В самом деле, самураи представляли собой правящее меньшинство населения, организованное в военное сословие. Профессией феодального дворянства всегда была война. Кодекс самурайской «доблести и чести» (бусидо) строжайшим образом запрещал самураям заниматься чем-либо иным, кроме войны. Но в условиях токугавского режима война перестала быть повседневным явлением. Наоборот, правительство бакуфу ставило своей целью по возможности избегать войны¹. Таким образом, получалось неразрешимое противоречие между самурайскими традициями, привычками, моралью, которые попрежнему ими культивировались, и стремлениями токугавских властей к стабилизации и миру. Даймью не нуждались в том, чтобы содержать большое количество самураев — воинов. Большинство самураев садилось на землю и превращалось в мелких феодалов-помещиков (землю самураи получали, разумеется, вместе с крепостными). Но значительная часть самураев — безземельное меньшинство — испыты-

¹ В 1669 г. Токугава пришлось вести кратковременную войну на крайнем севере своих владений, в провинциях Муцу и Дэва, против восставших айну, пытавшихся силой вернуть захваченные у них японцами территории. Айну были с легкостью разбиты вследствие численного и технического превосходства самураев.

вала большие экономические трудности, поскольку феодалы-князья снижали размеры жалования своим дружинникам. «Рисовая стипендия» не удовлетворяла даже минимальных потребностей самурайства и, во всяком случае, его запросов, как части господствующего класса. Поэтому неизменно увеличивалась категория ронинов, т. е. самураев без хозяина, покидавших свой клан и различными способами изыскивавших новые средства существования. Мы уже указывали, что основной путь, по которому устремлялись ронины, — это переход на положение горожан, занятие разного рода свободными профессиями, ремеслом и торговлей. Таким образом происходило постоянное размывание низшего слоя феодального дворянства.

Этот процесс серьезно дискредитировал токугавскую диктатуру в глазах самих феодалов, ибо дворянство было «основой основ» в Японии. Превосходство дворян не подлежало обсуждению. Особые права дворянства должны были всеми и во всем свято соблюдаться. Весьма характерно, что Токугава в своих законодательных документах и вообще во всей правовой системе установленного им режима твердо и вполне открыто «признавали людьми» только лиц, принадлежавших к самурайству. Существовало два совершенно различных подхода со стороны государственной власти к самураям и ко всему остальному населению. Знаменитый кодекс Токугава «100 статей» (Осадамэгаки хяккадзэ) прямо содержал указание на то, что простой народ не должен даже быть посвящен в содержание закона. Общение правительства с народом мыслилось лишь в форме приказов, содержащих в себе по большей части утверждение каких-либо новых повинностей или регламентаций. Каждый такой приказ неизменно заканчивался перечислением строжайших кар за его нарушение. Наказания, практиковавшиеся при Токугава, вообще отличались жестокостью и бесчеловечностью в применении к не-самураям. Законодательство Токугава было откровенно классовым феодальным законодательством, ибо все преступления наказывались в соответствии с социальным положением. За такие преступления, как убийство или воровство, простой народ карался гораздо более сурово, чем самураи. Широко применялась смертная казнь, при следствии постоянно применялись пытки. Лишь так называемые «благородные» преступления, в которых затрагивалась самурайская честь, карались смертью и в том случае, если преступником был самурай. В этом случае смертный приговор облекался в почетную форму предписания покончить самоубийством путем «харакири», или «сеппуку» (вспарывание живота).

В сравнении с дворянством городская буржуазия оставалась бесправной, хотя экономическая ее роль была значительна.

Если в XVII и в начале XVIII в. в токугавской Японии наблюдался известный рост производительных сил, то в последующий период обнаруживаются явные признаки загнивания и деградации. Согласно правительственным переписям, народонаселение не давало больше никакого прироста. В 1726 г. население Японии

исчислялось в $26\frac{1}{2}$ млн. человек, в 1750 г. — 26 млн., в 1804 г. — $25\frac{1}{2}$ млн. и в 1846 г. (т. е. почти накануне падения токугавского режима) — 27 млн. человек. Размер обрабатываемой земельной площади также остановился в росте. Крестьянское население разорялось и доводилось до полного голодания системой высоких налогов и непосильных поборов. Одной из самых жестоких мер феодалов было взимание налогов с крестьян за несколько лет вперед. Забирая налоги за несколько лет вперед, феодалы каждый следующий год измышляли новые способы выкачивания остатков имущества у крестьянина. Облагалось налогами буквально все, каждая мелочь, вплоть до мелкой утвари в крестьянской семье.

Однако и этим дело не ограничивалось. Чтобы взять у крестьянина все, что только можно, феодал обращался за помощью к купцу, который ссужал его необходимой суммой денег и принимал на себя задачу завершить ограбление крестьянина. Повторялась та же картина, которая наблюдалась уже во время сёгуната Асикага. Попав в долговую зависимость к купцу, крестьянин в конце концов терял свой участок земли. Хотя закон запрещал сделки на землю, но фактически они имели очень большое распространение. Большое количество земельных участков переходило в руки так называемых горожан, т. е. представителей торгово-ростовщической буржуазии. Захватывая земли, купцы, однако, ни на йоту не меняли характера феодальных отношений — крепостной зависимости, угнетавшей японское крестьянство. По существу и по форме сохранялась при этом доподлинная феодальная эксплуатация.

Ни в один из предшествовавших периодов истории феодальной Японии не было такого количества крестьянских восстаний, как в эпоху Токугава. Это показывает, что все усилия создать суровый полицейский режим, исключающий возможность какого-либо проявления массового революционного протеста, оказались обречены на неудачу.

Наиболее распространенной формой крестьянского выступления было коллективное требование отмены самых несправедливых поборов или повинностей. Население всей деревни собиралось и толпой направлялось к феодальному замку или к помещению местного управителя, поставленного феодалом, для передачи ему крестьянского решения. Это решение выносилось в разнообразной форме. Иногда это была своеобразная петиция в почтительных, уничижительных выражениях, умолявшая князя или сёгунского чиновника отнестись милостиво к крестьянским слезам. Иногда крестьяне выступали с независимыми по тону требованиями, сопровождая передачу их демонстрацией, принося с собой самодельное оружие (колья).

Сохранившиеся описания крестьянских восстаний, принадлежащие перу феодалов или, во всяком случае, лиц, не относившихся к угнетенному классу, рисуют их по большей части как неожиданные и грозные вспышки, внезапно обрушивавшиеся на головы феодалов и купцов-откупщиков.

Феодальная раздробленность Японии препятствовала быстрому

и легкому слиянию отдельных крестьянских восстаний в широкую крестьянскую войну против феодального строя в целом. Но, с другой стороны, эта разобщенность часто помогала крестьянам в их выступлениях против того или иного феодала, вынуждая его признать крестьянские требования. Очувшись во враждебном окружении и не будучи в состоянии снестись с другими феодалами, чтобы призвать их на помощь, осажденные в своих замках феодалы нередко спасали свою шкуру словесным признанием требований, предъявлявшихся повстанцами. Известны, например, случаи, когда феодалы давали обязательство не брать налоги за несколько лет вперед, уменьшали сумму платежа и т. д. Но при первой же возможности феодалы нарушали вынужденные у них обещания, расправлялись с бунтовщиками и усиливали гнет. Иногда, конечно, бывали случаи, когда феодал соглашался удовлетворить требования повстанцев при условии, если они выдадут зачинщиков выступления. Феодальный кодекс требовал беспрекословного подчинения простого народа самураям. Даже обращение с петицией к вышестоящему феодалу с жалобой на своего хозяина каралось смертью. Требуя выдачи зачинщиков крестьянского выступления, феодалы добивались тем самым не только внесения разлада в стан мятежников, лишения их руководства, но и восстановления престижа феодальной власти, поправленного самим фактом крестьянского протеста. Нередки были случаи, когда крестьяне с согласия или даже по требованию своих руководителей вылавливали их самураям на суд и расправу, удовлетворившись обещанием феодалов улучшить общую тяжелую судьбу крестьян. С руководителями крестьянских выступлений феодалы расправлялись с чрезвычайной жестокостью. Распространенной казнью в таких случаях было распятие, причем перед распятием руководителя восстания на его глазах умерщвлялись все члены его семьи.

Против феодалов или ростовщиков выступало все крестьянство, включая и верхушечный слой богатых крестьян. Будучи несколько культурнее этой основной массы, богатые крестьяне нередко даже возглавляли выступления против гнета феодалов и в особенности, против откупщиков — владельцев определенной монополии. Это вполне понятно, ибо феодальные торговые монополии, находящиеся в руках откупщиков, суживали и без того скудные возможности экономической инициативы для богатых крестьян, закрывая для них рынок. Поэтому в требованиях крестьянских повстанцев токугавского периода часто можно найти лозунги «свобода торговли» и «право свободного выбора сельскохозяйственных культур». В тех районах, где существовала, например, бумажная монополия, все крестьяне обязаны были сдавать свою издольную продукцию бумаги специальным приказчикам монополии. Многие стремились при этом утаить хотя бы часть продукции, чтобы затем самостоятельно продать ее на рынке. Откупщик содержал специальный кадр сыщиков, которые выслеживали, кто из крестьян продает на стороне бумагу, и, пользуясь своими неограниченными правами, дарованными феодалом, жестоко расправлялись с пойманными.

Крестьяне, попадавшие в лапы ростовщиков и откупщиков, лишались не только земли и имущества. Характерно, что многие существующие и до сих пор публичные дома, особенно в крупных городах, имеющие «прославленные» феодальные традиции, возникли именно в этот период как особая отрасль монопольных торговых «заведений», живой товар для которых вербовался из числа крестьянских девушек, насильственно забиравшихся в погашение невыплаченных долгов. В описаниях отдельных крестьянских восстаний, происходивших в начале XVIII в., можно найти упоминание о том, что восставшие убивали агентов монополий, сжигали феодальные замки, разрушали купеческие конторы и склады, громили публичные дома и освобождали заключенных в них крестьянских девушек.

В XVIII в. особое распространение имели, наряду с чисто крестьянскими восстаниями и, разумеется, в тесной связи с ними, выступления городского плебса: ремесленников, мелких служащих, париев и т. д. Иногда к подобным выступлениям присоединялось и безземельное мелкое самурайство — ронины, переполнявшие токугавские города. В отличие от крестьянских восстаний, носивших название икки или доикки, городские мятежи назывались ути-коваси.

Городские выступления чаще всего вызывались недовольством городского населения теми вздутыми монопольными ценами на рис и прочие продукты первой необходимости, которые произвольно устанавливали купцы, захватившие предварительно большую часть рисового урожая в свои руки по умеренным или низким ценам. Ути-коваси именуются поэтому иногда «рисовыми бунтами». Восставшие громили дома богатых купцов, напали на резиденции правительственных чиновников или доверенных местного даймьо, захватывали рисовые склады и раздавали рисовые запасы голодному народу. Характерно, что во время городских бунтов часто выставлялись широкие политические лозунги, направленные против феодального режима в целом.

Правительство Токугава было чрезвычайно обеспокоено крестьянскими и городскими выступлениями. Бакуфу понимало, что невозможно ограничиваться одними репрессиями по отношению к восставшим, однако итти на какие-либо коренные реформы оно не могло. Только в крайних случаях, при выявлении особо вопиющих преступлений со стороны феодалов, являвшихся причиной крестьянских выступлений, бакуфу решалось на перемещение наиболее скомпрометированных даймьо из их владений в другие провинции. Подобное перемещение не исключало, разумеется, а, наоборот, предполагало суровую расправу с восставшими крестьянами.

В городах бакуфу пыталось приостановить спекуляцию рисом и осуществляло более строгое регулирование рисовых цен. Многие японские историки, рисуящие экономическое развитие Японии в эпоху Токугава, склонны даже переоценивать значение постоянных законодательных и административных мероприятий правитель-

ства, направленных к выравниванию рисовых цен. Результаты «рисовой политики» Токугава далеко не всегда были благоприятны для правительства. При этом нужно учитывать, что часть феодалов была сама непосредственно заинтересована в высоких рисовых ценах, равно как и правительство, прибегавшее постоянно к помощи купцов-оптовиков для урегулирования собственных фондовых операций.

Наряду с основной опасностью для токугавского режима, угрожавшей со стороны крестьянских восстаний, постоянно расшатывавших всю феодальную систему, немалую тревогу испытывало правительство и в связи с отдельными вспышками вооруженных выступлений и заговоров, возникавших внутри самого феодального класса. В 1651 г. был раскрыт заговор, организованный ронинами и ставивший своей ближайшей целью замену сёгунской династии Токугава другой. Заговорщики были уничтожены, но заговор обнаружил, что недовольные элементы находятся даже среди сёгунских приближенных и среди непосредственно подчиненных токугавскому дому вассалов.

В 1680 г. сёгуном стал Цунайоси, правление которого ознаменовалось временным смягчением тех жестоких административных регулирований и ограничений, которые были введены при его предшественниках. Период времени с 1688 до 1703 г., известный в японской истории под названием гэнроку, рисуется некоторыми японскими историками как эра своеобразного «либерализма» и расцвета наук и искусств под высоким покровительством сёгуна. Действительно, Цунайоси восстановил блеск и роскошь при своем дворе и всячески способствовал развитию театра и живописи. Феодальная драма «но» становится особенно популярной именно в этот период. Особое распространение получает производство всевозможных изящных безделушек, лаковых изделий и т. д. Круг охваченных этим культурным подъемом людей был, однако, чрезвычайно ограничен. Процесс обнищания крестьянства не только не приостановился, но, наоборот, стал еще более интенсивным.

Феодальные князья наперебой стремились угодить сёгуну подношением различных подарков, обладавших высокой художественной ценностью. Расплачиваться за эти подарки приходилось, разумеется, крестьянству, ибо расходы даймью неизбежно увеличивались и князья стремились компенсировать себя повышением суммы взимаемых налогов. Естественно поэтому, что нельзя говорить о какой-нибудь перемене в общем положении страны в сторону улучшения его в период гэнроку. В этот период значительно оживилась внутренняя торговля и увеличился рост торговых прибылей эдоских и осакских купцов, обслуживавших возросшие потребности правящего слоя в предметах роскоши и культуры. Заметно увеличилась в этот период и финансовая зависимость даймью от городских бапкиров, дававших займы господам-феодалам, чтобы они могли вести предписываемый модой образ жизни в столице. Поэтому торговая буржуазия с благодарностью отзывалась о правлении Цунайоси. Цунайоси покровительствовал развитию

зрелищ, и это сделало его популярным среди городского плебса. Но еще бóльшую анекдотическую «популярность» списал этот сёгун своей страстью к собакам. Будучи приверженцем одной из буддийских сект, запрещающих убивать животных, Цунайоси оказывал особое покровительство собакам, категорически запрещающая убивать их и вообще «плохо относиться» к собакам. По свидетельству современников, улицы Эдо были переполнены огромным количеством бродячих псов, чувствовавших себя чуть ли не на положении хозяев города. Немудрено, что в сознании широких слоев народа память о Цунайоси сохранилась, как о «собачьем сёгуне» (ину но сёгун).

Вредные последствия роскошествования и расточительства, которые допускало бакуфу в «блестящую» эру гэнроку, пытался ликвидировать один из последующих сёгунов, Иосимунэ. Став сёгуном в 1716 г. и пробыв на сёгунском престоле до 1744 г., Иосимунэ зарекомендовал себя дальновидным и умелым администратором, пытавшимся при помощи новых средств поддержать токугавский феодальный режим.

Наиболее прогрессивным из его мероприятий было частичное признание чужеземной европейской культуры и снятие запрета с ввоза, перевода и публикации европейских книг, за исключением сочинений религиозного и политического характера. При Иосимунэ европейская наука, в частности медицина, впервые в Японии получает возможность легального существования. Иосимунэ лично знакомился с некоторыми из прибывших в Японию голландских купцов и весьма интересовался возможностью прикладного применения европейских знаний в условиях японской действительности.

По инициативе сёгуна, было начато интенсивное сооружение ирригационных каналов. Падение урожайности, частично ввиду неоднократных стихийных бедствий, частично же из-за общего обнищания крестьянства побуждало бакуфу к изысканию выхода из положения. Иосимунэ установил целый ряд льгот для тех, кто расширит обрабатываемую земельную площадь за счет подъема целины и проведет ирригационные мероприятия.

Одновременно с этим Иосимунэ видоизменил систему «сап-кишкодай» (т. е. обязательного ежегодного паломничества даймё ко двору сёгуна). Каждый даймё должен был отныне вносить 100 коку риса с каждых 10 тыс. коку своего дохода, и в виде компенсации за этот налог срок обязательного пребывания даймё при дворе сёгуна был сокращен с одного года до 6 месяцев.

В результате поощрительной политики расширения земельной площади под рисом Иосимунэ удалось добиться некоторого увеличения валовой суммы урожая.

Это, однако, было связано с серьезным аграрным кризисом в условиях феодальной Японии. Рис резко упал в цене, и осакские спекулянты отказались кредитовать феодалов и крестьян, затрудняя этим уплату той части налогов, которая поступала в денежном выражении. Это создало дополнительные трудности для правительства, которое только что провело ликвидацию последствий той

массовой перечекалки монеты (проведенной с целью снижения в пэй доли золота и серебра), которая вошла в практику в период Цунайоси. Бакуфу пришлось прибегнуть к новому вмешательству в рисовые дела и, по распоряжению Иосимунэ, в Осака была учреждена первая в Японии рисовая биржа, находившаяся под контролем правительства. Цены на рис были кое-как стабилизваны. В связи с этим за Иосимунэ укрепилась репутация «рисового сёгуна».

В отличие от Цунайоси Иосимунэ значительно упростил придворный церемониал, добившись известной экономии. Однако и у этого «идеального» сёгуна было «большое место» — страсть к охоте. Им организовывались грандиозные охоты, в которых иногда принимали участие десятки тысяч человек.

При Иосимунэ был приведен в порядок кодекс законов, известный под названием «100 статей Кампо». Эта работа была окончательно завершена в 1742 г., причем, по феодальной традиции, законы не были опубликованы, а разосланы только судьям и чиновникам в целях практического руководства. Их содержание почти целиком соответствовало тому, что теперь называется «уголовным кодексом». Все основные принципы токугавского режима и, в первую очередь, неизбежность дворянских привилегий получили в «Кампо» дополнительное подтверждение.

Иосимунэ был последним выдающимся сёгуном из фамилии Токугава. Его преемники все были по большей части беспомощными, а часто даже равнодушными наблюдателями медленно протекавшего процесса крушения токугавского режима.

Иосимунэ в 1744 г. передал сёгунскую власть своему сыну и в 1751 г. умер.

Со смертью Иосимунэ вся его политика сравнительной экономии и «исправления» феодальных нравов пошла прахом. Ближайший наследник Иосимунэ вернул сёгунскому двору прежнюю роскошь и внешний блеск. Чрезвычайные размеры припяти подкупы и фаворитизм при дворе. Все это резко отрицательно отразилось на правительственных ресурсах. Когда Япония внезапно очутилась под ударами следовавших одно за другим стихийных бедствий (период с 1781 по 1789 г.), сёгунат оказался совершенно бессилем хотя бы в какой-нибудь степени ослабить разрушительный эффект постигших население несчастий. Вслед за сильными землетрясениями, которые сопровождались вулканическими извержениями, на рисовые поля обрушилась небывалая засуха. В результате голода и эпидемий по всей Японии погибло свыше 1 млн. человек, что составляло около 4% всего населения страны.

Конец восьмидесятых годов XVIII в. был отмечен грозной для феодального режима волной крестьянских восстаний, занесенных в официальные токугавские хроники под названием «голодных бунтов».

В 1786 г. сёгуном стал несовершеннолетний Иэлари, и с этого момента вплоть до 1793 г. регентом и фактическим правителем был Мацудайра Садапобу, находившийся в близком родстве с домом Токугава. Мацудайра был одним из выдающихся представителей

японского дворянства. Мацудайра снова пытался добиться лучшей организованности и внутренней дисциплины среди самурайства. Он восстановил запрещение роскоши и расточительства для дворянства, так же как и для торговой буржуазии. Он пытался ввести в действие драконовские меры, направленные против взяточничества. Для сокращения расходов Мацудайра значительно уменьшил средства, отпускавшиеся на содержание императорского двора в Киото. Хотя это мероприятие было использовано оппозиционными анитокугавскими элементами для того, чтобы дискредитировать чересчур «забывшийся» сёгунат, но оно позволило правительству временно поправить свои финансовые дела. Не ограничиваясь этим, Мацудайра категорически запретил расходование всяких драгоценных металлов (главным образом, золота и серебра) на всякие непроезжие нужды и на изготовление украшений и предметов роскоши в особенности.

Чтобы спасти самураев от полного экономического истощения, Мацудайра решился на применение меры, которая прибегалась феодальным правительством на самый крайний случай. Правительство, во-первых, освободило самураев сёгуната, т. е. хатамото, от необходимости уплаты по всем тем долговым обязательствам, которые превыщали шестилетнюю давность, и во-вторых, значительно снизило обязательный процент уплаты по всем остальным долгам. Эта мера до известной степени и только на короткое время спасла положение, но одновременно она усилила недовольство торгово-ростовщической буржуазии. Характерно, что буржуазные элементы, недовольные ударившей их по карману политикой Мацудайра, поспешили установить своеобразный блок на «идеологической» основе с теми дворянскими кругами, которые недовольны на правительство за сокращение доходов императорского двора в Киото.

Следует указать, что японская торговая буржуазия с течением времени все чаще выражала свое раздражение и недовольство постоянными колебаниями экономической политики сёгуната (в особенности, такими мероприятиями, как аннулирование долговых обязательств), грубым вмешательством токугавских чиновников в сферу торговли и производства и, наконец, своим полным политическим бесправием.

Между тем роль буржуазии в этот период возрастает еще в связи с тем, что она выступает организатором промышленного производства в виде мануфактур. В токугавских городах мануфактура довольно давно уже занимала прочные позиции в соеваренной и винокуренной отраслях производства. Несколько позднее появились текстильные мануфактуры (ткацкие и прядильные), красильные и гончарные. Ткацкие мануфактуры имели большое развитие в провинции Этидзэн. В Кагосима широко было развито производство сахара. В большинстве мануфактур работали наемные рабочие. В провинции Кумamoto на шелкоткацких мануфактурах работало по 20—30 женщин. Рост экономической силы и влияния крупной торговой буржуазии все чаще вступал в конфликт с ее

полным отстранением от политического руководства, с прямым запретом участвовать во всякой государственной деятельности. Богатые купцы, монополисты, владельцы мануфактур вздыхали о «равноправии» и об ослаблении режима феодальных регламентаций, стеснявших предпринимательскую инициативу.

«Идеологическая» оппозиция токугавскому режиму возникла еще значительно раньше. Она выросла первоначально целиком на феодальной почве. Обиженные токугавской диктатурой, феодальные князья, в особенности тодзама-даймьо, объединились на «исторической» платформе, стремясь изобразить себя защитниками императорской власти, узурпированной сёгунами. Еще в 1660 г. один из дальних родичей дома Токугава, представитель токугавской ветви князей Мито, Мицукуни, вместе с группой своих единомышленников закончил составление обширного труда «Дайни-хонси» (История великой Японии), в котором, доводя рассказ об историческом прошлом страны с момента ее «основания» до 1413 г., пространно обосновывал нерушимость японского государственного строя, во главе которого якобы всегда стояли и должны стоять божественные императорские потомки. Эта огромная книга представляла систематизированное собрание основных мифов, легендарных и полубогатических повествований, исторических хроник, составлявших в сумме законченный обвинительный акт против сёгуната, посягнувшего на «священные традиции» японской истории. Вместе с тем Мито Мицукуни и его друзья объявили поход против иноземных влияний, получивших в Японии распространение ввиду «забвения» ее истории. Злейших врагов национальной японской культуры они видели в буддизме и особенно в конфуцианстве, которое пользовалось поддержкой сёгуната.

Правда, историческая объективность должна была бы побудить их признать, что период расцвета буддизма в Японии был тесно связан как раз с судьбами императорского дома, но в данном случае, как и во многих других, «историческая школа Мито» не считалась с фактами. Она усиленно напирала на историю происхождения императорской власти, переплетающуюся с синтоистскими мифами. И этого было достаточно для того, чтобы провозгласить синто, т. е. религию обожествления императорского дома, единственной допустимой в японских условиях религией.

Все это, и в особенности враждебное отношение к синто со стороны сёгуната, побудило «историческую школу» ревностно насаждать это вероучение и искоренять буддизм. Мито подал личный пример этому, уничтожив в своем уделе около тысячи буддийских храмов. Сёгунские власти предприняли репрессивные меры для прекращения подобных действий. Однако школа Мито имела большое количество последователей, которые настойчиво пропагандировали необходимость возврата к «исконным» японским идеям, разыскивали и распространяли старинные легенды и предания, восхвалявшие национальных японских богов и императоров.

Два крупнейших представителя «исторической школы» — Камо Мабутси (1697—1769 гг.) и, в особенности, современник Мацудайра,

Мотоори Норинага (1730—1801 гг.), подготовили идейную почву для нового антисёгунского брожения среди самурайской интеллигенции, издав древнейший историко-литературный памятник «Кодзика» — основной источник для изучения японской мифологии — и снабдив его соответствующими комментариями. Публикация этой работы способствовала дальнейшему оживлению движения за возрождение сиптоизма. Сиптоизм стал в центре антиправительственной агитации. Это объяснялось, конечно, тем, что в религиозной оболочке антисёгунская пропаганда имела больше шансов на безопасное распространение, чем в какой бы то ни было другой. Мотоори и его сподвижник Хирота (1778—1843 гг.) проявляли огромную активность, умело используя тяжелое материальное положение крестьянских масс, недовольство самурайства, оппозиционные настроения среди торговой буржуазии. Правительству Мацудаёра было поставлено в вину даже его мнимое стремление к сотрудничеству с иностранцами и к «открытию» Японии.

В действительности, и Мацудаёра и сменивший его на руководящем посту при сёгуне Мидзуно были крайне озабочены ощущением собственной слабости перед лицом возможной внешней опасности. Они надеялись кое-как справиться с разрозненными крестьянскими восстаниями, с интригами со стороны тодзамадаймё, они могли рассчитывать обуздать городскую бедноту, хотя и поддерживаемую исподтишка нарождающейся буржуазией, но они прекрасно понимали, что все эти задачи станут совершенно невыполнимыми, если токугавская Япония столкнется еще с мощным внешним противником.

Между тем угроза подобного столкновения с каждым годом становилась все более реальной. Уже сёгун Иосимунэ отчасти был вынужден легализовать изучение некоторых европейских наук, имеющих прикладное значение, отчетливо сознавая, что ненавистные иностранцы превосходят японцев не только качеством своих пушек, но и знанием медицины, математики, техники и т. д. Сёгунское правительство смертельно боялось того, что эта чуждая и сильная цивилизация рано или поздно появится у берегов Японии и силой заставит признать свое превосходство. А одного этого будет вполне достаточно для того, чтобы нанести смертельный удар престижу токугавского режима внутри страны и дать коалиции внутренних противников сёгуната возможность для решительного выступления против правительства.

Европейская культура проникала в Японию почти исключительно через единственную имевшуюся отдушину — через посредство голландских купцов. Уже Иосимунэ официально разрешил изучение голландского языка тем японцам, которые специализировались в области изучения медицины. Самурайская интеллигенция и даже явно «разночинные» элементы, более непосредственно связанные с интересами города и городских буржуа, под предлогом интереса к медицине ревностно изучали голландские книги по технике, математике и т. д. Колоссальное впечатление производили даже обыкновенные голландские учебники географии, кото-

рые буквально революционным образом воздействовали на сознание обитателей замкнутой токугавской Японии. Перед японскими читателями открывались новые неведомые миры, которые одним фактом своего существования ставили под сомнение справедливость и резонантность старых привычных норм и представлений. Известны случаи побегов отдельных молодых японцев за границу при посредстве приезжих иностранных купцов. В большинстве случаев попытки этих побегов оканчивались неудачей и приводили к смертной казни виновных. Это объяснялось почти всегда предательством голландских купцов, которые настолько дорожили завоеванными ими монопольными торговыми позициями в Японии, что всячески стремились проявить свою лояльность по отношению к сёгунским властям и охотно выдавали беглецов.

Тем не менее, несмотря на всевозможные рогатки, европейская культура проникала в определенные слои японского общества. Широкую известность получил, например, японский врач Сугита Фусай, сумевший подняться на уровень современной ему европейской медицинской науки и написавший книгу (на основании европейских источников) о человеческом организме (1780 г.). Чтобы избежать репрессий, автор преподнес свою книгу сёгуну, снабдив ее униженным обращением с просьбой о милости. Но лишь значительно позднее, в 1838 г., правительство разрешило организацию первой медицинской школы в Осака, целиком уже основанной на изучении европейской науки.

Мацудайра Саданобу лично крайне интересовался вопросами европейской военной техники. Его правительство было чрезвычайно озабочено донесениями о большой активности русских соседей Японии, в особенности на острове Сахалине и в зоне Курильских островов. Как курьез заслуживает быть отмеченным тот факт, что в бюрократических инстанциях сёгуната в этот период серьезно обсуждался вопрос о возможности организации карательного похода против России в «превентивных» целях. В этот период были начаты крупные работы по сооружению укреплений при входе в бухту Эдо. Работы эти велись, однако, чрезвычайно медленно и, во всяком случае, абсолютно не гарантировали безопасность столицы.

В 1791 и 1792 гг. русские и американские корабли сделали повторные попытки завязать сношения с местными японскими властями. Но в точном согласии с инструкциями из центра эти власти отказались от всяких разговоров. В 1797 г. американский корабль «Элиза» вошел в порт Нагасаки и неожиданно получил разрешение на производство товарообмена. Однако это разрешение было дано ему как «голландскому кораблю» в результате невольной или умышленной ошибки японской администрации.

Однако этот инцидент не означал еще какого-либо перелома в общем изоляционистском курсе токугавских властей. Бакуфу еще раз подтвердило, что встречать иностранцев следует по возможности с оружием в руках и, во всяком случае, не вступать с ними

в сношения. Этот курс нашел свое применение к нескольким русским и американским китобойным судам.

В 1804 г. Россия снова потерпела неудачу в своей попытке завязать переговоры. В 1808 г. огромный переполох в Эдо вызвала весть о том, что в Нагасаки прибыл английский военный корабль «Фаэтон», явившийся туда под предлогом преследования голландских судов (в это время происходила война между Англией и Голландией). На этот раз все обошлось для сёгуната вполне благополучно. Но визиты иностранных судов все учащались. В 1824 г. экипаж английского китобойного судна высадился на южном берегу острова Кюсю, возле Кагосима, и совершил ряд насилий по отношению к местному японскому населению. Это побудило сёгунат в 1825 г. снова, чуть ли не в десятый раз, подтвердить свои самые строгие указания о необходимости недопущения иностранцев на японскую территорию. Однако само правительство признавало, что одними указами никого запугать нельзя. Все чаще в столицу поступали доносы от мэцукэ и других чиновников о том, что местные князья пытаются контрабандным путем установить торговые связи с прибывающими иностранными, главным образом, американскими судами. Это тревожило сёгунат еще больше, чем угроза иностранного нашествия.

В 1837 г. американский корабль «Моррисон» был обстрелян японскими батареями в бухте Урага и принужден удалиться.

В то же время внутривластная напряженная обстановка в токугавской Японии не показывала никаких признаков разрядки. Напротив, тридцатые годы XIX в. снова ознаменовались обширными антифеодальными выступлениями как со стороны крестьянства, так и в городах. Неурожай 1832 г. опять усилил голод и эпидемии. Крестьянство с оружием в руках восстало в провинциях Мусаси, Мино, Кодзукэ, Каи и Симоцукэ. Пользуясь тем, что обычный приток риса в города значительно сократился, купцы взвинтили цены. Недостаток риса на рынках и высокие цены возбуждали возмущение городских низов и мелкого самурайства, которое прикупало рис в дополнение к получаемому им жалованью (рисом) от сёгуна.

В 1837 г. в Осака произошло антиправительственное выступление, связанное с именем Осие Хэйхатино. Осие занимал должность начальника городской стражи, и следовательно, сам был самураем. Но тяжелое материальное положение самурайства толкало определенный слой его на оппозиционные действия. Когда вокруг Осака свирепствовал голод, а в самом городе крупные оптовые торговцы, пользовавшиеся покровительством сёгуната, взвинтили цены на рис, Осие обратился к своему непосредственному начальнику — сёгунскому правителю города — с требованием положить конец спекуляции и обуздать городских тузов. Тот отказался что-либо предпринять, сославшись на отсутствие указаний со стороны Эдо. Тогда Осие демонстративно распродал свое личное имущество, на вырученные таким путем деньги купил рис и раздал его городской бедноте, а затем с группой единомыш-

ленников стал готовиться к вооруженному мятежу с целью расправы с «хозяевами города».

Из воззвания, составленного Осие и обращенного к народу, явствовало, что им ставились по существу более широкие задачи, чем только раздача нуждающимся рисовых запасов богатых купцов. Он резко нападал на весь феодальный режим и выражал сочувствие бедствующему крестьянству. Это было весьма симптоматично для настроений низших слоев самурайства. Восстание Осие было преждевременно раскрыто вследствие предательства, и к моменту самого выступления правительство сумело подготовить надежные воинские части, чтобы быстро справиться с положением. Сам Осие и его друзья погибли в схватке, но им удалось все же осуществить ряд крупных поджогов в городе, объектами которых являлись богатые кварталы и дома, принадлежавшие самым ненавистным фамилиям оптовиков-рисоторговцев. Любопытно, что были сожжены, в частности, дома Мицуи и Коноикэ — двух мощных торговых фирм, начавших в этот период заниматься уже и промышленной и банковской деятельностью в необычно широких для феодальной Японии масштабах. Как известно, дом Мицуи, возникший в недрах феодальной Японии, развился впоследствии в самый мощный монополистический концерн современной империалистической Японии.

Восстание Осие не было единичным. Выступления против крупной торгово-ростовщической буржуазии, находившейся под специальной защитой сёгуната, пронеслись по всей стране, будучи естественным дополнением крестьянских выступлений, направленных более непосредственно против класса феодалов.

Это привело к тому, что отмененные были реформы Мацудайра Саданобу, задевавшие интересы буржуазии, были снова пущены в ход, чтобы разрядить общественное недовольство действиями спекулянтов.

Мидзуно, правивший страной по поручению безвольного сёгуна Иэнари, в страхе перед угрозой объединенного выступления низших звеньев самурайства и крестьян рискнул пойти даже на такую крайнюю меру, как запрещение купеческих гильдий и лишение оптовых торговцев целого ряда старинных их привилегий. Через несколько лет, однако, обнаружилось, что это грозит финансовым банкротством бакуфу, и все прежние льготы торговой буржуазии были в полном объеме восстановлены.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 1868 г. И БУРЖУАЗНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

В условиях жесточайшего внутреннего кризиса всей феодальной системы нажим извне — со стороны капиталистического мира — продолжал усиливаться. Сороковые годы XIX в. отличались энергичной колониально-захватнической активностью Англии в Китае.

Бурно развивавшийся американский капитализм также проявлял в этот период повышенный интерес к Китаю и был весьма заинтересован в получении опорных баз на длинном пути от Америки к возможным китайским рынкам. На северо-западе нависала угроза со стороны царской России. Подавленный постоянно поступающими новыми сведениями о приближении иностранных кораблей, Мидзуно в 1843 г. рассылает местным властям новую инструкцию, предлагающую им остерегаться враждебных действий по отношению к иностранным судам, в особенности таких, которые могут спровоцировать военные столкновения. Согласно этой инструкции, местные сёгунские власти получали право снабжать иностранные корабли провизией и топливом. Но вместе с тем всякие предложения относительно установления торговых отношений с иностранцами следовало попрежнему решительно отвергать. Это было, разумеется, шагом вперед по сравнению с прошлым курсом.

Одновременно Мидзуно обратился к голландским резидентам на острове Дэсима с просьбой снабжать его информацией о всех новинках европейской культуры, присылать в Эдо модели машин, экземпляры книг и газет. Моральное поражение традиционной политики «изоляции Японии» было на этот раз настолько очевидным, что даже сами голландцы, извлекавшие барыши из своего монопольного положения, стали советовать сёгуну «открыть» Японию.

Через купцов было передано письмо от голландского короля, в котором он рекомендовал Японии вступить в общение с другими народами. Но этот факт вызвал огромное возбуждение в Эдо, и после долгих раздумий в 1845 г. голландцам был вручен краткий ответ с просьбой «прекратить переписку».

В том же, 1845-м, году американский конгресс «уполномочил» президента установить торговые сношения с Японией. Была снаряжена специальная экспедиция, состоявшая из двух кораблей, под командованием коммодора Бидля, которая в 1845 г. направилась к берегам Японии. Коммодор Бидль имел строгую инструкцию добиться переговоров мирными средствами и не возбуждать враждебности у японцев необдуманными действиями. Эта попытка не дала, однако, никаких действительных результатов. Простояв около 10 дней в бухте Урага, Бидль убедился в безуспешности своей миссии и вернулся в Соединенные штаты.

8 июля 1853 г. в бухту Эдо вошел новый посланец капиталистической Америки — коммодор Пэрри. В отличие от предыдущих визитов американцев это посещение носило характер явной военной демонстрации. Пэрри пришел в Японию во главе четырех военных кораблей с экипажем в 560 человек; его корабли были хорошо вооружены артиллерией, и жерла пушек были выходяще направлены на берег. Пэрри привез письмо от имени президента Фильмора, подарки (всевозможные модели машин, различные мелкие механизмы, которые демонстрировали техническое превосходство Америки) и предупредительно заявил чиновникам сёгуна, что он не торопит их с ответом. Он сообщил растерявшимся япон-

цам, что снимается с якоря и уходит в Китай, но с тем, чтобы в следующем году весной вернуться в Эдо за ответом. Действительно, через 10 дней корабли Пэрри покинули бухту.

В японских правительственных феодальных кругах этот визит вызвал настоящую панику. Наиболее непримиримые сторонники изоляции требовали решительных военных мер для того, чтобы не допустить повторения подобного «позора», когда иностранные пушки направляются в сторону столицы. Во всех храмах Исэ были организованы специальные моления богам о ниспослании на варваров тех же стихийных сил, которые уже однажды спасли Японию от вражеского нашествия Кубилай хана. Голландцы были приглашены в Эдо для консультации относительно мер обороны Японии против американского военного флота.

Однако по мере приближения срока дачи ответа на письмо Фильмора, составленное в весьма вежливой, но вместе с тем категорической форме, в бакуфу побеждали сторонники более трезвых взглядов, считавшие невозможным какое-либо эффективное сопротивление американцам.

В начале декабря 1853 г. правительство сёгуна решило попытаться затянуть окопательный ответ на американское письмо, вступив в длительные переговоры с пришельцами. При этом было решено избегать всяких осложнений и угроз и встретить американцев с подчеркнутым миролюбием. Возвращение Пэрри из Китая было еще эффективнее, чем первое его появление в Японии. Коммодор прибыл в феврале 1854 г. в японские воды с целым флотом, во главе 10 военных кораблей с экипажем общей численностью в 2 тыс. человек. Для всех в Японии стало очевидно, что Америка всерьез «заинтересовалась» Японией и всякая дальнейшая проволочка в переговорах сможет привести к весьма плачевным результатам.

Начались переговоры, в результате которых через 6 недель был подписан первый японо-американский торговый договор 1854 г. По этому договору, между обеими странами устанавливаются постоянные дружественные отношения: два японских порта — Симода на полуострове Идзу и Хакодате на острове Хоккайдо — открываются для иностранной торговли, в Симода учреждается американское консульство, американские суда приобретают право закупать топливо и провиант в Японии, потерпевшие кораблекрушение у японских берегов американские моряки должны получить необходимую помощь.

Сёгун Иэсада, подписавший этот договор, стал объектом ожесточенных нападок со стороны всех представителей разнородной оппозиции: и со стороны недовольных феодальных даймё, и со стороны китоской дворянской знати, и даже со стороны части буржуазных элементов, опасавшихся иностранной торговли. Вся эта оппозиция использовала факт подписания договора с иностранцами для обвинения сёгуна в слабости, в предательстве национальных интересов и т. п.

Необходимо отметить, что еще до возвращения Пэрри из Китая

за ответом на письмо президента правительство бакуфу нарушило свои традиции и само запросило мнение крупнейших тодзама-даймьо и императорского двора в Киото относительно того, как следует поступить в отношении дерзких притязаний иноземных варваров, т. е. вступать ли в сношения с заграницей или нет. Этот запрос был тактической ошибкой сёгуната, который продемонстрировал тем самым перед всеми свою беспомощность. Подобная ошибка дала дополнительный шанс на победу в борьбе тем элементам, которые пытались играть на противопоставлении сёгуната императору и распространяли идеи «исторической школы», внушавшей необходимость «возвращения» императору всей полноты государственного руководства. Достаточно напомнить строжайшие предписания первого сёгуна династии Токугава, Иэясу, категорически запрещающего вмешивать особу императора в политику, чтобы понять рискованность допущенного правительством шага, создававшего опасный прецедент, которым по сути дела узаконялось состояние двоевластия в стране. Все оппозиционные круги немедленно сделали надлежащий вывод из этой ошибки и стали группироваться вокруг императорского двора в Киото. Стали распространяться слухи, что император решительно противится капитуляции перед «варварами» и что сёгун должен быть наказан за свой безумный проступок.

Основная сила, боровшаяся против феодального гнета, — крестьянство, — стояла в стороне от развернувшейся борьбы. В данном случае речь шла исключительно о внутренней борьбе в лагере господствовавшего феодального класса.

Буржуазия, слабая в политическом отношении и связанная многочисленными и теснейшими узами с феодальным строем, раскололась в вопросе о том, кого поддерживать: сёгуна ли и его вынужденную политику уступок иностранцам или императорский двор, рядившийся в ревностного защитника консервативных начал. Часть купцов, получавшая прямые барыши от иностранной торговли в Симода и Хакодате, превратилась в восторженных поборников правительственной политики и пыталась даже по мере своих сил оказывать на бакуфу давление в пользу дальнейшего расширения объема внешней торговли. Нужно, однако, сказать, что этот компрадорский слой торговой буржуазии был количественно весьма невелик в токугавской Японии. Большая часть старинных торговых фирм, успевших к этому времени развернуть уже и кое-какую промышленную деятельность, отнеслась к происшедшим событиям без всякого энтузиазма или даже с неудовольствием. Это объяснялось несколькими причинами: во-первых, торговцы-монополисты (огромное распространение торговых монополий в феодальной Японии было характерной чертой ее экономики) опасались того, что с развитием иностранной торговли их монопольные позиции на рынке будут нанесен решительный удар; во-вторых, богатые японские банкирские дома опасались, что будет поколеблена финансовая основа их влияния и на князей и на самого сёгуна, которые смогут впредь опираться на иностранцев, на таможенные доходы и т. п. ;

в-третьих, нарождавшаяся промышленная буржуазия опасалась, что проникновение иностранных изделий убьет слабенькую японскую мануфактуру, и, наконец, в-четвертых, существовал определенный слой дальновидных и прогрессивных буржуа, которые опасались, что само по себе положительное явление — прекращение изоляции Японии от внешнего мира, — будучи проведено руками негодного феодального государственного аппарата, временно укрепит этот аппарат и тем самым задержит еще на известное время наступление краха всего феодального режима.

Что же касается оппозиционного мелкого самурайства, или, иначе говоря, неимущих дворян, то оно в такой мере было во власти антисёгунских чувств, что уже в силу одних этих настроений в подавляющем большинстве жестоко критиковало правительство за его уступки иностранцам.

Эти довольно широко распространенные настроения недовольства усугублялись еще тем, что вслед за Америкой аналогичные требования к Японии предъявили царская Россия и Англия, а через короткий промежуток времени Франция и Голландия. Но и этим дело еще не ограничилось.

Прибывший в 1856 г. в Симода первый генеральный консул США в Японии Таунсэнд Гаррис стал энергично добиваться расширения привилегий для американских граждан. При этом он весьма красноречиво указал японцам, что они могут на примере соседнего Китая легко убедиться, к чему способно привести «невнимание» к интересам «цивилизации». Как раз в это время в Китае происходила вооруженная интервенция, организованная Англией и Францией (1856—1857 гг.) и сопровождавшаяся жестокой расправой со стороны колонизаторов над китайским населением. Вполне естественно, что в таких условиях аргументация Гарриса показалась достаточно убедительной, и в 1858 г. Япония подписала серию торговых договоров с США, Голландией, Россией, Англией и Францией, согласно которым иностранцы приобретали права экстерриториальности, Япония открывала дополнительно порты: Иокогама, Нингата, Кобэ и Нагасаки, Япония теряла право повышать таможенный тариф, который устанавливался в соответствии с требованиями иностранного капитала. Согласно этим требованиям, вывоз из Японии облагался 5-процентной пошлиной, ввоз — в зависимости от категории товара, но максимальное обложение было установлено в размере 35%, а минимальное — 5% стоимости товара.

Непосредственным результатом подписания этих неравноправных договоров, ставивших Японию по существу в положение полузависимой страны, было усиление внутреннего кризиса феодального режима. В Японию в большом количестве стали проникать иностранные товары, которые, хотя и не находили достаточно емкого рынка сбыта (японское крестьянство не могло быть покупателем этих товаров, несмотря на их относительную дешевизну), но все же больно ударили по японскому промышленному производству — по ремеслу и мануфактуре. Началась интенсив-

ная выкачка золота и серебра из Японии. Бакуфу стремилось выйти из тяжелого положения систематической перечеканкой монеты, снижая содержание в ней золота и серебра. Но эта мера способствовала лишь нарастанию общего недовольства и непопулярности сёгуната, так как была связана с резкими колебаниями цен на предметы первой необходимости, с общим вздорожанием жизни.

В 1857 г. фактическим руководителем сёгунского правительства стал Ии Наоскэ, феодал из среды преданных Токугава князей, славившийся сильным характером и готовностью решительно бороться с противниками бакуфу. Формально возглавив правительство, Ии принял титул «тайро» и первый из сёгунских деятелей стал на путь последовательного проведения сотрудничества с иностранцами. Его план заключался в том, чтобы, используя иностранцев, попытаться усилить государственную власть бакуфу. При этом никаких глубоких реформ, никакой ломки установившихся феодальных отношений Ии не намечал. Он стремился усилить бакуфу исключительно путем заимствования минимума европейско-американской цивилизации и, в первую очередь, военной техники, нужной для отпора его внутренним и внешним противникам. Ии взял на себя ответственность за подписание неравноправных договоров, считая, что в тех условиях, в которых находилась токугавская Япония, другая политика была невозможна. Попытки некоторых феодальных князей и самурайства организовать демонстрации против иностранцев были решительно подавлены.

Болезнь сёгуна, не имевшего прямых наследников, поставила вопрос о его преемнике. Ии Наоскэ стал настойчиво проводить своего кандидата, Токугава Иэмоти из дома Кии. Оппозиционные феодальные князья стремились провести Токугава Кэйки из дома Мито. Ии Наоскэ одержал победу и провел «своего» сёгуна, после чего стал еще решительнее расправляться со своими противниками. Это побудило недовольных подготовить вооруженное свержение сёгунского правительства. Оппозиционные даймё серьезно рассчитывали на поддержку части крупной торговой буржуазии и масс безработного самурайства. Свыше 10 феодальных князей оказались активными участниками заговора, подготовившими войска для похода на Эдо. Они установили связь с императорским двором в Киото, где император Кумэй, отличавшийся гораздо большей политической активностью, чем его предшественники, обещал санкционировать устранение сёгуна и его ненавистного мипистра. Центром заговора был дом Мито, который, по старой традиции, считался представителем лоялистских тенденций в отношении императорской власти (хотя дом Мито и находился в родственных отношениях с династией Токугава). В конце 1858 г. Ии Наоскэ получил сведения о подготовке похода и, не дожидаясь высгупления князей, сам двинулся против них, воспользовавшись тем, что они не успели еще объединить свои силы. Антисёгунская оппозиция была разгромлена, и репрессиям подверглось даже окружение императора в Киото. В 1859 г. Ии Наоскэ восстановил строгие правила изоляции императора от всякой по-

литики, предписанные еще во времена Иэясу. Однако Ии не успел приступить к реализации своего плана частичной европеизации Японии на феодальных основах. В 1860 г. он был убит подосланным убийцей — роином из княжества Мито.

Смерть Ии Наоскэ снова поколебала укрепившееся было положение сёгуната. Лишившись энергичного руководителя, бакуфу снова стало проявлять признаки нерешительности и готовности к компромиссу с тодзама, группировавшимися вокруг двора в Киото. Иностранная политика Ии была особенно непопулярна среди самурайства. Поэтому правительство, стремясь вернуть себе расположение самураев, стало вести двуличную политику по отношению к иностранцам. Внешне бакуфу продолжало соблюдать заключенные договоры, принимало иностранных дипломатов и консулов и выполняло все свои обещания, данные еще при Ии Наоскэ. Но втихомолку сёгун распространял слухи о том, что необходимо готовиться к решительному отпору иностранцам и что сигнал к этому отпору будет дан самим правительством. Этим путем сёгунат пытался выбить главный козырь из рук так пазываемой «императорской партии», приобретавшей в стране популярность благодаря своей непримиримости к иностранцам.

Чтобы закрепить наметившийся между сёгуном и «императорской партией» на «аптинностранной» основе компромисс (действительной причиной его следует признать относительную слабость обеих соперничающих феодальных групп и неподготовленность каждой из них к открытому выступлению ради установления полноты собственной власти), сёгун в 1862 г. вступил в брак с сестрой императора Комэйи. Вскоре сёгун сделал еще более сенсационный шаг для демонстрации примирения Эдо и Киото: он лично направился в Киото, прожил там в гостях у императора около 3 месяцев и заключил с ним формальное соглашение о том, что правительство призовет всех своих вассалов (и фудай и тодзама) к немедленной подготовке мероприятий, необходимых для изгнания «варваров».

Этим соглашением сёгунат фактически признал свое полное политическое банкротство. Он не только подорвал свое положение, признав за императором реальную политическую силу, но и, по сути дела, осудил свою собственную политику допущения договорных отношений с иностранцами, поручив князьям, т. е. своим соперникам и недоброжелателям, организовать вооруженные силы для отпора внешнему противнику.

Уже в 1862 г. один из богатейших князей-тодзама, Симадзу, владения которого были расположены на самом юге острова Кюсю (княжество Сацума) и который поэтому обладал сравнительно большей независимостью от Эдо, чем остальные феодалы, появился в Киото во главе своих войск и всем своим поведением там дал понять, что он не считает себя впрямь обязанным подчиниться сёгуну. Войдя в контакт с императором и его окружением, князь Симадзу настоял на формальной отмене целого ряда стеснительных правил для феодальных магнатов, введенных Токугава во

времена их могущества. В частности, был отменен институт заложенничества для князей (обязательство членов семьи даймё проживать в сёгунской столице во время отсутствия в ней самого даймё). Самый срок обязательной явки к сёгунскому двору для князей был удлинён таким образом, что впредь им нужно было приезжать в Эдо не через год, а через три года.

Наиболее важным последствием соглашения сёгуна с императором было признание необходимости привлекать феодальных князей (независимо от их близости к токугавской династии) к обсуждению важнейших политических проблем, возникавших перед правительством.

В связи с компромиссом между сёгуном и «императорской партией» иностранцы чувствовали себя далеко не в безопасности на японской территории. Стихийные проявления враждебности к «варварам» чаще всего исходили из среды самурайства, недисциплинированного, неудовлетворенного своим материальным положением и в то же время сохранившего свою феодальную амбицию. По мере того как сёгунат после убийства Ии начал проявлять «раскаяние» в допущении иностранцев в Японию, учащались выпады самураев против иностранных резидентов. Разумеется, этому в немалой степени способствовало вызывающее поведение самих европейцев, главным образом англичан, которые своими колонизаторскими приемами и высокомерием возбуждали негодование японцев.

Когда в 1861 г. сёгунат стал добиваться некоторой отсрочки открытия так называемых «договорных портов» для иностранной торговли, Англия отнеслась к этому сравнительно терпимо, компенсировав себя зато снижением импортного таможенного тарифа до 5% ad valorem. Однако, когда стали возникать инциденты с оскорблениями англичан, стычки их с населением и т. п., тон английской политики по отношению к японцам резко изменился.

В 1862 г. произошло несколько нападений роинов на английских резидентов. Был убит англичанин Ричардсон, проявивший «неуважение» к князю Симадзу. В ответ на это Англия предъявила ультиматум бакуфу, и в августе 1863 г. английский флот бомбардировал Кагосима — центр княжества Сацума, владений Симадзу. Дважды месяцами раньше японские батареи, расположенные в проливе Симоносэки и принадлежавшие князьям Тёсю (крайняя юго-западная часть главного острова Хонсю), обстреляли иностранные суда (английские и французские), что явилось результатом самовольного и преждевременного применения упомянутой выше директивы императора и сёгуна феодальным князьям о необходимости подготовки к войне с «варварами».

По всей стране прокатился призыв к необходимости объединить все силы для борьбы с чужеземцами. Войска князя Сацума, а также войска князя Мори (Тёсю), и особенно кихейтай¹, повторно

¹ Большую самостоятельную роль в войсках Симадзу и некоторых других юго-западных феодалов играли полунаемные, полудобровольческие ополчения, называвшиеся кихейтай (отряды необычных воинов) и составленные частью из роинов, частью

грозили сёгуну неповиновением и мятежом, если не будут приняты меры к изгнанию иностранцев из Японии. В трудной обстановке сёгунат продолжает всячески лавировать. С одной стороны, он извещает о том, что отверг английский ультиматум с требованием компенсации за смерть Ричардсона, а с другой — вступает в переговоры с Францией с просьбой о посредничестве в примирении с англичанами.

Однако бакуфу в конце концов решило начать борьбу против оппозиционных феодалов, ведущих антииностранную кампанию.

В конце 1863 г. верные сёгуну войска, при помощи полученного из Франции европейского вооружения и при некоторой поддержке более умеренных сацумцев, выступают против радикально настроенных самураев Тёсю, засевших в Киото, очищают город от сторонников войны с европейцами и направляются дальше на юг против главных сил клана Тёсю.

Одновременно с продвижением против Тёсю сёгунских войск Симоносеки подверглось ожесточенной бомбардировке объединенной эскадры английских, французских, американских и голландских судов (в 1864 г.). Сёгун, продолжая военные действия против Мори, подписывает новые соглашения с иностранными державами, снижающие таможенные тарифы до 5% на ввозимые товары и разрешающие Англии и Франции содержать в Японии военные отряды для охраны миссий и резидентов. Эти охранные отряды были немедленно введены и отозваны из Японии лишь в 1875 г.

Следует отметить, что если вся первая фаза насильственного включения феодальной Японии в мировой капиталистический товарооборот происходила при решающем участии США, то в шестидесятих годах положение уже существенно изменяется; гражданская война в США на значительное время отвлекает их внимание от активной борьбы за новые дальневосточные рынки. Наоборот, на первое место выдвигается Англия. Она ревниво следит за действиями своих вероятных соперников: России, Франции и Голландии. Англия без особого труда экономическими мерами вытесняет с японского рынка голландцев. Зато англичане с некоторым беспокойством наблюдают повышенную активность на Дальнем Востоке французского правительства авантюриста Наполеона III.

Франция, установившая близкие отношения с сёгунатом, побуждает Эдо смелее посылать карательные экспедиции, чтобы окончательно погасить очаги оппозиционных (по внешности антииностранных) выступлений юго-западных и южных даймё. Французское правительство обещает сёгуну оружие и деньги за торговые привилегии.

Покуда речь идет о действительной борьбе с феодалами, «позволившими себе» выступать против иностранцев, Англия поддерживает французскую инициативу и активно участвует в борьбе

из ремесленников и крестьян. Будучи зародышем буржуазной армии, кихейтай действовали энергичнее самураев в борьбе с сёгунатом.

против Тёсю и Сацума. Однако всякое дальнейшее усиление власти сёгуна за счет местных князей, выходящее за рамки непосредственного «наказания» за оскорбление иностранцев, представляется англичанам уже невыгодным. Английский капитализм предпочитает иметь дело с раздробленной Японией или, во всяком случае, с Японией, обладающей слабой центральной властью. Поэтому английские дипломатические представители в Японии настойчиво рекомендуют Лондону установить контакт с Сацума и Тёсю. Этим достигается двойная цель: во-первых, приобретается дополнительный и важный рычаг для английского давления на правительство сёгуна в Эдо и, во-вторых, ослабляется эффективность французской политики, заинтересованной в том, чтобы через центральную власть в Японии укрепить экономические позиции Франции.

После некоторого колебания английское правительство дает на это согласие, и начинается период скрытой борьбы англичан с сёгунатом (одновременно и против Франции), закончившийся лишь с ликвидацией токугавского режима.

Борьба эта происходила в весьма неблагоприятной для бакуфу внутренней обстановке. Широкие слои самурайства были возмущены тем, что сёгунат расправляется с японскими князьями в союзе с иностранцами, явно предавая национальные интересы. Буржуазия была возмущена тем, что ввозные пошлины были снижены правительством до 5%. Это нанесло огромный урон всему японскому промышленному производству, находившемуся в младенческом возрасте и остававшемуся беззащитным перед натиском нахлынувших иностранных товаров. Крестьянство восставало против феодального гнета. Крестьянская война разгоралась, и по всей стране антифеодальные восстания непрерывно следовали одно за другим. Для характеристики масштаба этих восстаний можно указать на крестьянское восстание в провинции Кии, объединившее 130 тыс. участников. Восставшие громили феодальные замки и иногда даже захватывали города (Кофу). Начавшаяся междоусобная война сёгуната с даймьё еще сильнее ожесточила разоренное крестьянство, стремившееся скинуть со своей шеи ярмо вековой кабалы.

Огромный размах приобрело в эти годы оппозиционное общественное движение в японских городах. Японская интеллигенция — «разночинцы» самурайско-буржуазного происхождения — со времени прихода в Японию европейцев впервые в широких масштабах столкнулась с буржуазной культурой Запада. Уже гораздо раньше носившиеся в воздухе антифеодальные освободительные идеи, которые часто причудливо перемешивались с феодальной синтоистской фразеологией (о необходимости «восстановления» императорского единодержавия), получили теперь сразу огромное подкрепление со стороны европейских идей, нового круга понятий, бурно проникавших в культурные слои японского общества. Токугавская узость мысли, полицейская регламентация, феодальный произвол казались особенно нетерпимыми передовым людям из среды молодой японской интеллигенции. По существу эта интеллигенция

в острой форме выражала чаяния и политические притязания буржуазного класса, находившегося в Японии еще в периоде первоначального становления и самоутверждения.

Речи о необходимости свержения Токугава приобретают в силу этого уже несколько новое значение. Если прежде единственным носителем подлинно революционных антифеодальных начал было стихийно восставшее крестьянство, если прежде антисёгунская оппозиция тодзама-даймьё и части самурайства была выражением, главным образом, внутренней борьбы в феодальном лагере, то в шестидесятых годах получает свое оформление уже и буржуазная оппозиция, знаменосцем которой выступает городская разночинная интеллигенция.

Необходимо иметь в виду, что многие участники анитокугавского движения, формально принадлежавшие к феодальному дворянству, на деле отражали интересы буржуазии. Известно, что не только рядовые самураи (а особенно ронины) начинали заниматься торговлей и промышленностью, но даже отдельные представители феодальной знати — князья — «па паях» с буржуазными элементами строили мануфактуры и начинали не менее ревностно заботиться об этом новом источнике дохода, чем о своих землях.

Феодальные кланы Сацума, Тёсю, Тоса (южная и юго-западная Япония) под влиянием целого ряда обстоятельств особенно быстро превращались в наиболее ревностных поборников коренных политических преобразований в буржуазном стиле. Они и явились впоследствии военно-организационным центром движения, полностью ликвидировавшего токугавский строй.

Каковы же были эти обстоятельства, предопределившие подобную роль южных и юго-западных кланов? Важнейшими из них были следующие: 1) богатейшие князья этих кланов, принадлежавшие к категории тодзама-даймьё, издавна пользовались максимально доступной в токугавских условиях самостоятельностью, и подвластная им территория обладала рядом преимуществ в сравнении с районами Японии, более «удобно» расположенными для сёгунской администрации (самурайство южных кланов смотрело на Эдо, как на своего исконного противника, покушающегося на автономное существование клана под властью своих даймьё); 2) внешне-торговые связи Японии, которые нелегально или полулегально существовали еще до «открытия» страны в пятидесятых годах (с Китаем, в особенности), наиболее активно поддерживались именно через южные порты, способствуя обогащению местных феодалов и связанных с ними буржуазных элементов; 3) события в 1861—1863 гг., когда южные кланы пытались нанести удар Эдо под антииностранными лозунгами, способствовали известной «демократизации» руководства в этих кланах путем привлечения к власти более молодых людей из среды рядовых самураев. Эти новые люди в сильной степени отражали буржуазные влияния, настаивал, в частности, на примирении с иностранцами, модернизации вооружения, отмене ряда сословных ограничений (в первую очередь перегородок, суще-

ствовавших между различными прослойками внутри феодального дворянства).

Когда Эдо в последний момент прибегло даже к помощи иностранных пушек и штыков для сохранения своего господства ценой отказа от таможенной самостоятельности, отрицательное отношение к нему со стороны всех недовольных элементов, естественно, должно было только усилиться. И наибольший отклик это отрицательное отношение встретило, разумеется, в южных кланах, которые прежде других поставили ставку на ликвидацию власти сёгуна.

При первых же признаках того, что антииностранное движение в Сацума и Тёсю сломлено, что наступает известное отрезвление, связанное с признанием мощи иностранного оружия и с поисками иных путей борьбы с сёгунатом, английская дипломатия завязывает прочный деловой контакт со своими недавними противниками. Она пытается первоначально добиться установления своего руководящего влияния в Эдо. Однако сёгунат продолжал отдавать явное предпочтение покровительству Франции. Эдо отправляет специальную миссию в Париж ко двору Наполеона III, чтобы засвидетельствовать свою признательность за военную помощь. Есть основания предполагать, что некоторые советники бакуфу сознательно отдавали предпочтение французскому влиянию перед английским, исходя из того, что Англия более сильна на Дальнем Востоке и потому может оказаться более требовательным и назойливым «покровителем», чем Франция.

Но французская поддержка не спасла сёгунат от систематического обострения внутреннего кризиса. Поэтому очень скоро английские расчеты стали строиться не на шантажировании сёгуна поддержкой оппозиционных даймё, а на победе этих даймё над сёгунатом.

Установив непосредственный контакт с Сацума, Англия одновременно начинает оказывать сильнейший дипломатический нажим на бакуфу, главным образом с целью его дискредитации. Осенью 1865 г. английский представитель в Эдо предъявляет сёгуну ультимативное требование немедленно открыть для иностранной торговли три новых порта: Осака, Ниигата и Хиога (Кобэ), и (что было явной провокацией) получить императорскую санкцию на заключенные в свое время сёгунатом неравноправные договоры. Последнее требование нужно рассматривать, как сознательную игру на разжигание внутривнутриполитической борьбы вокруг острого в тот период вопроса.

Сёгунату удалось временно выпутаться из затруднительного положения, добившись императорской подписи под этими договорами, открыв порты и капитулировав в ряде экономических вопросов. Но эти новые уступки иностранцам не способствовали увеличению популярности сёгунского правительства. Началось сколачивание сильного военного блока юго-западных кланов против Эдо.

Этот новый блок, которым формально руководили четыре даймё: Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, был достаточно сильным. Во-первых,

он имел солидную финансовую поддержку со стороны нескольких банкирских домов и, прежде всего, со стороны богатейшего дома Мицуи, рискнувшего некоторой долей своих денег в надежде на то, что они окупятся в случае падения Токугава. Во-вторых, кроме самурайства, выступавшего в качестве основной боевой силы, антисёгунские войска включили значительное число отрядов кихейтай и иных добровольцев из среды ронинов, городского плебса, в некоторой части даже из среды крестьянства. В-третьих, походу на Эдо была обещана моральная поддержка со стороны Англии, что устраняло опасность поддержки бакуфу иностранными капиталистическими державами. Наконец, фактическое и прежде всего военное руководство блоком не принадлежало монопольно старым даймьо: наряду с ними и, по существу, на первых ролях выступали молодые представители обуржуазившегося дворянства.

Во главе движения стояли представители основных кланов: от Сацума — Сайго Такамори и Окубо Тосимити, от Тёсю — Кидо Такамаса, от Тоса — Сакамото.

Ввиду того, что движение формально шло под старым лозунгом восстановления императора в правах, узурпированных сёгуном, к руководству выступавшей коалицией примкнули также представители киотской придворной знати Ивакура Томоми и Сандзё Санэтомо. Эти последние являлись по существу представителями нового поколения феодалов, которое хотя и не ставило перед собой никаких революционных задач, но добивалось перестройки прогнившего здания японского феодализма.

В 1866 и 1867 гг. с новой силой разразились широкие крестьянские восстания в центральной Японии. Города отказывались подчиняться сёгунской администрации. Только буржуазия токугавской столицы Эдо в этот критический для своих покровителей момент пыталась оказать поддержку сёгуну. Но эта помощь уже была совершенно недостаточна. Франция пыталась со своей стороны поддержать сёгуна в военном отношении, но также безуспешно.

В 1866 г. умер сёгун Иэмоти и сёгуном стал Кэйки. Вскоре, в 1867 г., умер и император Комэй. На киотском престоле оказался его 15-летний сын Муцухито, сразу же очутившийся в роли игрушки в руках антисёгунского блока.

В октябре 1867 г. князь Тоса, Иодо, вручил сёгуну Кэйки меморандум, заключавший в себе совет «вернуть» полноту власти императору.

Учитывая создавшуюся обстановку, сёгун решил формально принять этот «совет». Он сам пригласил всех виднейших даймьо на совещание в Киото, где в присутствии императора заявил о своем намерении отказаться от власти.

Оппозиция торжествовала бескровную победу, так как добровольная отставка сёгуна была немедленно принята. Именно этот инцидент в развитии событий 1867 г. дал повод части позднейших японских историков доказывать, что в Японии не было и не могло быть никакого антиимператорского выступления и даже сами узур-

паторы — сёгуны — в конце копцов «раскаялись» и «вернули» верховные права императору. В действительности, конференция в Киото была всего-навсего лишь комедией, разыгранной сёгуном Кэйки с целью обмануть бдительность своих противников. Получив отставку, Кэйки скрылся в свой замок в Осака и стал осторожно подготавливаться к борьбе. В свою очередь и антисёгунская коалиция не была удовлетворена половинчатым разрешением вопроса, при котором за Кэйки как за крупнейшим феодалом и за его вассалами сохранялась бóльшая половина Японии, и притом наиболее богатая, и когда вооруженные силы сёгуна, обученные французскими инструкторами, сохраняли свою полную боевую готовность.

Результаты взаимной подготовки к решительному вооруженному столкновению не замедлили сказаться, и Кэйки, сконцентрировав свои войска, первый двинул их против Киото. В разыгравшейся кровопролитной битве при Фусими сёгун был разбит и с остатками своей армии бежал в Эдо. Будучи вскоре окружен наступающим противником, Кэйки сдался. Весьма характерным штрихом является вмешательство французского правительства в этот критический для сёгуна момент с целью добиться спасения его жизни. Французские военные моряки высадились в Иокосука (порт в бухте Эдо), и их командование прямо пригрозило интервенцией, если только сёгун будет убит. Последовали переговоры, в ходе которых представитель Англии выступил в качестве посредника между французами и победителями, и был найден компромисс.

Однако борьба на этом еще не закончилась. В течение всего 1868 и до августа 1869 г. продолжалось вооруженное сопротивление сторонников сёгуна или, точнее, противников победившей его коалиции. На севере Японии упорно боролись князья Мацудайра, владельцы клана Айдзу, сумевшие объединить вокруг себя довольно значительные силы. Чтобы противопоставить киотоским войскам свое собственное идейное знамя, которое по значимости не уступало бы легитимистским лозунгам противника, Мацудайра провозгласил императором некоего принца, проживавшего в качестве священнослужителя при храмах Никко и Уэно. В возрасте 19 лет этот принц был взят на север, в область Оу, где сконцентрировались войска Мацудайра, и провозглашен императором. Однако силы северной коалиции были недостаточны, и в конце 1868 г. она была разгромлена. Оставалось еще справиться с военным флотом бакуфу, который также отказался подчиниться новой власти и под командованием адмирала Энмото отплыл на крайний север, к берегам острова Хоккайдо. Там Энмото и его сподвижники решили не только организовать сопротивление антисёгунским силам, но создать свое независимое государство с «республиканским» режимом. Это, повидимому, объяснялось тем, что сам Энмото лишь незадолго до своего выступления (будучи на службе у сёгуна), возвратился из длительной заграничной поездки и, проведя в Европе около 7 лет, проникся европейскими идеями. Эта хоккайдоская «республика» представляла собой своеобразное, причудливое сочетание

феодалных самурайских принципов с некоторыми прогрессивными буржуазными взглядами, прямо заимствованными из европейской практики. В течение шести месяцев Эномото удавалось отражать все посягательства на свою территорию со стороны центральной власти. Но в конце концов ему пришлось сдаться. Впоследствии он занимал крупные военно-морские и дипломатические посты.

Несмотря на то, что сёгунат был побежден и основные военные противники ликвидированы, положение нового правительства, пришедшего к власти, можно было назвать критическим.

Главную роль в правительстве стали фактически играть два человека, которых можно характеризовать, как ярких представителей обуржуазившегося дворянства: Окубо Тосимити и Кидо Такамаса. Их основной целью была ликвидация политической раздробленности страны и скорейшая европеизация, понимавшаяся, разумеется, исключительно как заимствование внешней и, в первую очередь, военной и технической буржуазной культуры.

Однако быстрое проведение в жизнь этой программы представляло исключительные трудности. Прежде всего потому, что силы, свергнувшие сёгунат и поставившие у власти новых людей, отличались чрезвычайной разнородностью и представляли собой конгломерат различных, часто прямо противоположных классовых интересов. До тех пор, пока существовал общий враг — сёгун, коалиция выступала более или менее организованно в одном направлении. После военной победы началась острая внутренняя борьба в лагере самих победителей.

Мы уже указывали, что против Токугава выступали в основном три силы: 1) крестьянство, выступавшее против феодального строя в целом; 2) слабая и неорганизованная еще буржуазия, выступавшая почти целиком под дворянским плащом и потому представленная почти исключительно рядовыми самураями; 3) феодальные князья и феодальная придворная знать, ненавидевшая Токугава и мечтавшая только о свержении сёгунской династии с целью замены ее более приемлемым, но таким же феодальным правительством. Коалиционные войска, свергнувшие сёгуна, представляли собой временный блок второй и третьей из указанных выше анти-токугавских сил.

Однако победа этих войск была целиком обусловлена наличием самостоятельно действовавшей первой революционной силы — крестьянства.

После свержения сёгуна, на другой же день после образования нового правительства, крестьянство уже выступало его противником. Если в 1866 г., т. е. накануне свержения сёгуна, по всей Японии было зарегистрировано 17 крупных крестьянских восстаний, то в 1869 г., т. е. через год после утверждения новой власти, их уже было 42, а в 1870 г. — 31. Всего за первое десятилетие существования нового режима, т. е. с 1868 по 1878 г., в Японии было зарегистрировано 185 крупных крестьянских восстаний. Эти данные красноречиво говорят о том, что свержение сёгунского правительства

первоначально ничего не изменило в существе феодальной эксплуатации японского крестьянина. Антисёгунская буржуазно-феодальная коалиция столкнулась с революционными крестьянскими массами, как со своим опаснейшим врагом. Буржуазия обуял страх перед революционной стихией, посягающей на священное право частной собственности (хотя бы и феодальной), тем более, что японская буржуазия уже в это время имела крупные интересы в деревне. Буржуазия испугалась огня крестьянской революции и поспешила поддержать самые драконовские мероприятия феодалов в целях скорейшей расправы с крестьянским движением.

К сожалению, сохранились чрезвычайно скудные данные о деталях революционных крестьянских выступлений этого периода, но о размахе их можно судить по сведениям, что отдельные выступления охватывали 200—250 тыс. крестьян. Лишь превосходство в вооружении спасло правительственные войска от поражения.

Необходимо отметить, что если, с одной стороны, страх перед бушевавшей революционной стихией толкал буржуазные элементы в объятия феодалов и сплачивал их в единый реакционный помещичье-буржуазный блок, то, с другой стороны, непрерывный, неослабевавший напор революционных волн вынуждал искать срочных мер для того, чтобы предотвратить крушение всего социального строя, основанного на феодальной эксплуатации. Посылка войск и карательных экспедиций не достигала цели. Все время подымались новые и новые восстания. Поэтому, в конце концов, буржуазия — опять-таки не от «революционности», а исключительно из боязни за целостность своей собственной шкуры — начала давить на феодалов, чтобы принудить их к неизбежным уступкам, реформам, компромиссам.

Это неизбежно способствовало усилению разлада, наметившегося сразу после победы над сёгуном между буржуазными и феодальными элементами в коалиционном блоке. Окубо Тосимити, представлявший интересы дальновидной части буржуазии, хотя и принадлежавший лично к самураям, настаивал на том, чтобы возможно скорее осуществить ограниченную аграрную реформу, удовлетворить зажиточную часть крестьянства и тем самым расколоть ряды революционных противников нового режима. Сайго Такамори, выражавший чаяния феодалов, решительно возражал против этого и рекомендовал все внимание уделить модернизации и расширению вооружений, что даст возможность справиться и с внешним и с внутренним врагом. Сайго развернул огромную активность в этом направлении. Будучи фактически на положении военного министра в новом правительстве и обладая наиболее слаженными самурайскими отрядами (клана Сацума), Сайго в короткий срок создал хорошо обученную армию, организовал ряд специальных военных школ, построенных по европейскому образцу, хотя по своему личному составу эти вооруженные силы целиком сохраняли феодальный самурайский характер.

Скорее и легче всего буржуазным элементам в правительстве удалось провести те реформы, которые были подготовлены всем

ходом предыдущего развития страны и которые в значительной степени оставались лишь легализовать. Так, уже с 1868 г. были сняты все ограничения в отношении выбора профессии, были ликвидированы цехи и гильдии, каждый получил право заниматься торговлей, земледелием, ремеслом и т. д. независимо от своего происхождения. В 1870 г. были формально отменены все ограничения, существовавшие в отношении японских париев — эта ¹.

Этими реформами наносился серьезный удар замкнутым феодальным корпорациям и сословной ограниченности. Далее, в соответствии с насущными потребностями буржуазии в сельском хозяйстве было разрешено вводить и развивать любые виды сельскохозяйственных культур. Одновременно всем разрешалось произвольно менять местожительство и передвигаться по всей стране. Это было уже значительным принципиальным ударом по крепостничеству, но фактически этим правом могли воспользоваться лишь самураи и горожане, так как крестьяне были настолько бедны, что не могли уходить с жалких наделов земли, предоставленных им феодалами.

В 1869 г. Окубо и Кидо добиваются того, что четыре феодальных князя, которые явились «инициаторами» свержения сёгуна — Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, — отказываются от прав на территорию своих кланов и «возвращают» ее императору. Их примеру должны были последовать и остальные даймё. Этой мерой Окубо и Кидо намеревались подготовить последующую полную ликвидацию разделения Японии на феодальные уделы и постепенно осуществить фактическую централизацию административной системы. Даймё же, хорошо понимая, что им не удастся впредь удержать власть в своих кланах, решили формально отказаться от своих феодальных прав, сохранив власть по существу в «модернизированном» виде. Даймё были переименованы в наследственных губернаторов и оставлены в своих прежних владениях. Часть самураев была переведена на жалованье, выплачивавшееся из местных средств кланов, часть распущена за ненадобностью.

В 1871 г. под давлением революционной угрозы со стороны крестьянства правительство решает на некоторые дальнейшие реформы. Прежнее феодальное деление Японии окончательно отменяется, устанавливаются губернии во главе с губернаторами, назначаемыми из центра.

В том же году правительство начинает проводить аграрную реформу. Накануне реформы 1871 г. основная масса земли принадлежала феодалам, крестьяне получали от феодалов небольшие земельные наделы. Формально крестьянство представляло собой сплошь бесправную и нищую массу. Но в действительности еще в токугавский период процесс расслоения крестьянства зашел довольно далеко. Земельные наделы нелегально переходили из рук в руки путем заклада. Широко была распространена аренда.

¹ В действительности эта и после 1870 г. вынуждены были вести изолированное существование. Точное происхождение париев в Японии неизвестно. Их называли иначе хинин («не-люди») и им поручались некоторые ремесла, считавшиеся позорными.

Гоно (богатые крестьяне) и госи (севшие на землю самураи) наряду с ростовщиками и купцами жестоко эксплуатировали основную массу неимущих крестьян. В руках гоно, госи и представителей торгово-ростовщического капитала была сконцентрирована весьма значительная часть земельных наделов. Около трети крестьянской земли находилось в аренде еще задолго до реформы 1871 г. Эти элементы, захватившие землю, на деле сами превратились в помещиков, применявших по отношению к крестьянству чисто феодальные формы эксплуатации.

Аграрная реформа закрепила землю за теми, кто фактически ею распоряжался, в первую очередь за гоно и госи, легализовав их прежние сделки на землю.

Земля оказалась закрепленной за ее фактическими владельцами на правах частной собственности. Так как огромное большинство крестьян являлось «владельцами» ничтожных клочков земли или арендаторами, а основная масса земли оказалась заблаговременно захваченной гоно, госи, ростовщиками и иными представителями слоя «новых» помещиков, то эта аграрная реформа не привела к коренному изменению положения в японской деревне. Она произвела лишь некоторую социальную передвигжку в верхах японской деревни в сторону легализации «прав» зажиточной крестьянской верхушки.

Земельные владения феодалов были выкуплены государством. При этом крупные феодальные магнаты получили весьма солидные выкупные суммы, иногда даже на много превышавшие реальную стоимость принадлежавшей им земли. Некоторая часть прежних феодальных землевладельцев оказалась, наоборот, «обиженной» новым правительством, исходившим из учета всевозможных персональных соображений.

События 1867—1868 гг. известны в японской истории как «революция Мэйдзи». Это название связано с тем, что официальное наименование годов царствования императора Муцухито было определено как «Мэйдзи», что буквально означает «просвещенное правление». В японской официальной исторической литературе получил право гражданства термин «реставрация Мэйдзи», но для определения характера событий 1867—1868 гг. в более широкой литературе фигурирует «революция Мэйдзи».

Не подлежит сомнению, что эти события и последующие реформы следует охарактеризовать как незавершенную буржуазную революцию.

Как известно, крестьянство в силу распыленности не способно само, без руководства со стороны рабочего класса или буржуазии, одержать победу над феодалами. Слабая японская буржуазия, вскормленная феодалами и кровно связанная с ними, сама смертельно боялась крестьянства и во всяком случае не могла взять на себя задачу возглавить крестьянскую войну для свержения феодализма. Японского пролетариата в 1868 г. фактически еще не существовало. Крестьянство выступало стихийно, без руководства. Но эти его стихийные выступления распатали токугавский

строй. Воспользовавшись критическим положением феодальной монархии Токугава, сложившимся в результате крестьянского движения и интервенции капиталистических держав, прогрессивные элементы мелкого дворянства, поддержанные буржуазией, в коалиции с частью феодалов свергли токугавский режим и открыли щель для последующего капиталистического развития Японии. В эту щель стали проникать новые буржуазные элементы, и она медленно, но неуклонно расширялась.

Таким образом, в результате этой специфической революции к власти в Японии пришел феодально-буржуазный блок, в котором буржуазия играла сперва подчиненную роль. Крестьянская, т. е. подлинно буржуазно-демократическая, революция потерпела в Японии неудачу, не успев развернуться. Будучи расколото маневрами правительственной коалиции феодалов и буржуазии, крестьянство не смогло довести до конца свой сокрушительный напор на твердыни японского крепостничества. В результате получилось, что хотя в итоге всех реформ в Японии возникли необходимейшие предпосылки для развития страны по капиталистическому пути, но само это развитие оказалось однобоким и ограниченным, связанным массой феодальных пережитков. Поэтому революция 1868 г. была половичатой, незавершенной буржуазной революцией.

В составленном Лениным «Опыте сводки главных данных всемирной истории после 1870 года» под рубрикой «Революционные движения (не-пролетарского характера)» за период 1870—1875 гг. мы находим следующую запись: «1868—1871: Япония. (Революция и преобразования)».

Правительство периода «революции и преобразований» в Японии представляло собой по внешности феодально-бюрократическую машину, мало чем отличавшуюся от военно-полицейского государственного аппарата Токугава. Отличие состояло лишь в том, что на первое место в государственных органах первых лет Мэйдзи выдвигаются именно бюрократические элементы, состоявшие из мелких самураев и более способные, чем прежний токугавский аппарат, учитывать интересы буржуазии, за кулисами вдохновлявшей основные реформы, проводившиеся новой властью.

Вслед за указанными выше крупными политическими реформами последовали многие другие, имевшие более ограниченное значение, но все же достаточно важные для того, чтобы облегчить путь буржуазного развития Японии. Правительство заменило натуральный поземельный налог денежным, исчисляемым не с урожая, а со стоимости земли, и была формально разрешена купля-продажа земли. В 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность. В 1873 г. самурайству был нанесен другой, еще более чувствительный удар. Жалованье самураям, так называемая «рисовая стипендия», было частично ликвидировано. В качестве компенсации правительство выплачивало деньгами половину стоимости этой стипендии из расчета за 6 лет (для получавших наследственную стипендию), а другая половина этой стоимости ~~выплачивалась~~ выплачивалась специальными 8-процентными обязательствами (боннами). На деле

эта операция привела к быстрому разорению большинства самураев, лишенных земли и всех прежних сословных привилегий. В 1873 г. «капитализация пенсий», как это было названо в официальных документах, была добровольной, позднее (в 1876 г.) она была проведена в принудительном порядке. Непосредственным откликом на это со стороны рядовых самураев было вооруженное восстание в провинции Сага в 1874 г. Восстание это было подавлено, но недовольство самураев не было сломлено. В 1876 г. самураям было запрещено носить два меча, что было их старинной феодальной привилегией. Чиновникам было предписано носить европейскую форменную одежду.

В 1872 г. была сооружена первая в Японии железная дорога, соединившая Эдо, переименованное в Токио, с портом Иокогама. Получили быстрое распространение почта и телеграф. В судопроизводстве была официально отменена пытка. Большинство правительственных учреждений, как военных, так и гражданских, получило специальных иностранных советников, главным образом, англичан. Очень скоро внешняя европеизация Японии достигла весьма широких масштабов. Несмотря на большое количество тормозов для быстрого индустриального развития страны, темпы «европеизации» были довольно быстрыми, что объяснялось тем, что Япония имела возможность пересаживать европейско-американскую технику в готовом виде, и, тем самым, срок, необходимый для подтягивания отсталой феодальной страны до уровня «цивилизованных» стран капитализма, значительно сокращался.

Мы уже указывали, что процесс проникновения европейской техники в Японию начался еще во время господства Токугава. Отдельные феодальные князья в этом отношении часто опережали правительство бакуфу. Так, например, известно, что в 1848 г. князь Сага начал отливать пушки по голландским образцам. В 1863 г. в клане Сацума князь Симадзу построил первую прядильную фабрику, приобретя предварительно в Англии 6 тыс. веретен. Правительство Токугава применяло европейскую технику на своих военных заводах. Но после свержения сёгуната феодально-бюрократическое правительство первых годов Мэйдзи поощряло внедрение европейской техники в более широких масштабах и более планомерно, чем раньше. Правительство практиковало создание так называемых «образцовых предприятий» в самых различных отраслях производства. Эти «образцовые предприятия» основывались на государственные деньги и первоначально служили почти исключительно для удовлетворения потребностей армии и других непосредственных нужд государства. В дальнейшем эти «образцовые предприятия» за ничтожные суммы или даже совершенно безвозмездно перешли в руки частных капиталистов, сумевших установить отличные отношения с бюрократическим правительством. К числу «образцовых предприятий», построенных правительством Мэйдзи, принадлежали три судостроительных завода (в Иокосука, в Кобэ и в Нагасаки), стекольный завод в Синагава, прядильная фабрика в Синмати, две суконные фабрики (в Одзи и

в Сэндзю), шелкомотальная фабрика в Томиока, 10 горных рудников (Икуно, Садо, Косака, Миике, Такасима, Окудзу, Камаиси, Накакосака, Иннай и Ани), винокуренный и пивоваренный заводы в Саппоро. Все вышеуказанные 10 рудников были превращены в «образцовые предприятия» в 1869 г., и правительство специально пригласило иностранных инженеров для технического руководства их эксплуатацией.

Не ограничиваясь прямым насаждением индустриальных предприятий, правительство Мэйдзи тратило огромные суммы на субсидирование частной инициативы в этом же направлении. Распределение значительной части этих субсидий «регулировалось» посредством взятков высшим правительственным чиновникам со стороны предприимчивых буржуа. Часто субсидии носили вынужденный характер. Само правительство постоянно нуждалось в деньгах и с первых же лет существования нового режима частенько прибегало к помощи внутренних займов. Для обеспечения подписки на эти займы правительство вынуждено было заискивать перед наиболее влиятельными из своих кредиторов. Среди последних особо выдающееся место занимал банковский дом Мицуи, который, как мы указывали, особенно щедро финансировал создание антисёгунских войск в 1867 г. Львиная доля «образцовых предприятий», после того как они стали на ноги и окрепли, перешла в руки именно Мицуи, выступавшего после свержения сёгуна уже не только в качестве банкира, но и крупнейшего промышленника и торговца.

Необходимо отметить, что не все государственные предприятия охотно перенимались частными капиталистами. Наибольший «спрос» был на легкую промышленность, предприятия с большим удельным весом малоквалифицированной рабочей силы, т. е. дававшие наиболее высокую норму прибыли. Что же касается металлургических заводов, то большая часть их оставалась в руках государства. Единственным серьезным потребителем продукции японской металлургии являлось само государство, что сильно отражалось на ограниченных темпах роста японской тяжелой промышленности. Уже в первое десятилетие развития японской промышленности обнаружился быстрый подъем легкой промышленности, которая с переходом в частные руки еще более значительно опередила металлургию в своем развитии.

Начало современной металлургии в Японии относится к 1873 г., когда были построены первые две доменные печи вблизи железных рудников Камаиси (префектура Иватэ). Однако, несмотря на иностранную консультацию, это предприятие оказалось настолько малоприбыльным (из-за недостатка топлива и по другим причинам), что уже в 1883 г. оно закрылось. Перейдя в частные руки, в 1887 г. оно снова начало работать. Крупнейший металлургический завод Японии — Явата, который и до настоящего времени принадлежит государству, был построен лишь в 1901 г. Это отставание металлургии выражало общую слабость японского капитализма.

В 1869 г. правительство Мэйдзи учредило специальный правительственный орган по вопросам регулирования торговли, финан-

сов и транспорта. В 1871 г. правительство организовало государственную компанию почтового судоходства. Однако уже в 1875 г., когда была создана частная пароходная компания Мицубиси, правительство, не ограничившись предоставлением ей крупной субсидии (250 тыс. иен в год), поспешило отдать компании около 30 пароходов, принадлежавших государству.

Государственная структура первых годов Мэйдзи отличалась большой организационной запутанностью. Это являлось прямым результатом затруднений, вытекавших из того, что дворцовые круги Киото и поддерживавшие их феодалы стремились монополично занять первые места в правительстве, в то время как приходилось считаться с тем, что и рядовое самурайство, представлявшее в значительной мере интересы буржуазии, пользуясь своим военным и организаторским превосходством, также претендовало на прямое участие в государственном управлении.

В результате первая правительственная организация Мэйдзи в 1868 г. представляла собой весьма громоздкий аппарат. Она именовалась «сансёку». На самом верху стоял «сосай» (председатель). Этот пост занял видный кугэ, князь Арисугава. Далее шли две группы «советников»: старшая, состоявшая из 10 гидзэ, и младшая — из 20 саньо. Несколько позднее были сформированы еще 8 административных департаментов: 1) по делам государственной религии сянто; 2) внутренних дел; 3) иностранных дел; 4) армии; 5) флота; 6) юстиции; 7) законодательства; 8) общих дел (при сосай). Должности старших советников были замещены феодальными князьями. Среди саньо, т. е. младших советников, находились самураи, наиболее выдающиеся деятели революции Мэйдзи; в числе их: Накубо Тосимити, Ито Хиробуми и др.

6 апреля 1868 г. император Мэйдзи в торжественной обстановке произнес клятвенное обещание, состоявшее из следующих 5 пунктов: 1. Должно быть организовано совещательное собрание, и все дела управления будут решаться согласно с общественным мнением. 2. Все классы — и правители и управляемые — должны посвятить себя целиком процветанию нации. 3. Всем военным и гражданским чинам и всему народу должно быть позволено осуществлять свои стремления, согласно способностям каждого. 4. Все отжившие обычаи прошлого должны быть отброшены, и право и справедливость, как они признаются, будут утверждены повсюду. 5. Для прочного возведения основ империи будут повсюду в мире заимствоваться знания. Этот документ появился на свет в результате острой борьбы внутри нового правительства (сам 16-летний император Муцухито, разумеется, при этом в счет не идет). Рядовое самурайство, равно как и чисто буржуазные элементы, опасались, что феодальные князья, убрав Токугава, сохранят в неприкосновенности прежние феодально-бюрократические методы управления и попрежнему не будут считаться с интересами «низов». Поэтому они добивались, чтобы было обещано упразднение монополии даймьо на политическую власть. Отсюда туманные намеки в «императорской клятве» на то, что впредь серьезным критерием при выборе

людей станут личные способности каждого. Указание на предстоящее учреждение народного представительства также было продиктовано, в первую очередь, настояниями тех элементов в правительстве, которые отражали интересы буржуазии.

Существует предположение, что автором императорской «клятвы» был Канэко Кэнтаро, игравший впоследствии видную роль в выработке японской конституции, но в этот период принадлежавший к «левым» самураям, добивавшимся углубления реформ. Но в том виде, в каком «клятва» была провозглашена императором, она представляла собой плод компромисса между требованиями самурайских низов и буржуазии, с одной стороны, и решительной консервативной оппозицией этим требованиям со стороны феодалов и двора — с другой. «Левые» самурайские и буржуазные круги требовали модернизации политической системы Японии по английскому образцу, созыва парламента, создания ответственного министерства и т. д. Против этого резко возражал один из руководителей правительства, представитель дворцовых кругов — Ивакура Томоми, опасавшийся, что демократизация государства вызовет новую активность масс. В роли примирителя обеих точек зрения выступил Кидо Такамаса, поддерживавший тесный контакт и с теми и другими элементами.

Ввиду того что правительство испытывало необходимость во временном примирении с возросшей оппозицией как слева, так и справа, выполнение императорской «клятвы» сопровождалось еще большим компромиссом, чем сама эта клятва. В конце 1868 г. государственный аппарат был снова реорганизован и получил название дайдзёкан. Во главе правительства стоял дайдзёдайдзин (канцлер), прежде именовавшийся сосай, а старшие и младшие советники (гидзё и саньё) были реорганизованы в две «палаты», создавшие видимость коллегиального и даже представительного руководства. Верхняя палата объединяла феодальных князей, нижняя — представителей самурайства — клановых «низов» и, отчасти, буржуазии. Необходимо отметить, однако, что буржуазное влияние на правительственную политику шло не через эту палату, имевшую совещательные функции и по сути дела носившую декоративный характер. Буржуазия в лице крупных торгово-промышленных фирм связывалась непосредственно с высшей бюрократией, с министерствами.

Число министерств или, вернее, департаментов, при дайдзёкане было сокращено до пяти: 1) по делам религии синто, 2) финансов, 3) военных дел, 4) иностранных дел и 5) юстиции. Во главе этих департаментов были посажены представители феодальной или дворцовой знати, чем достигалось удовлетворение честолюбия и престижных соображений старых реакционных сил, входивших в правительственный блок. Но реальное руководство административным аппаратом целиком находилось в руках бюрократии, действовавшей на правах вице-министров, первых секретарей, вторых секретарей и т. д. Этот административный аппарат без особенно резких изменений просуществовал до 1885 г., когда были

организованы министерства, целиком построенные по европейским образцам.

В 1869 г. была создана палата представителей от всех 276 кланов (к моменту революции 1868 г. их насчитывалось 302) под названием когисё. Депутаты этой самурайской палаты пытались критиковать правительственные мероприятия, но их критика шла преимущественно по линии заботы об интересах кланов, уничтоженных лишь в 1871 г. Когисё нередко выражала недовольство тем, что правительство уделяет недостаточное внимание «беднякам» — самураям, а обеспечивает «горожан» и даймё. При изучении выступлений депутатов когисё, которая позднее была переименована в сюгиин, бросается в глаза совершенно своеобразный самурайский «демократизм», который сводился к тому, что представители кланов критиковали правительство как за одностороннюю заботу о верхушке феодального класса (дворцовой знати и даймё), так и за якшанье с «простыми» горожанами — буржуазией. Самурайство добивалось «демократии» только для себя, часто смыкаясь поэтому с наиболее реакционными силами феодалов, пытавшимися максимально ограничить процесс буржуазных преобразований. Таким образом, если в первый момент в ходе событий 1867—1868 гг. самурайские низы служили еще до известной степени проводником буржуазных настроений и их борьба с сёгуном шла под буржуазными лозунгами «равенства», то после утверждения нового режима та большая часть самурайства, которая не смогла пристроиться в новом государственном аппарате, превратилась в явно реакционную силу, сопротивлявшуюся правительственной политике, видя в ней дальнейший отход от своих идеалов «дворянской вольницы». Что касается меньшей части самурайства, которая проникла в поры государственного аппарата и превратилась в бюрократию, то ее можно в значительной мере рассматривать как более или менее сознательного проводника буржуазной политики.

В 1873 г. когисё, состоявшая в большинстве из представителей оппозиционного самурайства, была ликвидирована.

Отмена клановой системы в 1871 г. повлекла за собой новую частичную реорганизацию дайдзёкана. Все три составных элемента государственного аппарата были построены по типу коллегии: 1) высшей, или сэйин, продолжавшей выполнять функции верховной власти, как сосай и дайдзёдайдзин, 2) уин, или правой палаты, осуществлявшей исполнительную власть; 3) сайн, или левой палаты, представлявшей собой законосовещательный орган.

В 1874 г. в г. Осака состоялась конференция, в которой приняли участие наиболее влиятельные представители правительства Мэйдзи, — Окубо Тосимити и Ито Хиробуми, наряду с руководителями оппозиции, объединявшей часть буржуазных и часть помещичьих элементов, недовольных высоким поземельным налоговым обложением. Наиболее видными представителями этой оппозиции были Итагаки Тайскэ, выходец из низового самурайства, проникнутый духом буржуазного реформаторства, а также Кидо Такамаса. На этой конференции Итагаки настойчиво убеждал

представителей правительства принять срочные меры к действительной демократизации и модернизации государственного аппарата, угрожая в противном случае организовать общественный бойкот всем правительственным мероприятиям. Он указывал, что прошел уже срок, потребный для того, чтобы подготовить реализацию обещанного в императорской «клятве» перехода к представительному способу управления. Требования Итагаки в более умеренной форме поддерживал Кидо. Однако если Окубо склонялся к тому, чтобы взять курс на скорейший созыв парламента, то Ито, за спиной которого стояла бюрократия, успевшая уже вырасти в большую самостоятельную силу, категорически противился ускорению проведения намеченного плана реформ. По его настоянию, было вынесено решение о том, что население будет впредь «подготавливаться» к введению представительного образа правления и с этой целью будут происходить периодические совещания губернаторов, на которых правительство сможет знакомиться с нуждами населения. Первое такое совещание было созвано в 1875 г. в Токио. Совершенно очевидно, что это ни с какой стороны не означало демократизации системы государственного управления. В том же 1875 г., по предложению Ито, был разработан новый, третий по счету, план реорганизации государственного аппарата. Внешне это означало шаг вперед по пути к введению европейских буржуазных порядков. Был принят принцип «разделения властей» на законодательную, исполнительную и судебную. Дайдзёкану окончательно была присвоена исполнительная власть. Законодательная власть должна была осуществляться сенатом, получившим название генроин. Члены сената назначались императором. Наконец, судебная власть была передана верховному суду — дайсинин. Однако эта реформа лишь формально видоизменяла положение прежнего бюрократического правительственного аппарата. Она не удовлетворяла ни правую, самурайскую, оппозицию, ни левую, буржуазную.

В это время внутри японского правительства крупную роль стали играть разногласия по вопросам внешней политики. Общая ориентация на Англию не претерпела никаких изменений, а, напротив, она укреплялась. Однако приходилось считать с еще одним субъективным фактором. Японская армия, обладавшая уже европейской организацией и современным вооружением, главным образом, благодаря своему офицерскому составу, была целиком подчинена феодально-милитаристической идеологии. Введение всеобщей воинской повинности весьма мало способствовало демократизации армии. Вождь этой армии, военный министр Сайго Такамори, мечтавший о том, чтобы поскорее испробовать силу обновленного японского оружия, и открыто проповедовал необходимость повторения похода Хидэйоси для завоевания Кореи. Сайго исходил при этом из желания обеспечить за феодально-реакционными силами в правительстве Мэйдзи перевес, необходимый для обуздания буржуазно-реформистских элементов. Это было бы достигнуто с большей

легкостью, если бы Япония была втянута в войну, так как в этом случае голосу военщины — самураев — придавалось бы гораздо большее значение, нежели в мирной обстановке. По существу Сайго хотел удовлетвориться свержением династии Токугава, но не желал допустить уничтожения старых дворянских привилегий.

Поводов для войны японские власти всегда находили в достаточном количестве. Первым захватническим шагом послереволюционной Японии было присоединение в 1872 г. так называемых Ликейских островов (Рюкю), находившихся до этого времени формально под «двойной защитой» Японии и Китая. В 1879 г. местный туземный князь был свергнут, и острова Рюкю были реорганизованы в префектуру Окинава.

В 1874 г. японской военщиной был совершен еще более крупный бандитский набег на остров Формозу, подвассальный Китаю. Под предлогом убийства формозцами нескольких моряков с островов Рюкю Япония снарядила целую военную экспедицию и без особого труда оккупировала Формозу. Китайское правительство заявило резкий протест, и едва не возникла война. Англия предложила свое посредничество и добилась разрешения конфликта. Японские войска отзывались, но Китай должен был уплатить Японии «компенсацию» за посылку экспедиционного отряда на Формозу, поскольку Япония якобы действовала в целях «наказания» туземцев.

Японцы систематически усиленно раздували «инциденты» с корейскими кораблями, которые якобы проявляли неуважение или даже враждебность к японскому флагу. В 1875 г. имела место перестрелка между японскими и корейскими судами, едва не вызвавшая войну. Сайго ультимативно требовал объявления войны Корее, угрожая своей отставкой. Большинство японских руководителей колебалось. Только настойчивостью Окубо, который убедительно доказывал невыгодность этой войны в обстановке незавершенных крупных реформ, объясняется конечное решение воздержаться от военных действий. В 1876 г. Япония силой оружия заставила Корею «открыть» страну и заключить с ней неравноправный договор. Это, однако, не удовлетворило самураев. Сайго, до этого по кинувший Токио и направившийся в Сацума, открыто готовил преданные ему самурайские кадры для борьбы с правительством. Им были организованы военные школы, где наряду с европейскими военными науками преподавались основы феодального «самурайского мировоззрения». В этих школах Сайго сконцентрировал большое количество хорошо обученных и преданных ему молодых самураев. Со всей страны в Сацума стекались безработные недовольные самураи, встречавшие радушный прием со стороны Сайго.

Нужно сказать, что борьба, которую готовил Сайго, равным образом подготовлялась и в других кланах, не только на юге Японии, но всюду, где наблюдалось скопление бывшего самурайства. Речь идет о самурайстве, которое не сумело устроиться после проведения реформ и которое не было удовлетворено скудными сред-

ствами, полученными от правительства. Эта часть самурайства мечтала о возвращении к старому, о восстановлении системы, способной вернуть самураям их прежние политические привилегии. Поэтому очагами самурайского реакционного движения был не только Сацума, но и клан Тёсю и клан Мито. Выходцы из этих трех кланов создали объединенную оппозицию феодального типа. Тем не менее, основным центром этого реакционного движения самурайства являлся Сацума, ибо именно сацумское самурайство представляло собой наиболее компактную массу, принимавшую наиболее активное участие в свержении сёгуната и сохранившую прочные связи между собой при помощи единой военной организации.

Штабом мятежа в Сацума и одновременно центром собирания всех реакционных антиправительственных сил явился город Кагосима. Там находилась основная военная школа Сайго, которая насчитывала около 7 тыс. курсантов. Кроме того, Сайго организовал школу для малолетних самураев, нечто вроде кадетского корпуса.

Подготовка к мятежу велась чрезвычайно широко и открыто. Правительство, конечно, не могло не знать об этой подготовке, но до поры до времени делало вид, что закрывает глаза на деятельность Сайго, втихомолку приготавливаясь к борьбе и все еще рассчитывая на возможность компромисса.

Характерным документом, иллюстрирующим идейные предпосылки мятежа Сайго, является получивший в то время широкое распространение памфлет Иокояма, одного из участников мятежа. Иокояма был послан группой самураев в Токио уже после подавления выступления Сайго, чтобы предъявить правительству петицию от имени самураев о невыносимости их положения. Вручив петицию чиновникам, Иокояма покончил с собой, сделав себе хакарири.

Памфлет Иокояма представляет собой по форме обвинительный акт от лица феодалов и самурайства правительству Мэйдзи. Он состоит из следующих 10 пунктов-претензий:

- 1) Те, кто призван помогать императору в качестве его министров, в большей степени предаются роскоши и расточительству; в верхах — вводят в заблуждение императорский двор, в низах — не обращают внимания на голод.
- 2) Крупные и мелкие чиновники во-вне заняты пустым хвастовством, внутри — заботятся о почестях и о наживе.
- 3) Утром издаются указы, вечером отменяются. Народные массы охвачены сомнениями и неустойчивы в своих убеждениях.
- 4) Сборы на каждой станции с людей и лошадей увеличиваются. Налоги собираются в размере $\frac{1}{5}$.
- 5) Не уважая прямоту, почитают ловких. Скромность не считают достоинством.
- 6) Ищут не людей для чинов, а чины для людей. Поэтому во всех учреждениях люди работают, словно наемные рабочие на своего хозяина.
- 7) Ценится связь лишь на почве выпивки, идеальными отношениями пренебрегают.
- 8) Из-за легкомыслия, проявленного заключением договоров с иностранцами, общественное мнение постоянно

возбуждено. 9) Кодекс взысканий и наград еще не установлен. Награждают и карают в зависимости от личной любви или ненависти. 10) И высшие и низшие наперебой гонятся за наживой. Государство в опасности. Знатные господа, находящиеся при дворе, предаются разврату и беспечности».

Этот документ ясно говорит о том, что самурайство было особенно недовольно обилием реформ (пункт 3), высоким поземельным обложением (пункт 4), ликвидацией феодального кодекса привилегий дворянства (пункт 9).

По стилю и содержанию эта петиция целиком отражает феодальные представления и взгляды.

Толчком к началу мятежа Сайго, вспыхнувшего в 1877 г., явилась отставка князя Симадзу («хозяина» клана Сацума) с занимаемого им в Токио правительственного поста. В знак протеста против принятия закона, запрещающего самураям носить мечи, князь Симадзу ушел в отставку и хотел, как обычно, морем отправиться в свою вотчину — в Кагосима. Однако правительство этого не разрешило и не предоставило ему корабля. Симадзу вынужден был на лошадях отправиться в длинное по тем временам путешествие на юг Японии. Мечи, которые принадлежали личной дружине Симадзу, были им сложены в корзину и взяты с собой.

Когда Симадзу прибыл в Кагосима с самурайскими мечами в корзине, это вызвало страшное волнение среди самураев, возмущавшихся тем, что их сюзерена подвергли такому неслыханному унижению. Это возмущение было усилено слухами о покушении на жизнь Сайго. Повидимому, эти слухи были провокационными, но после этого обстановка стала настолько напряженной, что правительство вынуждено было принять срочные меры. Оно сделало попытку вывезти часть оружия из сацумских арсеналов. В Кагосима был послан морским путем специальный отряд во главе с офицером, чтобы увезти это оружие. Это вызвало еще большее возмущение со стороны самураев. Офицеру с его отрядом была запрещена высадка на берег, и правительственный корабль отправился назад ни с чем.

После этого Сайго окончательно решает выступить. Он направляет свои войска на север и осаждает Кумамото, город, который служил административным центром для всего юга. В Кумамото находился крупный гарнизон правительственных войск. По общему мнению всех исследователей и историков, эта осада Кумамото была крупной военно-стратегической ошибкой Сайго. Он распылял свои основные силы и давал возможность правительству лучше подготовиться к отпору мятежникам. Если бы Сайго двинул свои войска дальше на север, он мог бы рассчитывать на поддержку со стороны самурайских кланов Тёсю и Мито и мог хотя бы временно иметь военный успех. Вместо этого Сайго сам связал свободу своих действий затянувшейся осадой Кумамото.

Армия Сайго насчитывала 40 тыс. человек, что по тем временам означало большую силу.

Правительство, пользуясь тем, что Сайго застрял у Кумамото,

стало энергично собирать силы для разгрома мятежа. У правительства был ряд крупных преимуществ. Во-первых, оно имело более совершенное оружие и в большем количестве, во-вторых, оно располагало деньгами, которых Сайго почти не имел, в-третьих, правительство господствовало на море. Еще до начала выступления Сайго правительство сконцентрировало весь флот на севере. Наконец правительство имело современное средство связи — телеграф, располагая также, правда, пока еще небольшим отрезком железнодорожной линии. Интересна следующая деталь: когда формировались правительственные войска против Сайго, то в качестве добровольцев в эти войска пришло довольно большое количество самураев из рядов бывшего токугавского самурайства (из клана Айдзу), которое во время гражданской войны 1867—1868 гг. сражалось на стороне сёгуна против юго-западной коалиции. Мотивом, побудившим к участию в войне этих добровольцев, было их желание отомстить сацумцам, которые боролись в свое время против Токугава. Но, конечно, не эти добровольцы определяли характер войск, выступавших против контрреволюционного сацумского мятежа.

Общее количество правительственных войск составляло, примерно, через 2—3 месяца после начала восстания 60 тыс. человек. Основные военные операции велись вокруг Кумамото, там и произошло главное сражение, окончившееся поражением Сайго; он был разбит и, с трудом избежав плена, бежал в Кагосима. Там еще некоторое время Сайго пытался сколотить новые силы для борьбы, но не имел успеха. Преследуя его, правительство подвергло Кагосима бомбардировке. Сайго был ранен и, не желая сдаваться в плен, попросил одного из вассалов отрубить ему голову, что тот и исполнил.

С обеих сторон было убито 60 тыс. и ранено 10 тыс. человек. Это показывает, что борьба была весьма кровопролитной. Разгром Сайго свидетельствовал о боеспособности армии, составленной в основном из призывных солдат.

Феодальные элементы в правительстве, хотя они и боролись против Сайго (часть их, несомненно, втайне сочувствовала мятежникам), были чрезвычайно озабочены тем, что самурайство не оправдало своей воинской репутации в этой войне. Многие были особенно недовольны тем, что буржуазия требовала ускорения реформ на основе своей победы.

Одним из последствий ликвидации самурайского мятежа была некоторая разрядка во внешнеполитических отношениях Японии, в частности с Кореей и Китаем.

Несколько раньше (в 1875 г.) было подписано соглашение с Россией, окончательно установившее статус Сахалина и Курильских островов. Курильские острова признавались японскими, а Сахалин русским. Следует отметить, что близость царской России на севере внушала сильнейшую тревогу в Японии. Признание Сахалина русской территорией расценивалось как дипломатическое поражение.

РАЗВИТИЕ ЯПОНСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Буржуазные реформы продолжались, хотя бюрократия всячески сужала их объем. Экономическая сила буржуазии превращалась в политическую. Поражение сацумского контрреволюционного мятежа вызвало ряд актов отчаяния со стороны феодально-самурайских элементов, выразившихся в террористических действиях. В 1878 г. одним из самураев был убит Окубо, один из виднейших деятелей революции 1868 г., известный как сторонник последовательного проведения буржуазных реформ в Японии.

Убийство Окубо не могло остановить реформ, они продолжались и шли по самым разнообразным руслам.

Буржуазия оформляла и укрепляла наиболее близкие ей «собственные» учреждения. Были созданы биржа и торгово-промышленные палаты в Токио и в Осака. Целый ряд законов был принят в отношении регулирования денежной системы, которая по наследству от токугавского периода находилась в хаотическом состоянии.

Однако основная политическая борьба разгоралась не вокруг этих экономических реформ, а вокруг вопроса о введении конституции. Уже при оглашении императорской клятвы 1868 г. либералы истолковывали туманные заявления императора как прямое обещание конституции и парламента. Правительство считало возможным поддерживать эти надежды и время от времени выступало с декларациями по этому вопросу. Так, например, при открытии генроина (сената) в императорском рескрипте 1875 г. было указано, что это является лишь шагом к последующему развитию представительных начал в стране. Но дальше деклараций на первых порах дело не шло. Даже генроин, который был основан на принципе разделения властей и должен был представлять законодательную власть, на деле оказался лишенным даже права законодательной инициативы. Он являлся сугубо бюрократическим законосовещательным учреждением, где обсуждались различные правительственные мероприятия, но окончательное решение никогда не принималось. Правительство лишь принимало к сведению то или иное мнение, высказанное в сенате.

В 1878 г. правительство сделало еще одно обещание: созвать префектуральные собрания и ввести местное самоуправление. Правительство заявило, что эти собрания будут первой ступенью к последующему введению парламента. Официально указывалось, что народ «слишком неграмотен», «темен», и поэтому «до парламента еще не дорос», но постепенно будут вводиться некоторые представительные учреждения, начиная, в частности, с префектуральных собраний.

Под лозунгами борьбы за ускорение созыва префектуральных собраний развернулась деятельность различных идеологов буржуазии. В особенности на местах, в провинциальных городах Японии, стали одни за другими возникать всевозможные «ассоциации» и

политические клубы, создававшиеся местными купцами, промышленниками, адвокатами. В этих клубах постоянно произносились речи о необходимости ускорить созыв префектуральных собраний.

Еще до сацумского восстания появились первые прообразы политических партий Японии: так называемая айкокуто, или «патриотическая партия», которая была создана в 1873 г., и организация рессися, или «ассоциация целеустремленных», образованная позднее, в 1874 г. Эти организации, однако, не имели особенного успеха. По существу это были не партии, а количественно очень незначительные группировки вождей буржуазии и помещиков, похожие на клубы, где вырабатывались платформы будущих требований, предназначенных для предъявления правительству. Во главе рессися стоял Итагаки, который после осакского совещания 1874 г. вошел в правительство. На совещании губернаторов, состоявшемся в 1875 г., Итагаки и Кидо подняли вопрос о том, можно ли ускорить введение выборного начала при реорганизации государственных органов, в частности, можно ли ускорить открытие префектуральных собраний. Итагаки предлагал при конструировании сената хотя бы частично осуществить выборное начало, конечно, с соблюдением солидного имущественного ценза при выборах. Губернаторские совещания, однако, не оправдали надежд Итагаки и других представителей оппозиции: в большинстве случаев губернаторы на местах боялись реформ не меньше, чем представители реакционных элементов в центре. Совещания высказались против введения выборного начала на данном этапе.

Некоторое время Итагаки пытался еще бороться внутри правительства, но, убедившись в том, что сопротивление очень сильно, он в 1875 г. вышел из состава правительства.

Именно с этого времени начинается развертывание широкого общественного движения за введение избирательных прав и за установление представительных форм правления. Выход Итагаки из правительства положил начало оформлению широкого буржуазного движения за парламентаризм, и именно в этот период закладывается фундамент будущих политических партий японских помещиков и капиталистов.

Это оппозиционное движение получило впоследствии название минкен ундо, т. е. движение за народные права. Оно охватило не только буржуазию, но и некоторые самурайские элементы.

Надо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о крупной буржуазии, которая все же стояла близко к правительству, а о средней и мелкой, которая была особенно недовольна засилием бюрократии и раздражена тем, в частности, что отдельные крупные фирмы, пользовавшиеся особой милостью правительства, наживались при прямом содействии бюрократического аппарата. Огромную роль в движении играла буржуазная интеллигенция, не находившая себе достаточного применения в Японии из-за общей отсталости страны и слабого развития промышленности. Самурайские элементы, которые участвовали в этом движении, выступали часто очень радикально. Источником этого радикализма было разорение самурай-

ства, его деградация, деклассирование. Нападая на бюрократическое правительство, самураи часто доходили в своей критике до отрицания всего режима.

Одним из лозунгов минкен ундо был лозунг борьбы с так называемым «клановым» правительством.

Правительству ставили в вину, что оно состоит из бюрократии по преимуществу чисто феодального происхождения. Это обвинение основывалось на том, что большинство министров являлось выходцами из двух кланов, Сацума и Тёсю. Лозунг борьбы против засилия Сацума и Тёсю приобрел популярность и широчайшее распространение не только среди буржуазных элементов, но также среди самурайства других кланов, которые по тем или иным причинам считали себя обиженными, будучи лишены тех привилегий, которыми пользовались выходцы из Сацума и Тёсю.

Минкен ундо на первых порах оставалось весьма ограниченным буржуазно-либеральным движением. Лишь позднее — в 80-х годах — внутри минкен ундо оформилось левое крыло, включавшее наиболее радикальную часть мелкобуржуазной интеллигенции, а затем и отдельных представителей рабочих. Основная задача минкен ундо на первом его этапе заключалась в том, чтобы толкать бюрократическое правительство по пути ускорения и дальнейшего проведения буржуазных реформ.

Идейным вождем либерального движения считался Фукудзава Юкити. Фукудзава формально не был политиком, он был литератором, педагогом, отчасти философом. Но его печатные выступления и, в особенности, его преподавательская деятельность были ярко выраженной агитацией в пользу самоутверждения буржуазной Японии, в пользу ликвидации всяких рогадок, препятствующих последовательному буржуазному развитию Японии. Фукудзава организовал школу в Мита, получившую впоследствии большую известность. Эта школа, реорганизованная позднее в институт, наряду с обучением всевозможным прикладным наукам воспитывала в слушателях преклонение перед принципами буржуазного индивидуализма, «свободы личности», «индивидуальной воли» и т. д. Фукудзава лично читал лекции в этой школе. Основным содержанием этих лекций являлся призыв к утверждению основ индивидуализма в японской жизни. Фукудзава считал, что источником устойчивости феодальных пережитков в Японии являлась сила сословных и клановых связей. Поэтому, чтобы ниспровергнуть феодализм, нужно разрушить эти связи и основное внимание уделить развитию свободы личности, раскрепощенной от всяких сословных и клановых уз. В своих работах Фукудзава выдвигал три основных тезиса: 1) «просвещение для всех», 2) «равенство всех», 3) «воспитание личной независимости и свободной индивидуальности».

Первому тезису Фукудзава посвящена его основная работа «Гакумон во сусуме» («Призыв к знанию»). В этой своей работе Фукудзава в яркой публицистической форме излагает основы буржуазного либерализма, подчеркивая, что только личные способности чело-

века и его знания могут служить основанием для выделения этого человека и возвышения его в сравнении с другими.

Бюрократические правительства весьма косо смотрели на Фукудзаву и много раз пытались приостановить или хотя бы ограничить его деятельность, но это им не удавалось. Фукудзава был человеком весьма осторожным и умело облекал свои мысли в абстрактно-философскую форму. Он не пытался сам делать политических выводов из своей философии, предоставляя это своим многочисленным ученикам.

Минкен ундо вызвало с самого начала противодействие со стороны бюрократического правительства. В 1875 г. в Японии был опубликован реакционный закон о печати, который устанавливал свирепую полицейскую цензуру в отношении всех выходивших газет, книг и журналов.

Развитие японской прессы было тесно связано с политическим ростом буржуазии. Первые газеты в Японии появились еще накануне революции 1868 г. Еще в 1861 г. голландцами издавалась так называемая «Батавия Симбун», которая представляла собой сводку европейской прессы на японском языке для сёгуна и его чиновников. В 1864 г. была организована газета «Симбунси», в которой, кроме переводов из европейской прессы, печаталась хроника местной японской жизни. Тираж этой газеты не превышал ста экземпляров.

После революции 1868 г. одним английским миссионером стала издаваться газета «Банкоку Симбунси» с тиражом уже около двух тысяч экземпляров. Через год англичанин Хартли основал другую газету, «Какоку Симбун». Эта газета попыталась впервые поставить газетную информацию на службу новому режиму и помещала статьи, осуждавшие сёгунат и прославлявшие новый режим. Эта газета в отличие от предыдущих печаталась типографским путем: до этого все газеты в Японии печатались на деревянных досках. Однако «Какоку Симбун» не имела большого распространения и спустя два года была закрыта. После этого начали постепенно появляться газеты, издававшиеся японцами. Большинство этих газет имело чрезвычайно маленький тираж и выходило не ежедневно, а раз-два в неделю. Кроме статей и информации, эти газеты имели обычно официальный отдел, в котором печатались правительственные распоряжения. Когда одна из этих газет впервые в Японии попыталась стать в оппозицию к правительству и стала помещать передовицы, составленные в духе притязаний буржуазии, требовавшей реформ, то правительство почти немедленно арестовало редактора и закрыло газету.

В 70-х годах в Токио насчитывалось около 30 газет. Каждый политический лидер считал своим долгом иметь собственную газету, где излагалась бы его «оригинальная» политическая теория. В числе этих газетных предпринимателей выступали также Итагаки, Гото, Окума, пытавшиеся возглавить оппозиционное движение и оказать давление на правительственные круги. В 1872 г. создается впервые полуправительственная газета «Токио Ници-Ници». Эта

газета по внешности приближалась уже к газетам европейского типа. Она регулярно печатала художественные произведения, романы с нескончаемыми продолжениями, с тем чтобы заинтересовать читателей и приобрести устойчивый тираж. В том же 1872 г. появляется газета «Хоци». Первоначально «Хоци» печатается с расчетом на более широкий круг читателей, не иероглифическим текстом, а слоговой азбукой (каной). Однако это не прививается, и «Хоци» вскоре переходит на иероглифический шрифт. В 1874 г. издается газета «Иомиури». Эта газета воздерживается от всяких политических высказываний и с самого начала приобретает литературный уклон. В условиях Японии того времени это неизбежно придавало газете бульварный характер. Она помещала всевозможные сенсационные статьи, посвященные уголовным процессам и всевозможным скандалам в «свете».

Первая крупная газета, быстро завоевавшая большой тираж, — «Осака Майници» — была создана в 1879 г. Эта газета попала в руки чрезвычайно ловкого предпринимателя Мураяма, который оставался владельцем этой газеты вплоть до недавнего времени.

Японская пресса в первое время включилась в либеральное движение, в частности, в борьбу за конституцию. Однако это участие в оппозиционном движении носило ограниченный характер вследствие постоянных репрессий со стороны властей. В 80-х годах аресты редакторов стали принимать массовый характер. Так же, как и в царской России, появился институт фиктивных редакторов, которые должны были отсиживать сроки тюремного заключения за нарушение редакцией цензурных постановлений. Японская полиция, однако, раскусила этот трюк и стала подвергать арестам не только редакторов, но и издателей газеты, конфискуя их имущество.

Общественная активность и оппозиционность японской буржуазии чаще всего находили свое выражение в организации политических клубов и собраний. Видные политические деятели систематически совершали гастрольные поездки по провинциальным городам, создавая там объединения единомышленников.

К 1880 г. было организовано 27 местных крупных политических объединений, выступавших под лозунгом борьбы за созыв парламента и насчитывавших около 90 тыс. участников. В 1880 г. в Осака состоялся съезд этих местных ассоциаций, на котором было решено слить все эти организации под общим названием «Коккай кисей домейкай» (союз сторонников парламента).

Правительство было крайне раздражено этим съездом и поспешило ответить репрессиями. Был издан специальный закон, поставивший политические собрания под надзор полиции. Все собрания, всякие речи на политические темы должны были проходить соответствующую цензуру и произноситься в присутствии полицейского чиновника.

Пуская в ход репрессии, «клановые» правительства все же должны были учитывать настроения оппозиции. На всем протяжении борьбы за парламентаризм в Японии тактика правительства состояла из

сочетания репрессий и некоторых частичных уступок. Однако каждая такая уступка непременно изображалась не как вынужденный акт, совершенный «под давлением низов», а как добровольное «соизволение» императора и его правительства. Бюрократия чрезвычайно заботилась о неприкосновенности своей власти и о сохранении своего престижа.

В 1880 г. вошел в силу закон 1878 г. о созыве префектуральных собраний. Были впервые проведены выборы в эти собрания. Кроме того, в порядке осуществления очередных буржуазных реформ, а также для того, чтобы укрепить позиции правительства в переговорах с иностранными державами о пересмотре неравноправных договоров, была произведена реорганизация системы судопроизводства. Были составлены, в частности, новый уголовный кодекс и новый уголовно-процессуальный кодекс, в основу которых были положены буржуазные юридические образцы европейских стран. Основными консультантами при составлении новых кодексов в Японии выступали французские юристы.

Переговоры, которые велись по вопросу о пересмотре договоров с иностранными державами, постоянно упирались в вопрос о том, насколько Япония «созрела» для отмены экстерриториальности иностранцев. Чтобы отвести все юридические возражения иностранных дипломатов, нужно было создать суд, основанный на буржуазном праве и способный полностью удовлетворить иностранцев.

Темпы осуществления реформ, однако, не удовлетворяли японскую буржуазию.

В 1881 г. произошел инцидент, в результате которого японское правительство оказалось ослабленным вследствие выхода из его состава Окума Сигенобу.

Окума был единственным из тесно связанных с буржуазией политических деятелей, продолжавшим оставаться в составе правительства. Будучи рупором фирмы Мицубиси, Окума являлся политическим представителем японской крупной буржуазии и отличался гораздо большей осторожностью в политических вопросах, чем Итагаки, который представлял главным образом сельскую буржуазию («новых» помещиков). Большой консерватизм Окума, отражавший настроения крупной буржуазии, был связан с тем, что эта буржуазия с самого начала деятельности «мэйдзийского» правительства сумела установить хорошие отношения с чиновничеством, получала выгодные казенные заказы и не имела повода жаловаться на произвол реакционной бюрократии. Окума стремился поэтому к повышению удельного веса буржуазии в правительстве, не видоизменяя существенным образом установившегося политического режима в целом. Окума считал, в частности, что Японии нужен бюрократический режим «в сопровождении» ограниченного в правах парламента, который являлся бы лишь дополнением к абсолютизму, но не служил бы для него помехой.

Поводом к уходу Окума из состава правительства явился скандал, который произошел из-за взяток и казнокрадства большого масштаба в департаменте, ведавшем вопросами колонизации острова

Хоккайдо. Это дело получило необычайно большую огласку. Всех служащих департамента пришлось устранить и многих высших чиновников предать суду. Окума также решил уйти в отставку в связи с тем, что один из его ближайших подчиненных, работавший в департаменте, также оказался замешанным в злоупотреблениях.

Выйдя из правительства, Окума в подражание Фүкудзава основал частную школу, существующую до сих пор и известную под именем университета Васэда. Будучи крупным организатором, Окума разъезжал по всей Японии, произнося весьма энергичные речи, учреждал местные газеты и пытался создать себе положение лидера оппозиции, стоящего, однако, на строго легальных позициях, вполне лояльного по отношению к монархии.

Возбуждение, вызванное коррупцией бюрократии, обнаружившейся в связи с колонизацией Хоккайдо, было настолько велико, что правительство стало искать выхода из создавшегося положения. Чтобы успокоить общественное мнение, правительство опубликовало 12 октября 1881 г. императорский рескрипт, в котором было прямо сказано, что в 1890 г., т. е., примерно, через десять лет, будет открыт парламент.

Это было первое реальное завоевание движения минкен ундо. Правда, правительство и на этот раз осталось верным своим принципам и одновременно с обещанием созыва парламента издало новый полицейский закон, на основании которого власти должны были еще сильнее прижимать оппозицию. Но все же оппозиция добилась своего.

Императорский рескрипт от 12 октября 1881 г. представлял собой пространную декларацию, излагавшую последовательно историю всех правительственных мероприятий в направлении осуществления принципов парламентаризма в стране. Правительство ставило себе в заслугу «постепенное» создание условий для дальнейших реформ. Рескрипт указывал, что сперва был создан генроин в 1875 г., затем префектуральные собрания в 1880 г., и теперь император «счел возможным» поручить министрам подготовиться к созыву парламента в масштабе всей страны. Характерно, что правительство в этом рескрипте сделало весьма серьезную оговорку о том, что император «оставляет за собой право решать вопрос», в какой мере его прерогативы могут быть ограничены или связаны парламентом и в какой форме будет создан новый парламент. Иначе говоря, этот документ устанавливал, что хотя парламент и будет «дарован» через десять лет, но и тогда хозяином останется абсолютная монархия.

Во исполнение указания о подготовке к предстоящему открытию парламента Ито Хиробуми получил приказание императора выехать за границу для изучения конституционной практики в других странах. Он выехал из Японии в 1882 г. и посетил ряд европейских стран и США. По его возвращении начала работать комиссия под его председательством, составившая первый проект японской конституции. Интересно отметить, что этот первый проект отличался гораздо большим либерализмом, чем окончательный проект, при-

нятый и утвержденный впоследствии, в 1889 г. Повидимому, опыт борьбы с оппозиционными течениями и особенно зарождение рабочего движения в 80-х годах заставили Ито и его советников отказаться от проведения в конституцию даже самых умеренных и ограниченных буржуазно-демократических начал.

В октябре 1881 г. возникла первая политическая партия в Японии — дзюто (либеральная партия). Во главе этой партии стал Итагаки, который стремился придать ей совершенно легальный характер. Итагаки объяснял необходимость создания партии тем, что, поскольку «сам» император обещал парламент, следовательно, должна быть и партия, чтобы воспитать в народе парламентские традиции и подготовить общественное мнение к правильному восприятию будущих конституционных начал. Тем не менее, несмотря на чрезвычайно легалистский характер дзюто, правительство было недоволено ее деятельностью и на первых же порах существования партии у нее возникли серьезные трения с властями. Эти трения начались с пустяка: партия не была сразу же зарегистрирована в полиции, и на этом основании правительство отказалось признать ее законной. Началась длительная переписка между департаментами и руководством дзюто, в результате которой партия была легализована лишь в июле 1882 г.

Следующая декларация дзюто, опубликованная одновременно с извещением о ее создании, дает полное представление о сверхумеренных идеалах этой партии:

«1) Наша партия стремится к осуществлению свободы, гарантии прав, распространению благоденствия и к реформам общества. 2) Наша партия ожидает утверждения совершенной конституционной формы правления. 3) Наша партия стремится к достижению своих целей в единении с теми, кто обладает принципами, совпадающими с принципами нашей партии».

С самого начала в дзюто был принят принцип строгой централизации руководства. Президентом партии был Итагаки, у которого было четыре заместителя. Президент партии был не только политическим лидером, но и фактическим хозяином организации, поскольку он ведал всеми ее финансовыми делами.

Хотя Итагаки сам никогда не собирался вступать в острый конфликт с правительством, в местных организациях партии дзюто довольно скоро оформилось сильное антиправительственное течение, выступавшее временами весьма радикально. В состав дзюто входили представители средних слоев буржуазии, интеллигенция (в весьма большом количестве), мелкие помещики и даже небольшая прослойка богатого крестьянства. Социальная окраска дзюто была такова, что на первом плане находились землевладельцы, главным образом, мелкие помещики, а городские буржуазные элементы занимали в ней второе место. Поэтому среди практических требований дзюто видную роль играло требование снижения земельного налога. В памфлетах дзюто правительству постоянно бросалось обвинение в том, что оно грабит народ посредством высокого земельного налога.

В 1882 г. группой реакционеров было совершено покушение на жизнь Итагаки. Это подлило масло в огонь. Либеральное движение стало еще более популярным. Всеобщее распространение получил лозунг: «Итагаки может умереть, но свобода не умрет!».

В 1882 г. появилась вторая политическая партия оппозиции — кайсинто или риккен кайсинто (конституционная партия реформ). Кайсинто была уже партией явно городского, буржуазного типа. Вождями ее являлись Окума, Одзак (Юкио) и другие представители крупной буржуазии. Программа кайсинто отличалась большей конкретностью и «солидностью» в буржуазном смысле этого слова, перечисляя законопроекты, принятие которых следовало ускорить: реформа денежной системы, организация банков, поощрение внешней торговли и т. д.

В том же 1882 г. организовалась и третья партия — риккен тейсейто (конституционная имперская партия). Эта партия носила полуправительственный характер и была создана по инициативе правительственной бюрократии, не желавшей оставаться в полной изоляции и пытавшейся создать себе самостоятельную общественную опору. В состав этой партии входили в основном чиновничество и близкая к нему часть интеллигенции. Тейсейто выдвинула программу, направленную к тому, чтобы внушить доверие к абсолютистскому правительству. Упомянув для видимости о буржуазных «свободах», программа тейсейто признавала лишь «свободу собраний и печати, совместимую с общественным спокойствием».

В 1882 г. было создано и подобие первой социалистической партии Японии. Таким подобием явилась так называемая тойо сякайто (восточная социальная партия), созданная группой интеллигентов во главе с Таруи Токити.

Несмотря на свой легалистский характер и христианско-толстовскую программу, эта партия была разгромлена через несколько часов после своего оформления.

Наряду с упомянутыми столичными партиями возникло много мелких провинциальных партий. Все они копировали столичные партии, питаясь из центра идеями и даже средствами, и назывались обязательно риккен, т. е. конституционными, желая этим показать, что они стремятся к установлению конституции.

Политические партии и клубы, однако, не приобрели достаточно широкого политического развития. Подлинных условий для развертывания даже буржуазной политической активности в Японии не существовало. В 1882 г. был издан закон, ставивший под удар всякую общественную деятельность. Согласно этому закону, полиция получила право не только просматривать списки членов политических ассоциаций, но и вычеркивать из этих списков неугодных ей лиц. Таким образом политические партии не могли объединять даже своих собственных единомышленников, если это шло вразрез с намерениями властей. Правительство запретило также устраивать объединенные собрания различных партий, опасаясь, повидимому, создания объединенного блока этих партий. Наконец, правительство запретило иметь филиалы партий на ме-

стах, в силу чего местные объединения дзюто должны были функционировать на правах самостоятельных партий и соответственно проходить всю сложную процедуру полицейской регистрации.

Не удовлетворяясь чисто административными мерами борьбы с оппозицией, правительство широко применяло и провокационные методы. Поскольку Окума и Итагаки были наиболее видными фигурами в лагере оппозиции, правительство постоянно пыталось, и небезуспешно, перетянуть кого-либо из них на свою сторону. Одновременно оно стремилось поссорить Окума с Итагаки. Для достижения этой цели решено было подкупить Итагаки, командировав его за государственный счет в Европу для «изучения иностранных государственных систем». Поездку Итагаки за счет правительства, естественно, нельзя было скрыть от рядовых участников оппозиционного движения. Сообщение об этой поездке вызвало резкое недовольство и способствовало разложению партии дзюто — сильнейшей оппозиционной партии, — чего и добивалось правительство¹.

Ослабление партий в результате их внутреннего разложения и полицейских репрессий привело к тому, что более радикально настроенные элементы оппозиции стали выступать особняком, изолированно от партий. В 1883 и 1884 гг. произошел ряд антиправительственных выступлений, частью самурайских, частью вполне «плебейских», переплетавшихся с аграрным движением арендаторов.

В 1883 г. произошло сравнительно крупное антиправительственное выступление этого типа в префектурах Гумма и Осака. Радикальные самурайские круги в этот период пытаются снова играть на внешнеполитических моментах и делают попытки вызвать конфликт Японии с Кореей, с тем чтобы втянуть страну в войну и поколебать положение правительства. Организаторы выступления прямо указывали, что если будет война, то правительство вынуждено будет срочно созвать парламент. Конфликт грозил серьезными осложнениями, так как в него оказались вовлечены отдельные воинские части, и правительству с большим трудом удалось предотвратить их выступление.

Борясь с оппозицией, правительство не прекращало работы по составлению конституции. Руководитель конституционной комиссии Ито, будучи типичным представителем обуржуазившегося дворянства, оказался фанатичным поклонником юнкерской Германии. Ито сам признавал, что из своих заграничных странствований наибольший опыт для заимствования он приобрел в Германии. Вернувшись из Европы, Ито восторгался Бисмарком и всей системой прусской монархии. Полицейско-бюрократическая система управления Германии, сохранение феодальных начал с одновременным

¹ В этот период программные различия между тремя основными политическими партиями, существовавшими в Японии, кратко формулировались так: дзюто считает, что суверенитет должен принадлежать народу, кайсянто считает, что суверенитет должен принадлежать поровну монархии и парламенту, тейсейто утверждает, что суверен это император, а парламент это только прикрытие.

утверждением буржуазии как важнейшей экономической силы — все это показалось Ито чрезвычайно подходящим для перенесения на японскую почву. В протоколах комиссии Ито и в его выступлениях особенно подчеркивалось, что Японии необходим «приличный» парламент, сильная бюрократическая власть и что нужно непременно изобразить императора источником конституции, добровольно «дарующим» ее народу. Ито специально старался, чтобы ни у кого из подданных ни в коем случае не создалось впечатление, что народ сам вырвал у императора конституцию. Конституция, по проекту Ито, должна была быть сформулирована таким образом, чтобы все чувствовали, что император, «даровавший» конституцию, в любое время может и отобрать ее.

В качестве одной из мер подготовки к принятию конституции Ито провел создание титулованной аристократии в Японии. После революции 1868 г. все прежние феодальные князья занимали высокие должности в государстве, но титулов не носили. Ито, став министром двора, решил, что нужно создать «приличную» аристократию, которая сможет послужить базой для будущей верхней палаты в парламенте. Была создана специальная комиссия, которая определила «квалификацию» бывших феодалов и крупных чиновников, намеченных к получению наследственных титулов. В результате 500 человек получили титулы: князей — 12, маркизов — 24, графов — 74, виконтов — 321, баронов — 69. Почти все они были бывшие даймьё и кугэ, а также высшие чиновники, часть которых успела выдвинуться из рядов самурайства уже в послереволюционный период. Сам Ито получил титул графа. Оппозиционные лидеры, в частности, Итагаки и Окума, были «наказаны» и не получили никаких титулов. Лишь гораздо позднее, когда оба они отказались от оппозиции, их сделали графами.

В 1885 г. в Японии была проведена важная административная реформа: был создан кабинет министров по европейскому образцу. Ито хотел, чтобы премьер-министр имел полномочия, соответствующие власти канцлера Германии. Все его важнейшие административные мероприятия были навеяны прусскими образцами.

Одновременно с созданием кабинета министров была введена специальная должность главного консультанта императора по важнейшим политическим вопросам — хранителя императорской печати (найдайдзин). Кроме того, была создана должность министра двора, который занимается дворцовыми хозяйственными делами, не входит в кабинет министров и остается формально «вне политики». Все остальные министерства оставались такими же, какими были прежние департаменты. Было лишь дополнительно учреждено министерство торговли и промышленности.

Одной из радикально звучавших реформ, проведенных Ито, было установление экзаменов для определения пригодности чиновников к занятию новых должностей. Эта мера была своего рода уступкой оппозиции, потому что, нападая на правительство, оппозиция и, в частности, дзюто постоянно упрекали его в том, что оно руководствуется персональными связями и симпатиями при назна-

чении чиновников. На деле, однако, этот закон об экзаменах не получил широкого применения и постоянно нарушался и обходился всякими способами.

В 1886 г. в Японии была проведена крупная реформа денежного обращения. Это также представляло собой по существу выполнение одного из требований, формулированного оппозиционной партией кайсинто. Право эмиссии было окончательно закреплено за центральным японским государственным банком, получившим монопольное право выпуска денег. Одновременно общее число казенных банков было резко сокращено и был установлен порядок постепенной замены всех ранее циркулировавших банкнот.

Это мероприятие было прямо связано с известными сдвигами в общей экономике страны. Значительно вырос частный капитал. В 1880 г. выплаченный капитал государственных банков в Японии составлял 43 млн. иен, частных банков — 6 млн. иен. В 1887 г. выплаченный капитал государственных банков составлял 45 млн. иен, а частных — 18 млн. иен. Это свидетельствует о быстром темпе роста частного капитала. В дальнейшем, особенно после японо-китайской войны, доля капитала частных банков вырастает еще более значительно и окончательно перегоняет капитал государственных банков.

В том же 1886 г. на авансцену политической жизни Японии снова выдвигается проблема борьбы за отмену неравноправных договоров. Настойчивые усилия правительства добиться отмены экстерриториальности иностранцев наталкиваются на сопротивление иностранных держав, что вызывает сильнейшее недовольство в стране. Неудачу усилий правительства буржуазная оппозиция стремится использовать для того, чтобы доказать его слабость и неспособность. Таким образом, внешнеполитический вопрос приобретает крупнейшее внутривнутриполитическое значение. В сентябре 1886 г. в Токио устраивается нечто вроде конференции политических организаций и клубов по вопросу об отмене неравноправных договоров. Эта конференция принимает резолюцию, которая ставит правительству в вину, что оно до сих пор не может покончить с этой проблемой.

Критика правительства за неудачу его внешнеполитических выступлений принимает настолько широкие размеры, что она опрокидывает все рамки, допускаясь цензурой и полицейскими «правилами». Министр иностранных дел Иноуэ должен был выйти в отставку. Это был первый случай в Японии, когда министр оказался вынужденным уйти под давлением общественного мнения.

Нужно сказать, что первая попытка добиться пересмотра договоров была сделана еще в 1872 г., когда в Европу и Америку с соответствующей миссией был послан Ивакура. Однако из этой поездки ничего не получилось. Ряд последующих попыток в этом направлении также оказался обреченным на неудачу; начиная переговоры, японское правительство каждый раз наталкивалось на отказ со стороны держав.

В 1887 г. правительство пытается создать международную кон-

ференцию по вопросу о пересмотре договоров, но и на этот раз ничего конкретного достигнуть не удастся. Державы отказываются пересматривать договоры. Правительство оказывается в критическом положении. Внутри страны создается так называемая дайдосёй данкецу, представлявшая собой объединение самых различных политических организаций на общей платформе борьбы против правительства, не умеющего добиться отмены неравноправных договоров.

Правительство ответило на это усилением репрессий. 25 декабря 1887 г. был издан закон об охране общественного порядка. Полиция получила еще новые дополнительные права и полномочия. Все общественные организации были запрещены. В Токио было введено осадное положение, и в течение одного дня было арестовано 500 человек. Через три дня был издан новый, еще более свирепый закон о печати, давший возможность выходить лишь правительственным или абсолютно лояльным полуправительственным органам.

Эти репрессии вызвали попытку со стороны части оппозиционного движения уйти в подполье. Возникает ряд тайных ассоциаций, ставивших своей целью борьбу с деспотизмом правительства заговорческими средствами. Характерно, что в этих организациях большое хождение имели лозунги раннего русского народничества. Имя Желябова, как образцового заговорщика, постоянно фигурировало в документах деятелей японских тайных обществ. Однако особенного развития эта подпольная активность буржуазной оппозиции не получила. В 1889 г. была объявлена конституция, и буржуазия почти целиком переключилась на легальные формы борьбы за власть.

Параллельно с ростом буржуазии происходил количественный и качественный рост японского рабочего класса.

Уже в 70-х годах было зарегистрировано несколько самостоятельных выступлений японских рабочих против капиталистической эксплуатации. Первым зарегистрированным выступлением японских рабочих считается выступление горняков в шахте Такасима в 1872 г. Эта шахта принадлежала англичанам-концессионерам. 200 рабочих шахты выдвинули требование улучшить их материальное положение, повысить зарплату и, что весьма характерно для того времени, придали своему выступлению антииностранную окраску. Рабочие выступили под лозунгом: «Против предпринимателей и против иностранцев». Англичане потребовали у правительства вооруженной охраны против забастовщиков. Охрана была дана, и выступление рабочих-горняков было беспощадно подавлено.

Следующее довольно крупное выступление японских рабочих произошло на той же самой шахте, спустя шесть лет, в 1878 г. Имеется письмо Окубо к Ито, в котором тот выражал беспокойство в связи с этим рабочим выступлением и просил принять меры административно-полицейского «воздействия».

Следующими по времени зарегистрированными выступлениями рабочих считаются: выступление текстильщиков в Курумэ в 1881 г.,

выступление деревообделочников в Вакаяма и забастовка женщин-текстильщиц в Яманаси в 1886 г. Мотивом последнего выступления явилось снижение зарплаты работницам до 10 сен в день и введение пятнадцатичасового рабочего дня. В этой забастовке участвовало свыше 100 женщин, которые собрались в храме и заявили, что не уйдут из него до тех пор, пока не будут полностью удовлетворены их требования. Эта первая женская стачка оказалась успешной, так как требования бастовавших были частично удовлетворены.

Мы уже указывали, что в 1882 г. была организована партия тойо сякайто. Эта партия стояла, однако, в стороне от рабочего движения. В 1882 г. появилась партия, носившая название тойо гюфу то (восточная партия рыбаков). Эта партия имела кое-какие связи с матросами-рыбаками, но находилась целиком во власти патриотических настроений и носила узко цеховой характер.

В 1881 г. в Токио был организован первый союз рабочих государственных предприятий, объединивший 600 человек. Союз этот вскоре был запрещен полицией. В 1884 г. была сделана попытка образования союза печатников. По инициативе двух рабочих-мастеров Икеда и Сакума, работавших в типографии, были собраны рабочие-печатники нескольких предприятий и с ними проведено собеседование о том, что рабочим нужно держаться вместе и тогда они смогут бороться против капиталистов. Еще через три года была сделана попытка создать союз металлистов, не приведшая, однако, к серьезным результатам.

О численности японского пролетариата в этот период дают представление следующие цифры: в 1886 г., по официальной статистике, насчитывалось 112 789, а в 1889 г. — уже около 300 тыс. промышленных рабочих. Рабочий вопрос начинал уже серьезно беспокоить господствующие классы Японии. Правительственные инструкции губернаторам и другим представителям власти на местах настойчиво указывают на необходимость «наблюдения» за «протонародьем».

Продолжавшиеся административные реформы, несмотря на конституционные обещания, целиком направлялись на дальнейшее укрепление монархической бюрократии.

В 1886 г. был создан тайный совет (сумицуин) — высший бюрократический орган, существующий до настоящего времени. Будучи формально сконструирован как совещательный орган при императоре, сумицуин фактически играл гораздо большую роль, оказывая давление не только на парламент, но очень часто и на правительство. Специальной задачей, поставленной в 1886 г. перед тайным советом, было окончательное утверждение проекта конституции.

В 1888 г. были проведены последние перед принятием конституции административные реформы на местах: окончательно были уточнены границы префектур и уездов. Были установлены три специальные городские префектуры в Токио, Киото и Осака под названием фу. Все остальные префектуры получили название кен, в состав которых входили си (города) и гун (уезды). Гун делился

на тию (поселки) и сон (деревни или села). В каждой префектуре создавались выборные органы местного самоуправления: префектуральные собрания, выделявшие свои президиумы. Такие же собрания меньшего размера создавались в тию и сон, только там собрания не выделяли своих президиумов, а руководились сонтио — мэрами или сельскими старостами. Префектуральные собрания составлялись из 30 человек, если в префектуре было не свыше 700 тыс. человек населения. Каждые последующие 50 тыс. человек давали право еще на одного депутата. Городские собрания составлялись в количестве от 30 до 60 человек.

Все эти органы являлись по существу чисто совещательными инстанциями, находившимися под полным контролем у соответствующего губернатора. Видимость «самоуправления» на деле абсолютно не ограничивала произвола чиновников. Кроме того, при выборах во все эти местные органы требовались высокие имущественный и возрастной цензы.

11 февраля 1889 г. конституция была, наконец, опубликована.

Накануне самого момента опубликования конституции правительство попыталось, не сокращая объема полицейских преследований «крамолы», найти какой-то компромисс с лояльной верхушкой буржуазной оппозиции. С этой целью были начаты переговоры с Окума о новом вступлении его в правительство. В результате длительных торгов Окума согласился вступить в правительство и получил титул графа. Столковавшись с буржуазией, правительство развило бешеную энергию, чтобы не допустить никаких революционных выступлений масс. Министр внутренних дел князь Ямагата (впоследствии всесильный генро) перед опубликованием конституции разослал губернаторам специальную инструкцию, которая призывала полицейские власти «тащить и не пущать». Выдержки из этой инструкции гласят:

«Скоро состоится введение в действие конституции. Наступило время, когда мы ждем государственного расцвета. Но, с другой стороны, люди возбуждены спорами на политические темы, партии ссорятся между собой, возникают силы разрушения, подобные бушующим волнам... Население каждой деревни должно развивать благополучие своей деревни, население каждого уезда должно развивать благосостояние своего уезда... Теперь же как раз наоборот... В каждой деревне разгораются споры на центральные политические темы, и это используется политическими партиями. А если будет открыто поле для диспутов, то они разрастутся и окажут влияние на простой народ... В конце концов это сможет послужить причиной пагубного смещения центральных политических дел с вопросами местной администрации».

Церемониал провозглашения конституции был обставлен очень пышно. Император лично прочитал конституцию в тронном зале во дворце и в специальном рескрипте указал, что парламент будет созван 29 ноября 1890 г. Там же была повторена «клятва» 1868 г. в виде обращения к предкам «с обещанием» хранить древнюю форму управления. Это было заранее продуманным ходом со стороны пра-

вительства, которое стремилось продемонстрировать этим, что, несмотря на конституцию, ничто не меняется: источником власти остается император и сама эта власть попрежнему остается в его руках.

Появление на свет японской конституции 1889 г. было обусловлено тем, что в восьмидесятых годах уже подходил к концу процесс заложения основ японской промышленности капиталистического типа. В связи с этим усилились экономические позиции японской буржуазии, которая стремилась также усилить свое влияние на правительственный аппарат. Изменение социально-экономической структуры Японии в этот период требовало более тесного сотрудничества между полуфеодальными помещиками, занимавшими главные позиции в государственном аппарате монархии, и капиталистами. Поэтому японская монархия согласилась на введение конституции, послужившей своего рода документальным выражением политического равноправия и союза между полуфеодальными помещиками и капиталистами. По своему существу конституция 1889 г. не посягала на самодержавную власть японской монархии.

Японские капиталисты видели в лице полуфеодальной самодержавной монархии своего главного защитника и покровителя. Монархия постоянно субсидировала частную промышленность из государственных средств (за счет налогов, выжимавшихся из трудового населения), давала ей выгодные заказы, создавала вооруженный кулак (армию и флот) для завоевания колониальных рынков. Поэтому вполне естественно, что японские капиталисты удовлетворились кучей конституцией 1889 г., признававшей за буржуазией известные права, сохранив одновременно всю политическую власть в руках самодержавной монархии.

Японская конституция 1889 г., действующая и в настоящее время, с особой заботливостью ограждает неограниченную по сути дела власть императора. Конституция устанавливает, что императору принадлежит право утверждения законов, издания указов, обладающих силой закона, назначения и увольнения всех гражданских и военных должностных лиц, созыва и роспуска парламента, объявления войны и заключения мира, объявления осадного положения. Императору же конституция предоставляет право определять организацию и численность вооруженных сил. Он же является верховным командующим армией и флотом.

В японской конституции имеется глава «о правах и обязанностях подданных». Эта глава содержит в себе перечисление некоторых буржуазных свобод, пользование которыми должно быть, однако, совмещено с «обязанностями подданных». Но первая «обязанность» состоит в признании «права» императора отнять эти «свободы».

Статья 29 японской конституции гласит, что «японские подданные пользуются в установленных законом пределах свободой слова, печати, собраний и союзов». Но уже статья 31 предупреждает, что в военное время и в других чрезвычайных случаях все «свободы» зависят от императорского усмотрения.

Японский парламент, предусмотренный конституцией 1889 г., лишен возможности действительного контроля над правительственной политикой. Министры не несут ответственности перед парламентом. Даже если парламент отклоняет проект государственного бюджета, вносимый правительством, то это не должно повлечь за собой непременно отставку кабинета. Конституция, предусматривая подобный случай, предоставляет право правительству применять прошлогодний бюджет. В отношении издания законов правительство также в очень слабой степени зависит от парламента. Оно имеет право, используя соответствующие статьи конституции, издавать императорские указы, обладающие силой закона. Так как эти указы нуждаются лишь в последующем утверждении парламентом, то на практике может пройти очень много времени, пока они не будут отменены. Так как сессия японского парламента, согласно конституции, не может продолжаться более трех месяцев в году, то, следовательно, в течение остальных девяти месяцев могут бесконтрольно действовать императорские указы, обеспечивающие самодержавию полный произвол.

Одновременно с собственно «конституцией» были опубликованы некоторые другие законы, также имеющие конституционное значение, а именно: закон о парламенте, дающий точную регламентацию прав и функций нижней и верхней палат, закон о выборах в нижнюю палату, закон о финансовом контроле, закон, определяющий положение членов императорского дома. Все эти законы фактически входят в японскую буржуазно-помещичью конституцию.

Японский парламент был образован в составе двух палат. Верхняя палата была составлена из 1) принцев императорской фамилии, 2) титулованной аристократии: всех князей и маркизов и представителей от графов, виконтов и баронов, 3) депутатов по назначению императора за заслуги перед государством, 4) представителей императорской академии наук и 5) выборных представителей плательщиков налогов по высшей ставке, т. е. крупной буржуазии и крупных помещиков. Верхняя палата по своему социальному составу особенно выпукло представляла привилегированное положение в Японии полуфеодалного помещичьего землевладения, тесно спаянного с финансовой буржуазией и с монархической бюрократией. Вполне естественно, что депутаты верхней палаты с самого начала должны были явиться опорой самодержавия и не могли стать никакой помехой для бюрократических кабинетов, ежедневно нарушавших элементарные права широких народных масс Японии.

Избирательный закон о выборах в нижнюю палату устанавливал возрастной ценз в 30 лет для получения пассивного избирательного права и 25 — для активного избирательного права. Женщины были совершенно лишены избирательных прав. Имущественный ценз требовал от избирателей уплаты не менее 15 иен прямых налогов в год. Это исключало из участия в выборах огромное большинство даже мужской части населения. В первых выборах уча-

ствовало всего около 1% населения Японии. Избирательный закон предписывал также внесение высокого денежного залога за каждого баллотирующегося кандидата и строгое соблюдение ценза оседлости, представлявшего собой по существу своеобразное расширение имущественного ценза.

Несмотря на реакционный характер конституции 1889 г., за время, истекшее между ее опубликованием и открытием первого парламента в 1890 г., произошли многократные антиправительственные выступления реакционеров, недовольных даже этой куцей конституцией. Выступления эти, как и прежде, принимали подчас террористические формы. За чрезмерное «пристрастие» к европейской культуре был убит один из министров — Мори. В октябре 1889 г. было произведено покушение на Окума, занимавшего в этот период пост министра иностранных дел (в него была брошена бомба, в результате чего он лишился ноги).

В большинстве случаев инициаторами этих покушений являлись самурайские по своему составу, реакционные, полуфеодальные организации, в которых уже тогда видную роль играл Тояма Мицуру — один из основателей заслуживших впоследствии широкую известность черносотенных обществ «Глубокого (или черного) океана» и «Черного дракона»¹.

Тояма дожил до нашего времени и считается в современной Японии одним из идеологов японского фашизма.

Подготавливаясь к первым парламентским выборам, правительство прилагало особые усилия к тому, чтобы разложить и обезвредить для себя оппозиционные элементы. Основное внимание правительства было обращено при этом на то, чтобы добиться ослабления организации дайдо данкецу, представлявшей собой объединение оппозиции, выступавшей под старым флагом борьбы с клановыми правительствами. В результате целого ряда махинаций правительству удалось подкупить видных руководителей дайдо данкецу. Один из лидеров дайдо, Гото Сиодзиро, впоследствии крупнейший бюрократ, вышел из состава руководства этой организации и сам вступил в правительство. Вслед за ним в правительственный лагерь один за другим перебежали и другие видные представители оппозиции, получавшие в качестве компенсации за это хлебные должности в государственном аппарате, громкие титулы и даже министерские портфели.

В январе 1890 г. была восстановлена (после периода фактической ликвидации всех политических партий) партия дзюто. При ее активном участии были организованы специальные избирательные комитеты, которые должны были вести работу по разъяснению задач предстоявших парламентских выборов. Правительство очень косо смотрело на деятельность этих комитетов, но не закрывало их, рассчитывая другими путями достигнуть удовлетворительных для себя результатов голосования.

¹ Общество «Глубокого океана» (генйося) было основано в 1879 г., а общество «Черного дракона» (кокурюкаи) — в 1901 г.

Выборы состоялись 1 июля 1890 г. Они полностью оправдали правительственные расчеты. В результате последовательно проводившейся работы по разложению оппозиции в первом парламенте оказалось свыше десятка мелких политических группировок, причем большинство депутатов было вообще вне партий на положении так называемых «независимых».

Ни дзюто, ни кайсипто не удалось добиться ведущей роли в парламенте: «независимых» депутатов оказалось большинство. Это чрезвычайно облегчало правительству его маневры. 25 ноября состоялось торжественное открытие первого японского парламента. Председателем верхней палаты был назначен сам автор конституции, Ито. Ито лично возглавлял последовательно почти все высшие государственные учреждения Японии. На его долю выпадала задача «исprobования» тех государственных органов, которые он сам создавал.

Начало работ первого японского парламента происходило в обстановке укрепления буржуазии на фоне промышленного подъема, продолжавшегося с 1887 по 1890 г. За один только 1889 г. новые капиталовложения в Японии составляли 72 млн. иен, в том числе 50 млн. иен приходилось на промышленность. Это в 10 раз превышало капиталовложения 1886 г. Интенсивно развивалось железнодорожное строительство. В июле 1889 г. в городе Нагоя состоялось празднование пуска в эксплуатацию первой тысячи миль железных дорог в Японии. Была пущена в эксплуатацию крупнейшая токайдоская линия железных дорог. Государственные железные дороги имели общее протяжение в 551 милю, частные — в 671 милю. Таким образом, частный капитал в строительстве железных дорог опережал государство, но под давлением военных кругов правительство форсировало покупку частных железных дорог, равно как и средств связи — телеграфа и телефона, которые были национализированы специальным законом, предусматривавшим, конечно, щедрую компенсацию их прежним владельцам.

Необходимо отметить, что уже в этот период промышленное развитие Японии задерживалось отсталостью сельского хозяйства, тормозившей общие темпы экономического подъема страны. В 1889 г. положение в сельском хозяйстве было особенно тяжелым из-за неурожая риса, вызвавшего огромное повышение цен. 50% риса было ввезено из-за границы. Это отрицательно отразилось на балансе внешней торговли Японии и вызвало значительную утечку золота, создавшую дополнительные финансовые затруднения.

В начале 1891 г. появились первые признаки кризиса. Сильнее всего кризис отразился на основной в Японии текстильной промышленности. И без того нищенская зарплата рабочих еще более снизилась. На предприятиях федерации хлопчатобумажников средняя зарплата мужчины-рабочего в 1891 г. составляла 18 сен в день, женщины-работницы — 9 сен в день.

В обстановке кризиса происходит нарастание японского рабочего движения. Возникают профессиональные союзы, борющиеся за улучшение экономического положения рабочих.

Уже в 1889 г. создаются два союза, объединяющие металлистов военных заводов (домей синко гуми) и печатников (сюппан инсацу ко кумиай). Эти две профсоюзные организации просуществовали два года. В том же 1889 г. в либеральном журнале «Кокумин но томо» («Друг народа») была помещена статья — обращение к японским трудящимся по поводу празднования Первого мая. В этом же журнале, в разделе хроники, периодически появлялись заметки, призывавшие к организации профсоюзов и подчеркивавшие, что в интересах каждого рабочего — итти рука об руку со своими товарищами-рабочими других предприятий.

В 1890 г. происходит первая попытка создать общепонский центр профессионального движения. По инициативе союза типографских рабочих, состоялся съезд по объединению профсоюзов. На съезде присутствовало свыше полутора тысяч человек, главным образом, рабочие центральных районов — Токио, Осака и Иокогама. Хотя съезду не удалось создать постоянного профсоюзного центра, но самый факт созыва такого съезда свидетельствует о значительных успехах рабочего движения.

Первая же сессия японского парламента, вопреки ожиданиям правительства, во главе которого стоял Ямагата, и, несмотря на раздробленность депутатов по различным фракциям, ознаменовалась резкой стычкой между депутатами и правительством. Бюрократическое правительство рассматривало парламента, как зло, с существованием которого нужно мириться, но которое следует всячески ущемлять и ограничивать.

Депутаты парламента в свою очередь были раздражены тем, что правительство и не помышляет о том, чтобы изменить свое высокомерное и явно недоверчивое отношение к «народному представительству».

Верхушка японской военщины, составлявшая важнейшую часть государственного аппарата японского абсолютизма, была особенно враждебна по отношению к парламента, поскольку в ней сильнее всего были кланово-феодалные связи и традиции. Руководство армией концентрировалось в руках выходцев из клана Тёсю, руководство флотом — в руках сацумцев. Основным поводом к столкновению правительства с парламентам явилось недовольство со стороны депутатов чрезвычайно большим военным бюджетом. Начиная с 1885 г. Япония тратила на вооружения, в особенности на строительство флота, чрезвычайно большие суммы. Первый бюджет, внесенный на рассмотрение парламента в марте 1891 г., показал, что расходы на вооружение не уменьшаются, а растут. Парламент (нижняя палата), воспользовавшись своими конституционными правами, сократил статьи бюджета, ассигнованные на строительство военного флота. Это вызвало сперва некоторое замешательство в правительственном лагере. Министр финансов, составивший проект бюджета, вышел в отставку. Но правительство все же решило настоять на своем. Новый премьер Мацуката, с помощью Ито, стал всячески маневрировать, чтобы обеспечить принятие военного бюджета на следующей парламентарской сессии.

Ито рекомендовал просто подкупить часть депутатов, а наиболее упорствующих заставить пойти на уступки при помощи всякого рода угроз. Однако и оппозиция также готовилась к столкновению. Старый политикан Итагаки начал переговоры с Окума о том, чтобы тот вышел из состава правительства и примкнул к оппозиции. Учитывая создавшуюся обстановку, а также легкую возможность восстановить свою пошатнувшуюся популярность, Окума соглашается на это, и они вдвоем, Окума и Итагаки, возглавляют парламентскую борьбу, с тем чтобы добиться у правительства дальнейших уступок.

В результате, на второй сессии парламента в декабре 1891 г. разыгрался еще больший скандал. Парламент еще раз отказался утвердить расходы на строительство флота и на субсидирование военных сталелитейных заводов. Провоцируя антикланово настроенных депутатов, морской министр Кобаяси заявил во время парламентских дебатов, что «своим развитием Япония обязана кланам Садума и Тёсю». Это вызвало бурю возмущения со стороны оппозиции. В результате возникшей обструкции парламент был распущен. Этот первый роспуск японского парламента состоялся 25 декабря 1891 г., т. е. через год после его созыва.

Новые выборы в парламент состоялись в феврале 1892 г. Правительство мобилизовало весь свой административно-полицейский аппарат на местах, чтобы добиться избрания желательных ему депутатов и не допустить оппозиционных. Полицейское вмешательство в избирательную кампанию было настолько явным, что даже обычно послушная властям буржуазная печать подняла шум. В результате кампании протеста против действий полиции министр внутренних дел Синагава должен был уйти в отставку. Тем самым правительство признало, что во время выборной кампании оно злоупотребляло своей властью.

Новый парламент собрался 14 мая 1892 г. Первым актом собравшегося парламента было вынесение вотума недоверия правительству, обоснованного вмешательством его в выборы. Правительство растерялось и объявило перерыв сессии. Во время перерыва между министрами и отдельными парламентскими группировками происходили интенсивные закулисные переговоры. Ито настаивал на том, чтобы заключить определенную сделку с оппозиционными лидерами и пойти на некоторые уступки.

В результате длительных споров правительство решило игнорировать вотум недоверия и передало на утверждение в верхнюю палату статью бюджета, отвергнутую нижней палатой. Возник серьезный конфликт. Нижняя палата апеллировала к императору, чтобы он вмешался, поскольку эти действия правительства являлись незаконными, так как, по конституции, нижняя палата пользуется привилегией первой рассматривать бюджет. Апелляция парламента к императору была подвергнута специальному обсуждению в тайном совете.

В этот момент японская конституция буквально висела на волоске, ибо многие министры и крупные бюрократы считали, что

парламент себя «не оправдал» и что с ним нужно поскорее покончить и вернуться к прежнему «императорскому правлению». С большим трудом более дальновидные члены правительства, в частности Ито, настаивали на сохранении конституции, заявляя, что не следует бояться «шума» со стороны оппозиции и что можно будет найти меры к успокоению наиболее беспокойных депутатов. Петиция нижней палаты была признана обоснованной, была созвана согласительная комиссия между нижней и верхней палатами и было еще раз официально разъяснено, что нижняя палата имеет преимущественное право первой рассматривать бюджет. Таким образом, из первого тура борьбы парламент вышел победителем.

Правительство поспешило использовать 71-й пункт конституции, заявив от имени императора, что оно будет применять бюджет предыдущего года.

Одновременно правительство пыталось склотить свою правительственную партию, или группировку, из числа «независимых» депутатов парламента. Удаленный из правительства за чересчур бесцеремонное вмешательство в выборы, бывший министр внутренних дел Синагава вместе с бывшим морским министром адмиралом Сайго Цугимити организуют так называемый «народный союз». Этот «народный союз» ведет шовинистическую пропаганду, подготавливая общественное мнение к новым выборам под реакционным лозунгом «поддержки императорского правительства». Однако деятельность «народного союза» заканчивается крахом вследствие разоблачения целого ряда крупных злоупотреблений, в которых оказались замешанными отдельные члены правительства. Оппозиция и на этот раз остается победительницей.

В 1893 г., по инициативе парламентских групп, создается специальная «лига борьбы за отмену газетных правил». Правительство игнорирует выступление этой лиги и не ослабляет цензурного гнета. Однако газеты оппозиции, наученные долголетним опытом, ухитряются писать неприятные для правительства вещи в замаскированной «эзоповской» форме.

Четвертая сессия парламента снова внесла сокращения в военный бюджет. В мотивировку отклонения бюджета на строительство морского флота было включено указание на то, что парламент «не доверяет морским властям».

Правительство было чрезвычайно раздражено этим вызовом и решилось на следующий трюк: был издан указ от имени императора о том, что император «жертвует» 300 тыс. иеп из собственных средств на строительство флота и предлагает в течение шести лет регулярно удерживать эту сумму из своего «жалованья», чтобы пополнить таким образом недостающие средства на морское вооружение. Одновременно император приказывает удерживать одну десятую из жалованья всех государственных чиновников также на строительство флота. Этот трюк правительства удался. Парламент «устыдился» и пошел на известные уступки. Бюджетные требования министерства были утверждены почти в полном объеме.

Однако на этом борьба между правительством и парламентом

не прекратилась. Следующим поводом для стычки послужил инцидент с председателем нижней палаты Хоси. Согласно закону о парламенте, председатель нижней палаты избирается депутатами, но утверждается императором. Председатель нижней палаты Хоси был уличен в целом ряде неблагоприятных действий: на сессии парламента было сделано разоблачение о том, что Хоси вместе с министром Гото берут взятки от биржевиков и собутыльничают вместе с ними. На этом основании парламент отказал Хоси в доверии и потребовал его отставки с поста председателя палаты и исключения из состава депутатов. Правительство опротестовало это решение, утверждая, что это — нарушение прерогатив императора, утвердившего Хоси в качестве председателя нижней палаты.

Парламент настоял на своем, исключив Хоси и тем самым как бы вызвав частичный реванш за военный бюджет. Не ограничиваясь этим, парламент послал петицию императору с просьбой наказать министра Гото и премьера Ито за то, что ими допускается «разложение чиновников». Петиция эта осталась без ответа.

Другим, гораздо более важным предлогом для столкновения оппозиционных депутатов с правительством явилось требование парламента к правительству поскорее добиться завершения переговоров о пересмотре неравноправных договоров. Парламент требовал отставки министров и, в частности, министра иностранных дел Муцу, как «неспособного справиться с положением». После того как были отвергнуты объяснения Муцу на парламентской сессии по поводу того, что форсировать переговоры с державами невозможно, 30 декабря 1893 г. парламент был вторично распущен.

Новые выборы состоялись в марте 1894 г. Собранный парламент объявил предшествующий роспуск незаконным и сразу же вынес вотум недоверия правительству. В ответ на это 2 июня 1894 г. парламент был распущен в третий раз.

Таким образом, столкновения буржуазной оппозиции в парламенте с монархической бюрократией продолжали обостряться до тех пор, пока в результате изменившейся внешнеполитической обстановки не произошло сразу внезапного перелома. Этот перелом был обусловлен тем, что Япония вступила на путь усиления внешней агрессии. Это немедленно отразилось на настроениях буржуазной оппозиции, которая умолкла при первых же звуках оружейной стрельбы, доносившейся в Токио с соседнего Корейского полуострова.

Соседняя Корея была отсталой феодальной страной, на протяжении столетий постоянно подвергавшейся разбойничьим нападениям со стороны Японии и Китая. Японцы постоянно устраивали морские экспедиции с целью грабежа корейского населения. При всей своей внутренней слабости Китай без всякого труда добился признания вассальной зависимости корейского короля от китайского императора. Франция и США организовали в 1866—1867 и в 1871 гг. специальные карательные экспедиции в Корею, чтобы наказать ее за «притеснение» христианских миссионеров. В 1876 г. Япония первая навязала Корее неравноправный договор, добив-

шись от нее открытия для своей торговли важного порта Фузан, лежащего прямо против Японских островов. В 1880 г. Япония добилась открытия еще двух портов — Гензана и Чемульпо. Вслед за этим неравноправные торговые договоры были навязаны Корее почти всеми важнейшими капиталистическими державами, включая и царскую Россию (1884 г.).

Япония довольно скоро вышла на первое место среди прочих иностранных держав, хозяйничавших в Корее. Наглое поведение Японии, которая бесперемежно нарушала всякие соглашения, наводняла Корею алчными торговцами, грубыми офицерами и всякого рода авантюристами, грабившими народ и принимавшими участие во всевозможных внутренних интригах при корейском дворе, добиваясь преобладающего влияния на безвольных и продажных корейских феодалов, — дважды приводило к открытому возмущению. В 1882 и 1884 гг. помещения японской дипломатической миссии в Сеуле подвергались сожжению.

Оба эти «инцидента» были, конечно, использованы Японией для того, чтобы еще легче шантажировать корейские власти и глубже пустить корни в Корее. В 1882 г. Япония получила право ввести свои войска в Сеул под предлогом необходимости охраны миссии. В 1885 г., недвусмысленно угрожая военными действиями, она добилась от Китая согласия на то, чтобы тот не вводил свои войска в Корею без согласования с Японией. В Тяньцзине был подписан в 1885 г. договор между Японией и Китаем об одновременном выводе японских и китайских войск из Кореи, независимость которой обе стороны обещали «уважать». Со стороны Японии договор был подписан Ито, а со стороны Китая — Ли Хун-чжаном.

После этого многочисленные японские «советники» начали активно вмешиваться в государственные дела Кореи, явно стремясь парализовать всякое влияние официального китайского резидента.

Японская военщина, которая давно добивалась ликвидации тяньцзинского договора 1885 г. и посылки войск в Корею, находит подходящий предлог для отправки войск в 1894 г., используя восстание тонхаков, якобы угрожавшее «интересам японских подданных».

Несомненно, корейские крестьянские массы, которые выступали под знаменами тонхаков против засилия феодалов, чиновников, иностранцев, выражали политические стремления прогрессивных сил корейского общества. Но имеются довольно точные данные о том, что среди вожаков тонхаков были и прямые японские агенты, которые стремились приурочить выступление тонхаков к потребностям провокационных военных планов японского генерального штаба. Установлено, что японские офицеры были откомандированы со специальной миссией в Корею, чтобы «изучить» обстановку, сложившуюся в результате восстания тонхаков. Несмотря на то, что корейское правительство разбило основные военные формирования тонхаков, японцы поспешили снабдить остатки армии тонхаков новым оружием и, воспользовавшись всеобщим замеша-

тельством, ввели свои войска в Корею под тем предлогом, что корейское правительство «не способно справиться с положением».

В самый разгар японских интриг в Корее летом 1894 г. японское правительство добилось крупного внешнеполитического успеха, выразившегося в том, что Англия согласилась пересмотреть старый неравноправный японо-английский договор и заключить новый в соответствии с давнишними просьбами Японии. Обстановка, в которой английское правительство дало согласие на пересмотр неравноправного договора с Японией, свидетельствует о том, что Англия прямо провоцировала Японию на начало военных действий в Корее. При этом основной целью Англии было осуществить руками японцев военно-политическую диверсию против царской России как против главного английского соперника в Азии. Русский паризм с нескрываемым раздражением и враждебностью наблюдал японскую активность в Корее.

4 июня 1894 г. японское правительство приняло решение об отправке войск в Корею. 16 июля был подписан новый торговый договор с Англией, а 1 августа Япония объявила войну Китаю, отказавшемуся признать законность военной оккупации Кореи японцами.

Война началась с того, что 12-тысячный японский военный отряд оккупировал Сеул и важнейшие порты Кореи. Японское правительство предъявило Китаю ультимативное требование отказаться от всяких прав на Корею, по Китаю это требование отклонил. Русская дипломатия настойчиво побуждала Китай поскорее открыть военные действия против Японии. Американское правительство официально протестовало против факта отправки военной экспедиции и последовавших действий японских войск в Корее в 1894 г. Японский министр Муцу должен был специально «разъяснить», что отправка войск якобы была вызвана интересами «обеспечения мира на Востоке». В дальнейшем, когда война между Японией и Китаем была уже в полном разгаре, корреспонденты американских газет систематически публиковали серии писем с фронта, в которых резко нападали на Японию, приводя факты исключительной жестокости, проявленной японскими войсками. Так, например, при занятии японцами Порт-Артура на улицах наблюдались сцены массовой резни китайского населения, производившейся озверелой японской военщиной. Возмущение в США по этому поводу было настолько велико, что японский посланник в Вашингтоне Курино был вынужден дать официальное «разъяснение» в связи с этим инцидентом.

Объявленная формально 1 августа 1894 г. война принесла поражение Китаю. Китай в то время находился в состоянии крайнего внутреннего разложения и упадка. Китайские феодалы не смогли создать единой вооруженной силы, способной противостоять японцам, хотя отдельные эпизоды войны уже тогда показывали, что китайские солдаты могут с успехом сражаться против лучше вооруженных японцев. При осаде Вейхайвея, продолжавшейся три месяца (китайские войска возглавлял адмирал Тинг), китайцы

проявили подлинный героизм. В сражении на реке Ялу 17 сентября 1894 г. китайские мусульманские полки не уступали своих позиций японцам, пока все не погибли.

Однако общий исход войны оказался неудачным для Китая.

30 марта 1895 г., через несколько дней после падения Вейхайвэя, правительство Ли Хун-чжана подписало перемирие. Начались мирные переговоры, во время которых японцы держали себя с предельной наглостью. 17 апреля 1895 г. в Симоносеки был подписан мирный договор. Важнейшие пункты этого договора таковы:

«Статья 1. Китай признает окончательную, полную и безусловную независимость и автономию Кореи, вследствие чего уплата дани Китаю Кореей и исполнение ею церемоний и обрядов, нарушающих такую независимость и автономию, на будущее время совершенно прекращаются.

Статья 2. Китай уступает Японии навсегда и в полное верховенство... южную часть провинции Фынтянь (Мукденская провинция)... остров Формозу со всеми относящимися или принадлежащими ему островами... Пескадорский архипелаг.

Статья 4. Китай обязуется уплатить Японии 200 млн. купинских лан (таэлей) в качестве военного вознаграждения.

Статья 6. Устанавливаются всякого рода экономические преимущества Японии в Китае, как-то: обязательство заключить торговый договор на основе договоров, существующих между Китаем и европейскими державами, открытие для японской торговли четырех портов и допуск плавания под японским флагом на реках Янцзы и Усун.

Статья 8. В обеспечение добросовестного исполнения условий настоящего акта Китай соглашается на временное занятие военными силами Японии Вейхайвэя».

Хотя симоносекский мирный договор был крайне выгоден для Японии, японская военщина была все же недовольна даже такими результатами войны: отдельные японские генералы протестовали против чрезмерной уступчивости Ито, якобы не сумевшего реализовать плоды военных побед над Китаем. Вскоре оказалось, однако, что и достижения дипломатии Ито непомерно велики. 23 апреля, через 6 дней после подписания симоносекского договора, Россия, Германия и Франция вручили японскому правительству через посредство своих официальных представителей в Токио ноту, «советующую» во избежание международных осложнений не занимать Ляодунского полуострова. Эта нота была написана в дружественном тоне, но в то же время весьма категорически. Было очевидно, что этот «дружественный совет» таит в себе решимость трех держав обуздать зарвавшихся японцев.

Если война против Китая могла быть выиграна Японией (хотя и ценой сильнейшего внутреннего напряжения), то Япония не могла и мечтать о вооруженном сопротивлении трем великим державам, коллективно вмешавшимся в дальневосточные дела. 10 мая японский император опубликовал рескрипт, в котором выражал «благодарность» России, Германии и Франции за их

полезный и дружественный совет и выражал согласие им воспользоваться.

Правда, для того чтобы компенсировать себя за эвакуацию Ляодунского полуострова, Япония потребовала от Китая увеличения размеров контрибуции на 30 млн. таэлей. Таким образом, общая сумма контрибуции должна была составлять 230 млн. таэлей (350 млн. иен). Остальные территориальные приобретения Японии сохранялись за нею: Япония получала от Китая Формозу, Пескадорские острова и фактическое преобладание в Корее.

Таким образом, несмотря на «интервенцию трех держав» (как было названо русско-германско-французское вмешательство), завоевания Японии в результате войны были весьма существенны. Война привела к еще более быстрому росту японской промышленности, она укрепила еще раньше оформившийся союз помещиков и капиталистов под эгидой полуфеодальной монархии. Давнишнее стремление вождей японской буржуазии — преодолеть внутренние противоречия в Японии, связанные с развитием капитализма в отсталой стране, посредством военно-колониального грабежа, — получило свое конкретное осуществление. Феодалные самурайские элементы, окопавшиеся в руководстве японской армией и флотом (Тёсю и Сацума), получили возможность сохранить и еще больше укрепить свои позиции. Военщина получила полное «признание» со стороны буржуазии. Очередные выборы в японский парламент происходили непосредственно после объявления войны — 1 сентября 1894 г., — и так как главная квартира (военная ставка императора) была перенесена в город Хиросима, то там же и состоялась первая сессия вновь избранного парламента. В отличие от всех предыдущих парламентских сессий на этот раз было продемонстрировано единение господствующих классов Японии. В атмосфере казенного военно-шовинистического «подъема» все правительственные предложения были единодушно одобрены депутатами. Таким образом, абсолютистское правительство триумфально закончило кратковременный этап своей борьбы с буржуазной оппозицией в парламенте.

Было бы неправильно объяснять столь внезапный поворот во взаимоотношениях между буржуазией и правительством только тем, что началась война. Несмотря на парламентские конфликты, уже раньше — с принятием конституции 1889 г. — наметились признаки постепенного отказа буржуазной оппозиции от серьезной борьбы с правительством.

Это объясняется тем, что в период с 1891 по 1895 г. происходит резкое поправление либерально-буржуазного течения в минкен ундо и подчеркнутое отмежевание его от зачатков возникшего в это время в Японии социалистического движения.

Для характеристики этого поправления весьма типичным является пункт в декларации партии дзюто от 1891 г., гласивший, что «социализм несовместим с либерализмом, который представляет наша партия». В том же году в другом документе дзюто заявляет, что она возражает против лозунга защиты труда. Быстрая

«измена» парламентской оппозиции своим прежним принципам и полное соглашение с монархической бюрократией объяснялась, следовательно, также быстрым развитием рабочего движения, напугавшего либеральных буржуа, почувствовавших потребность в «сильной» власти — абсолютизме.

В декабре 1892 г. размежевание в минкен ундо находит свое организационное выражение в том, что левое крыло дзियो во главе с Ои Кентаро покидает эту партию и организует тойо дзियो (восточную либеральную партию), в программе которой записывается пункт о «защите рабочего класса». Тойо дзियो была чисто интеллигентской организацией, но она поддерживала контакт с «Союзом японских рабочих» и «Обществом изучения законов об аренде» — объединениями, которые пытались привлечь в свои ряды отдельных передовых рабочих и крестьян.

В 90-х годах в Японии появляются первые зачатки социалистического движения. В 1891 г. японский социалист Сакаи присутствует на Брюссельском конгрессе II Интернационала. Сакаи не был формально делегирован на этот конгресс от Японии, но его поездка установила первый контакт между японской социалистической интеллигенцией и II Интернационалом. В Японии появляется впервые переводная литература умеренно-социалистического характера (издаются преимущественно книги наиболее «безвредные» с точки зрения японской цензуры).

В 1892 г. Сакаи организует «Общество по изучению социальных проблем», представляющее собой объединение кружков социалистического типа. В этих кружках изучались отдельные произведения представителей утопического социализма и делались слабые попытки обсуждать японскую действительность. Эти кружки объединяли, однако, только интеллигенцию и не имели связей с массовым движением трудящихся в городе и деревне. Между тем, это движение продолжало нарастать.

В 1893 г. в префектуре Гифу создается лига арендаторов (ко-саку домей), которая пытается организовать аграрное движение и выставляет требование снижения арендной платы и запрещения конфискации арендуемой земли.

В 1892 г. окончился экономический кризис и началась новая полоса промышленного подъема. Численность рабочего класса значительно выросла. В 1892 г. было зарегистрировано около 300 тыс. промышленных рабочих, но фактически их количество было больше.

В 1892 г. в Японии впервые начинают выплавлять высококачественную сталь по методу Бессемера. Растет добыча угля, достигающая 5 млн. т. В 1893 г. начинается собственное производство паровозов в Японии. Так называемые «образцовые предприятия» полностью переходят в руки частных владельцев (преимущественно, концернов). Шелкопрядильная фабрика Фумиока, принадлежавшая правительству, являвшаяся одним из крупнейших образцовых предприятий, уступает концерну Мицуи за 120 тыс. иен. Значительно расширяются операции судоходной компании Юсэн кайся.

Пересмотр неравноправных договоров значительно расширил внешнюю торговлю Японии. До пересмотра договоров, в начале 1894 г., в руках иностранцев находилось до 80 % экспорта и 70 % импорта Японии. Это показывает, что буржуазная оппозиция, которая нажимала на правительство в вопросе о скорейшем пересмотре договоров, действовала не только по «патриотическим» соображениям, но и по сугубо материальным. За короткое время после 1894—1895 гг. внешняя торговля переходит в руки японцев.

Японо-китайская война является чрезвычайно важным рубежом в истории Японии. Она прежде всего отделяет полностью существование Японии как полузависимой страны, являвшейся объектом колониальной политики империалистических держав на Тихом океане, от новой полосы, когда сама Япония превращается уже в угнетателя других народов, в соперника более сильных держав. Хотя Япония в социально-экономическом отношении была отсталой и слабой страной, тем не менее, ко времени японо-китайской войны она уже превращалась в империалистическую державу.

Если поставить вопрос, в чем заключалась причина того, что Япония не превратилась в итоге в полуколонию, хотя элементы этого полуколониального положения проявлялись в наличии неравноправных договоров, то в основном можно дать следующий ответ. Во-первых, феодальная Япония была «открыта» крупными державами в 50-х годах — в самый разгар борьбы, происходившей между ними из-за первенства в эксплуатации Китая. Тяньцзиньский договор 50-х годов в результате грабительской «опиумной войны» открывает целую серию соглашений, закабаляющих Китай. Первый опыт проникновения иностранного капитала в Японию показал, что Япония гораздо беднее Китая и является менее выгодным полем грабительской капиталистической «деятельности», чем Китай. Япония оказалась, в частности, бедной столь манящими иностранцев ископаемыми, драгоценными металлами. Она не была также достаточно богатым рынком для сбыта иностранных товаров. Хотя удельный вес иностранного капитала во внешней торговле Японии был довольно значителен, но абсолютные цифры этой торговли не шли ни в какое сравнение с данными об иностранной торговле в Китае. Освоение Японии как колонии потребовало бы больших затрат и не обещало дать быстрого эффекта. Поэтому империалистические державы в конце концов согласились отказаться от неравноправных договоров.

Вторым фактором, обеспечившим Японии самостоятельный путь развития, была политика Англии по отношению к Японии.

Англия была сильнейшей империалистической державой в конце XIX и начале XX в. Англия в этот период решила оказать покровительство и даже прямую поддержку более слабой Японии. Она исходила при этом из того расчета, что Япония никогда не сможет выйти из орбиты английского влияния, а, наоборот, станет послушным вассалом Англии в ее борьбе против царской России. Соперничество царской России с Англией в деле закабаления азиатских народов находилось в конце XIX в. в стадии своего наивысшего

обострения. Царская Россия, осуществляя свои захваты на Дальнем Востоке, неминуемо должна была столкнуться с Японией. Естественно, что в то время предполагали, что маленькая Япония будет раздавлена огромной военной машиной русского царизма. Расчеты англичан строились на том, что если и не удастся приостановить полностью руками японцев продвижение России на Дальнем Востоке, то во всяком случае можно задержать темпы этого движения. А для этого нужно укрепить Японию и оказать ей помощь. Конечно, это английское «покровительство» по отношению к Японии само носило вначале характер установления неравноправной зависимости. Но эта неравноправная зависимость от Англии облегчала Японии возможность избежать колониального закабаления со стороны той же Англии и других стран, выступавших соперниками Англии на Дальнем Востоке.

Японское правительство максимально использовало создавшуюся для Японии благоприятную международную обстановку для того, чтобы, обезопасив ее от угрозы со стороны империалистических стран, перевести на рельсы капитализма, не разрушая при этом тех условий производства, которые обеспечивали привилегированное положение обширного класса помещиков.

Естественно, что сохранение в большом объеме феодальных отношений в японской деревне не могло способствовать быстрому росту капитализма и создавало внутри страны острые противоречия. Узость внутреннего рынка ставила предел развитию собственной японской промышленности. Но японские господствующие классы старались преодолеть это на путях ранней внешней экспансии за счет колониального грабежа и военного захвата внешних рынков.

Молодой японский капитализм, не будучи в силах и не желая посягать на интересы помещиков, заключил тесный союз с военной, которая оказалась как раз подходящей, чтобы проводить политику колониальных захватов. Отсюда вытекало то рвение, с которым Япония совершенствовала свои вооружения, превращаясь в передовую «цивилизованную» страну.

Военный аппарат, частично феодального происхождения, перестроенный, укрепленный и использованный японской буржуазией и помещиками для внешней экспансии, сыграл чрезвычайно крупную роль и во внутреннем развитии Японии, предьявляя почти на всем протяжении последующих десятилетий японской истории претензию на руководящую политическую роль в стране.

Парламентская оппозиция, которая до 1894 г. иногда поднимала свой голос против засилия реакционных бюрократов и милитаристов в правительстве, против чрезмерных военных расходов, — эта оппозиция после японо-китайской войны окончательно захирела. Наблюдается процесс агонии японского буржуазного либерализма, который в последующие 2—3 года окончательно отмирает. Если раньше наблюдались единичные факты перехода отдельных парламентариев в ряды бюрократии, то в дальнейшем грань между деятелями буржуазно-помещичьих партий и чиновниками все

больше стирается. Все чаще лидеры партий становятся правительственными чиновниками, и, наоборот, временно отходя от государственного управления, чиновники переходят в разряд парламентариев.

В 1898 г. в Японии создается первый так называемый «партийный» кабинет. В состав этого кабинета входят почти исключительно представители бывшей парламентской оппозиции во главе с Окума и Итагаки. Но было бы ошибочно считать это министерство настоящим партийным кабинетом. Поскольку грани между парламентской оппозицией и бюрократией к этому времени почти полностью стираются, это нужно рассматривать как обычную бюрократическую комбинацию, но ни в коем случае не как парламентское министерство.

Основные политические партии за это время претерпевают ряд внешних метаморфоз — переименований, мало меняющих их существо. Партия кайсинто переименовывается в симпото, а дзюто в кенсейто. Происходит несколько слияний, «расколов» и реорганизаций парламентских группировок, не имеющих принципиального значения.

Ито, который был в этот период наиболее видным представителем правящей бюрократии, решил превратить одну из этих группировок в постоянную правительственную опору. Переговоры о создании такой партии Ито начал в 1898 г. Лидер партии кенсейто Хоси предложил Ито стать председателем партии, от чего он отказался, поскольку хотел иметь «свою» партию на несколько других началах. В 1900 г., опять-таки по просьбе лидеров кенсейто, Ито стал вести переговоры об условиях возглавления им политической партии. Был организован специальный комитет в составе четырех директоров партии и четырех наиболее влиятельных депутатов во главе с Сайондзи. Комитет разработал особые условия вступления в новую партию.

Условия эти следующие. В партию принимаются: 1) беспартийные депутаты, не принадлежащие ни к какой группировке, 2) бывшие депутаты парламента (тоже беспартийные), 3) мэры, их помощники, члены муниципальных собраний, местный административный актив, 4) председатели и вице-председатели торговых палат, 5) председатели крупных акционерных обществ с капиталом не ниже 50 тыс. иен, 6) высокие налогоплательщики, 7) члены местных префектуральных собраний, 8) адвокаты и 9) директора крупных банков, капитал которых составляет свыше 100 тыс. иен.

Из этого перечня условий вступления в партию Ито видно, что он собирался создать основательную консервативную опору для бюрократического правительства, опору, которая явно была рассчитана на обеспечение поддержки со стороны буржуазии. В 1900 г. такая партия создается под названием сейюкай и во главе ее становится Ито. Большинство членов новой партии сейюкай были выходцы из дзюто (кенсейто). На этом основании нынешняя партия сейюкай считает себя продолжательницей традиций «первой политической партии» — дзюто. В действительности, ни о каких «традициях» всерьез говорить не приходится.

Сам Ито пробыл председателем новой партии только до 1903 г. После того как он убедился, что сейюкай представляет собой компактный организм, выказывающий способность поддерживать правительство, он «передоверяет» партию своим ближайшим сотрудникам, в частности, Сайондзи. Сайондзи оставался лидером сейюкай в течение 11 лет.

Создание сейюкай было логическим завершением процесса ликвидации буржуазного либерализма, происходившей на фоне перехода японского капитализма в монополистическую стадию и связанной с развитием внешней экспансии японского империализма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РАЗВИТИЕ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В 1900 г., почти одновременно с оформлением партии сейюкай, правительство издало два закона. Один закон несколько расширял объем избирательных прав для выборов в парламент (в частности, имущественный ценз был снижен с 15 иен прямых налогов до 10 иен). Этим законом правительство пошло навстречу требованиям усилившейся буржуазии, в частности ее средним слоям. Но одновременно для того, чтобы это не было расценено как уступка недовольным, был издан «полицейский закон об охране порядка», который устанавливал полный полицейский произвол во всем, имеющем какое-либо касательство к политической деятельности: собраниям, печати и т. д. Этот реакционный закон встретил протесты только со стороны пролетарских элементов, в среду которых как раз в это время проникают социалистические идеи. Со стороны парламента же и парламентских партий «полицейский закон» не встретил никакой оппозиции, а, наоборот, самое благодушное отношение. Это вполне естественно, потому что у буржуазии уже не было достаточных оснований для того, чтобы бороться всерьез с самодержавным правительством.

В японской деревне старые и «новые» помещики сохранили в значительной мере феодальные методы эксплуатации. Японская промышленность ориентировалась на внешний рынок, строилась в расчете на внешнюю экспансию. На этой базе укреплялся блок двух классов — помещиков и буржуазии. Серьезных противоречий между этими двумя элементами правящего блока не существовало.

Одновременно с полицейским законом 1900 г. был издан императорский указ о том, что стачки «противоречат принципам государственного устройства» Японии и потому преследуются законом. Это мероприятие реакционного правительства было явно направлено против усилившегося рабочего движения.

Японо-китайская война, открывшая новые колониальные рынки, ускорила развитие японской промышленности, главным образом, текстильной. В 1900 г. из 7 тыс. зарегистрированных в Японии промышленных предприятий свыше 4 тыс. приходилось на долю

текстильного производства. Оплаченный капитал японских промышленных компаний, составлявший в 1894 г. 44,5 млн. иен, к 1899 г., т. е. через 5 лет после японо-китайской войны, вырос уже до 147,7 млн. иен. С 1894 по 1898 г. было основано свыше 2,3 тыс. новых промышленных предприятий, в то время как за предыдущие четырехлетие (1889—1893) было основано лишь 1,5 тыс. предприятий.

После японо-китайской войны японский капитализм вырастает не только количественно, но и качественно: он вступает в новый этап своего развития, в империалистический этап. Монополии, возникшие в Японии еще в доимпериалистический этап развития японского капитализма, как, например, Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и др., получают после японо-китайской войны новый характер и новое содержание. Наряду с Мицуи и Мицубиси возникают новые крупные концерны Окура, Фудзита и др. Еще сильнее, чем раньше, сплетаются интересы крупных монополий с государственным военно-бюрократическим аппаратом и с парламентскими партиями. Созданная Ито партия сейюкай тесно связывается с концерном Мицуи, получая от него материальную поддержку и в свою очередь всячески защищая интересы этого концерна. С другой стороны, партия Окума под разными названиями — симпото, кенсейхонто, кокуминто, досикай, кенсейкай (в настоящее время минсейто) — становится агентурой концерна Мицубиси и защитницей его интересов.

Японский империализм с самого начала принимает характер военно-феодального империализма, т. е. такого, где монополистический капитализм оплетен густой сетью феодальных, докапиталистических отношений. «В Японии и России, — писал Ленин в 1916 г., — монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»¹.

Военно-феодальный характер японского империализма обострял империалистические аппетиты японской буржуазии и тесно связывал ее интересы с интересами военно-бюрократических и помещичьих элементов. Вместе с тем полуфеодальные пережитки, обусловившие военно-феодальный характер японского империализма, оказывали большое влияние на развитие японской экономики и, в частности, на структуру японской промышленности.

Японская промышленность, несмотря на рост числа крупных предприятий, находилась в это время на невысоком техническом уровне. Количество предприятий с моторными двигателями было весьма невелико. Например, в 1893 г. (за год до японо-китайской войны) паровые машины имелись лишь у 22 % фабрик Японии. После войны 1894—1895 гг. этот процент поднялся до 40, но основным типом японских промышленных предприятий попрежнему оставались мелкие предприятия.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 309—310.

В 1895 г. в Японии насчитывалось официально зарегистрированных рабочих 418 тыс., в 1897 г. — 439 тыс. С самого начала развития японской промышленности для нее характерно было преобладание женского пролетариата, что объяснялось большим удельным весом текстильной промышленности. В 1894 г. женщины составляли 62 % промышленного пролетариата. После 1895 г. этот процент несколько снижается, но абсолютное преобладание женщин среди рабочих сохраняется.

Эксплуатация японского рабочего класса принимала крайне тяжелые формы. Рабочие в своем большинстве были только что пришедшие из деревни крестьяне, привыкшие гнуть спину перед помещиком-хозяином и перед всяким представителем власти. Это понижало классовую сопротивляемость рабочего класса и усиливало эксплуатацию. Зарботная плата в 1895 г. квалифицированного рабочего-литейщика составляла 30 сен в день, корабельного мастера — 32, женщины-работницы — 12 сен. В 1897 г. в связи с сильным ростом цен наблюдалось ничтожное повышение этой нищенской заработной платы. Литейщик стал получать 39 сен в день, корабельный мастер — 44, женщина-работница — 17 сен.

Крайне низко расценивался и детский труд, который имел огромное применение, в особенности в такой промышленности, как производство спичек. Мальчики получали 5—9 сен, девочки 3—6 сен.

Продолжительность рабочего времени фактически не была ограничена. На текстильной фабрике Хатисои рабочий день продолжался с 5 час. утра до 8 час. вечера, т. е. 15 часов. В Киото, на фабрике Танго (текстильная фабрика), рабочий день длился с 6 час. утра до 10 час. вечера, т. е. составлял 16 часов. В Ниигата на некоторых предприятиях рабочее время продолжалось с 5 час. утра до 10 вечера — 17 часов.

Степень эксплуатации японских рабочих была типично колониальной. Широко применялась купля-продажа детей и девушек на фабрики под видом «контрактации».

Интересно, что в японской буржуазной литературе того времени находило себе место «оправдание» применения детского труда в больших масштабах. Бывшие видные буржуазные «либералы», как, например, Тагути, писали в газетах, что если запретить применение детского труда до 14-летнего возраста, то это будет препятствовать развитию японской промышленности. Другой такой «либерал», Мурата, писал, что труд детей «способствует развитию в них промышленных стремлений».

Широко практиковалось также в промышленности применение феодальных цеховых правил в отношении «учеников». Ученики получали, как правило, 8 сен в день, так как они «учились» и должны были быть «благодарны» за то, что их «учат». Это была дополнительная форма эксплуатации, очень широко развитая в Японии.

Очень распространена была система штрафов, особенно в горной промышленности. Горнозаводские рабочие часто вовсе не получали заработной платы, так как по каждому поводу их штрафовали. Первое организованное крупное выступление японских рабочих

в шахте Такасима было вызвано возмущением рабочих системой штрафов.

Наконец, постоянным явлением в Японии были факты избияния рабочих.

В префектуре Сайтама, в деревне Харуока, на одной из текстильных фабрик из хозяйского общежития убежала работница 16-ти лет. Ее поймали при помощи полиции, привели обратно к предпринимателю, раздели догола и избили бамбуковыми палками. Она опять бежала; ее опять поймали, раздели и оставили голой на морозе. Такие же факты были зарегистрированы и во многих других случаях.

Официальные данные о стачечном движении по годам, начиная с 1897 г., дают косвенное (но неполное) представление о том, как японский рабочий класс реагировал на эти издевательства.

Годы	Число стачек	Число участников	
		Общее	В среднем на 1 стачку
1897	32	3 517	110
1898	43	6 292	146
1899	15	4 284	286
1900	11	2 316	216
1901	18	1 948	108
1902	8	1 849	231
1903	9	1 359	151
1904	6	879	146
1905	19	5 013	264
1906	13	2 037	156
1907	57	9 855	173

В развитии рабочего движения в Японии 1897 год является знаменательным. В этом году впервые были созданы жизнеспособные профессиональные рабочие организации и сделан шаг к объединению этих организаций в общеяпонском масштабе.

В 1897 г. в японской промышленности разразился кризис, последствия которого чрезвычайно болезненно отразились на жизненном уровне японского рабочего класса, и без того влачившего жалкое существование.

Кризис 1897 г. явился тем внешним толчком, который ускорила давно назревавший процесс оформления классовой консолидации японского пролетариата. В июле 1897 г. Сен Катаяма ¹

¹ Сен Катаяма родился 5 декабря 1859 г. в крестьянской семье. Кое-как обученный грамоте, Катаяма в 1877 г. стал помощником учителя в сельской школе. Затем он переехал в Токио, где стал рабочим полукустарной типографии. Здесь Катаяма вошел в первое соприкосновение с городским пролетариатом и познакомился с социалистическим учением. Это знакомство углубляется, когда в 1884 г. Катаяма эмигрирует в Америку, в Сан-Франциско. Меняя самые разнообразные профессии, работая погаром, прачкой, истопником и т. д., Катаяма собирает средства на учебу. Окончив университет в Америке, Катаяма после 13 лет отсутствия возвращается в 1897 г. в Японию и сразу же активно включается в революционную борьбу, которой руководит до 1913 г. В конце 1913 г. Катаяма, преследуемый полицией, вторично эмигрирует в Америку. Во время

взял на себя инициативу организации первого в Японии профсоюзного центра под названием «Общество организации рабочих профсоюзов» (Родо кумиай кисей домейкай). Это общество за короткий срок к концу 1897 г. сумело объединить до 3 тыс. членов. Общество поставило своей задачей активно содействовать в первую очередь экономической борьбе рабочего класса, помогать объединению рабочих в рамках профессиональных организаций, разъяснять пролетариату его классовые интересы.

При руководящем участии Катаяма в 1897 г. начал издаваться первый рабочий печатный орган в Японии — журнал «Родо сэкай» («Рабочий мир»). Группа передовых интеллигентов (опять-таки при активном участии Катаяма) организовала в 1898 г. объединение Сякайсюги кенкьюкай («Общество по изучению социализма»), которое делало первые попытки подвести теоретическую базу под интенсивно развивавшееся рабочее движение. В 1897—1900 гг. в Японии появился целый ряд профессиональных рабочих организаций (железнодорожников, печатников, металлистов и др.), которые значительно расширили сферу деятельности «Общества организации рабочих профсоюзов», выросшего в 1900 г. до 5½ тыс. членов и располагавшего 42 филиалами в различных частях Японии.

Прямым ответом на эту активность японского рабочего класса и было издание правительством реакционных законов 1900 г. об усиленном полицейском надзоре и о запрещении стачек. В 1900 г. «Общество по изучению социализма» было распущено и несколько позже возобновило свою деятельность в сокращенном объеме под названием Сякайсюги кюкай («Социалистическое объединение»).

Японская буржуазия безоговорочно поддерживала все самые драконовские полицейские мероприятия, направленные против пролетариата.

Не меньшую поддержку со стороны буржуазии встречали внешнеполитические авантюры японского правительства, получившие дополнительный стимул в виде победных итогов японо-китайской войны.

Японо-китайская война положила начало серии японских интриг, направленных к тому, чтобы по возможности скорее полностью подчинить японскому влиянию соседнюю Корею. Хотя японцы и получили некоторый отпор со стороны трех держав в 1895 г., они не оставили своих планов захвата Кореи и Манчжурии и, в первую очередь, Корею.

Японский империализм продолжал выступать под маской «освободителя» Кореи от китайского гнета. До настоящего времени в Сеуле сохранился обелиск, поставленный в память того, что японцы

империалистической войны Катаяма становится верным последователем Ленина. В 1919 г. Катаяма организует первые японские коммунистические группы в Америке и до 1921 г. активно работает в руководстве американской компартии. В 1921 г. Катаяма приезжает в Москву, где избирается членом ИККИ, и все последующие годы до самой смерти руководит работой японской компартии. Одновременно с большой работой в Коминтерне Катаяма принимал руководящее участие в работе МОПР. Катаяма умер в Москве 5 ноября 1933 г.

«освободили» корейцев. После войны с Китаем, под диктовку японцев, в Корее следовали непрерывные «реформы», ставившие своей целью максимально усилить военные, политические и экономические позиции Японии в Корее. Японские посланники в Сеуле, опираясь на японские войска, не брезгали никакими средствами, даже похищениями и убийствами, стараясь искоренить остатки китайского и русского влияния на корейскую феодальную верхушку.

8 октября 1895 г. в Сеуле, по приказу японского посланника Миура, был захвачен королевский дворец и была убита корейская королева, а сам король был посажен под арест. Убийство японцами королевы было настолько вопиющим и бесцеремонным актом, что даже покровительница Японии — Англия должна была заявить протест по поводу японских действий. Испугавшись международных осложнений, японцы вынуждены были отозвать из Кореи Миура и весь состав миссии, участвовавшей в этом кровавом деле. Корейский король через четыре месяца бежал из-под стражи и укрылся в помещении русской дипломатической миссии. Царская Россия поспешила воспользоваться этим для того, чтобы ослабить влияние японцев и добиться укрепления своих политических и экономических позиций в Корее.

В 1897 г., по совету царской России, корейский король объявил себя императором. Смысл этого заключался в том, что до этого корейский король по рангу был ниже китайского богдыхана и, хотя с 1895 г. формально Корея считалась независимым государством, он все же «чувствовал» себя вассалом китайского императора. Получив «самостоятельный» ранг императора, корейский король становился «на равную ногу» с правителями Китая и Японии.

Закрепляя свои позиции в Корее, царская Россия одновременно готовила и захват Манчжурии. В 1896 г. царское правительство при помощи взятки, данной китайскому сановнику (Ли Хунчжану), заключило с Китаем договор о предоставлении России права на постройку на территории Манчжурии железной дороги, которая соединила бы кратчайшим путем Читу с Владивостоком. Зона, в которой происходило строительство этой железной дороги, отдавалась в полное и бесконтрольное распоряжение русским властям. Россия получила право содержать войска в этой зоне — так называемой «полосе отчуждения».

Япония не хотела примириться с растущим влиянием России в Корее и Манчжурии и при прямой поддержке со стороны Англи готовилась к борьбе за передел колоний на Дальнем Востоке. Особенное раздражение Японии вызвал тот факт, что в 1898 г. царская Россия получила от Китая в концессию Ляодунский полуостров, который был «отобран» у Японии в результате пересмотра симонсекского мирного договора. Кроме того, японцы были чрезвычайно обеспокоены строительством вышеуказанной русской железной дороги в Манчжурии, известной под названием КВЖД. Южная ветка этой дороги доходила до Порт-Артура, что угрожало дальнейшей экспансией царской России в сторону Китая.

Одним из непосредственных результатов японо-китайской войны была активизация империалистических устремлений других крупных держав в отношении Китая. Ленин по этому поводу красочно и ярко писал:

«... Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»¹.

Действительно, после японо-китайской войны усилилась борьба империалистических государств за раздел Китая. Под видом концессий захватывались важнейшие китайские порты. Первой (после царской России) показала пример Германия, захватив в 1897 г. Циндао и Киао-Чао, затем Англия в 1898 г. захватила Вейхайвей, а Франция захватила часть китайской территории на юге.

Своеобразным исключением из этой политики являлась позиция Америки. Америка тогда уже провозгласила свою знаменитую доктрину «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. Эта «доктрина» стремилась предупредить расчленение Китая на монопольные сферы влияния американскими соперниками. В письме американского статс-секретаря Хейя, адресованном послан великих держав в 1899 г., эта «доктрина» была сформулирована так:

- 1) Китай не разделяется на сферы влияния между странами,
- 2) в Китае купцы всех наций равны в делах торговли,
- 3) Порт-Артур должен быть свободным портом,
- 4) китайский таможенный тариф должен быть одинаковым для товаров всех стран,
- 5) Циндао должен быть «свободной бухтой».

Здесь ясно выражено недовольство тем, что Россия и Германия первые показали путь захвата определенных китайских территорий. США декларировали свое отрицательное отношение к этим захватам и одновременно выражали стремление американского империализма сохранить за собой «право» на эксплуатацию всего Китая в будущем. Эта отсрочка объяснялась главным образом тем, что Америка была в то время занята войной с Испанией (американо-испанская война 1898 г., закончившаяся захватом Филиппин). Поэтому принимать непосредственное участие в территориальном разделе Китая в данный момент американский империализм не имел возможности, хотя оставлял за собой «право» на экспансию в будущем.

Сам по себе захват Филиппин американским империализмом в 1898 г. чрезвычайно приближал США к Китаю и увеличивал их заинтересованность в дальневосточных делах.

В непосредственной близости от Филиппин находился остров Формоза, «приобретенный» Японией в результате японо-китайской войны.

Следует в связи с этим указать, что Японии пришлось потратить достаточно сил, чтобы привести в покорность население острова Формозы и прилегающих к ней Пескадорских островов. Как Фор-

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 165.

моза, так и Пескадорские острова были мало заселены. Население их состояло, главным образом, из китайцев и туземных племен малайского происхождения. Но с первых же дней установления японского господства японский гнет оказался настолько сильным, что началась целая серия очень упорных восстаний против Японии. Наиболее крупное восстание на Формозе, известное под названием восстания «Черного знамени», вспыхнуло в 1898 г. О размерах этого восстания можно судить по тому, что для подавления его японцы послали на Формозу 100-тысячную армию. Хотя у местного населения не было ни оружия, ни серьезной военной организации, оно оказало серьезнейшее сопротивление японцам. Восстание было подавлено в конце концов с «азиатской» жестокостью. Режим, который там был установлен, с небольшими изменениями существует и до сегодняшнего дня. Именно тогда, в 1898—1900 гг., коренное формозское население стало уходить в горы, в местности, трудно доступные для колонизаторов, и целыми годами и десятилетиями вело партизанскую борьбу против японских захватчиков.

Весьма важным событием, отметившим дальнейший рост империалистических притязаний Японии, явилось активное участие Японии в подавлении так называемого «боксерского восстания» в Китае в 1900 г. Это восстание было непосредственным ответом китайского народа на серию грабительских захватов его территории в период с 1897 по 1899 г. Китайский народ, возмущенный жестокой феодальной эксплуатацией своих собственных правителей, заискивавших перед иностранными угнетателями, доведенный до крайности наглым грабежом со стороны империалистических держав, поднялся против насильников. Несмотря на то, что в отдельных эпизодах этой борьбы «боксерские» лозунги выглядели по внешности «реакционными», но по существу это было революционное и прогрессивное народное выступление, и именно поэтому против него объединились все силы империалистических стран, включая и Японию. Державы использовали восстание, как удобный повод для вооруженной интервенции. Удельный вес японского участия в этой интервенции определяется количеством японских солдат, посланных в Китай в этот период якобы для подавления «боксерского восстания». Царская Россия послала 4 800 человек, Англия — 3 000, Америка — 2 100, Франция — 800, а Япония — 8 000 человек.

Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что, используя пребывание своих войск на китайской территории при подавлении «боксерского восстания», японцы усиленно насаждали там свою разведывательную агентуру. Информация, которую японский империализм получал о положении в Китае и, в частности, в Манчжурии, весьма пригодилась Японии во время русско-японской войны. Аппарат разведки, который Япония организовала в Китае, был в основном построен именно в годы подавления «боксерского восстания» (1900—1901).

Царская Россия в свою очередь не преминула использовать удобную ситуацию в Китае для того, чтобы оккупировать русскими войсками территорию Манчжурии. Завершение строительства южной

ветки КВЖД, соединявшей железнодорожную сеть России с Порт-Артуром, необычайно ускорило превращение Порт-Артура в сильную сухопутную и морскую крепость, базу русского тихоокеанского флота. «Русская буржуазия строила планы создания «Желтой России» в Манчжурии»¹.

Политика царской России в Корее также носила явно грабительский характер. Кучка хищных авантюристов — купцов, царских сановников и генералов — спешила прибрать к рукам все основные естественные богатства Кореи: лес, золото, уголь и прочее. «Царизм подбирался к Корее»². Царский наместник на Дальнем Востоке Алексеев прямо подстрекал к войне против «маленькой» Японии, которая «осмеливалась» претендовать на те же самые объекты колониального грабежа, что и «могущественная» Россия. Столкновение двух империализмов — одного до основания прогнившего и в то же время необычайно алчного и кичившегося своей «мощью», и другого, молодого, более гибкого и не менее хищного, — неизбежно должно было окопиться войной.

Кровавое подавление «боксерского восстания» поставило Японию на равную ногу с другими империалистами; потому что Япония, подписав «боксерский протокол», получила те же самые права и привилегии, что и другие «великие» державы. Это очень подняло дух японских правящих классов.

После этого более быстрым темпом стали проходить переговоры о заключении англо-японского союза. Японский империализм готовился при первом удобном случае выбить Россию из Кореи и Манчжурии. Но для этого Японии была нужна сильная опора во-вне. Именно поэтому Япония всячески прямыми и «кривыми» путями домогалась заключения англо-японского союзного договора.

Основной причиной, обеспечившей согласие английского империализма на стовор с Японией, было то, что Англия была заинтересована в ослаблении царской России. Правда, основные противоречия между русским и английским империализмом развивались не на Дальнем Востоке, а на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Прямой угрозы вооруженного столкновения между Англией и Россией в 1902 г. не существовало. В этот период Англия уже серьезно считалась с франко-русским соглашением и была озабочена германской угрозой. Поэтому Англия не спешила подписать союзный договор с Японией, и японцам пришлось долго обивать пороги лондонских министерств, прежде чем англичане решились на этот шаг. Япония добивалась, чтобы в союзном договоре было сказано, что Англия поможет Японии в любой войне, которая будет происходить на Дальнем Востоке. Англичане на это не согласились. Япоано-английский договор, который был подписан в 1902 г., предусматривал, что каждая из договаривающихся сторон только в том случае вступает в войну, которую ведет другая, если к этой войне присоединится (против союзника) третья страна. Если, следовательно,

¹ Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Госполитиздат, 1938 г., стр. 62.

² Там же.

в случае войны Японии против России на стороне России выступила бы еще одна держава, только тогда Англия была бы обязана прийти на помощь Японии. Во всех других случаях Англия должна была оказывать Японии лишь «моральную» и дипломатическую поддержку, но не военную.

Интересны обстоятельства заключения англо-японского союзного договора 1902 г. Весьма распространено мнение о том, что князь Ито был противником заключения договора с Англией и поехал в Петербург, чтобы добиться заключения русско-японского союза. Ряд материалов говорит о том, что это скорее всего был блеф. Именно потому, что Англия не особенно спешила заключать союзный договор с Японией, японцам нужно было шантажировать Англию путем переговоров с Россией. Когда Ито убедился, что в Лондоне начали беспокоиться по поводу его петербургских переговоров о «союзе» с Россией, он спокойно прервал свои беседы с русскими дипломатами и уехал в Берлин. Это лишний раз показывает, что англичане с большой нерешительностью шли на союз, японцы же всеми средствами пытались его добиться.

Англо-японский союзный договор ускорил подготовку Японии к нападению на царскую Россию. Он дал Японии кредиты и обеспечил финансирование войны. Такахаси Корекийо, убитый фашистами в 1936 г., был тем японским финансовым агентом, который заключал кредитные сделки в лондонском Сити и вел переговоры с английскими банкирами.

Несомненно, что в возникновении русско-японской войны виноваты в равной мере обе стороны: и царский империализм и японский империализм. «Япония, так же, как и царская Россия, стремилась забрать себе Корею и Манчжурию. Япония уже тогда мечтала о захвате Сахалина и Дальнего Востока»¹. Но инициативу нападения взял на себя агрессивный японский империализм. «Не дожидаясь, пока царское правительство объявит войну, Япония первая начала ее. Располагая хорошей разведкой в России, Япония рассчитала, что в этой борьбе будет иметь неподготовленного противника»².

6 февраля 1904 г. японский посланник в Петербурге получил предписание потребовать свои паспорта, и 8 февраля японские миноносцы, без объявления войны, совершили предательское нападение на русскую эскадру, стоявшую незащищенной (из-за преступной беспечности царских адмиралов) на порт-артурском рейде. 10 февраля Япония формально объявила войну России.

31 марта 1904 г. первое морское сражение, протекавшее вначале удачно для русской эскадры, превратилось в поражение вследствие случайной гибели от пловучей мины флагманского линкора «Петропавловск», что сразу резко изменило соотношение сил в пользу японцев и лишило русскую эскадру руководства (на «Петропавловске» погиб русский командующий адмирал Макаров). После этого

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 52.

² Там же, стр. 52—53.

русская тихоокеанская эскадра ушла в Порт-Артур, где оказалась фактически запертой японцами.

Основные военные операции развернулись на суше.

Ареной военных действий явилась Манчжурия, куда были направлены три японские армии под общим командованием Ояма.

Бездарное и продажное царское военное командование, во главе которого был поставлен генерал Куропаткин, никудышная организация штабной работы, хаос в организации снабжения, отсутствие хорошо налаженной разведывательной службы — все это свело на-нет высокие боевые качества русских солдат, проявивших в отдельных операциях против японцев высокий героизм.

В сражении под Ляояном, происходившем в конце августа 1904 г., налицо имелись все данные для решительной победы над японцами. Двухдневные ожесточенные атаки японцев на укрепленные русские позиции были повсеместно отбиты. Японские войска понесли при этом колоссальные потери: около 24 тыс. человек. Потери русских войск были значительно меньше. Малейшей наступательной инициативы со стороны русского командования было бы достаточно, чтобы опрокинуть и разгромить потрепанные и почти деморализованные части японской армии. Однако царский главнокомандующий Куропаткин дал приказ отступить, опасаясь «окружения», и превратил легко достижимую победу в бесславное поражение.

Царский сатрап генерал Стессель предательски сдал японцам хорошо укрепленный Порт-Артур после длительной его осады, выявившей неспособность японских военачальников (генерал Ноги) взять эту крепость при помощи систематически отбивавшихся кровопролитных штурмов.

Сдача Порт-Артура 3 января 1905 г. была крахом прогнившего режима русского самодержавия, а отнюдь не достижением японских стратегов.

В своей знаменитой статье «Падение Порт-Артура» Ленин подчеркивал: «Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»¹.

10 марта 1905 г. генерал Куропаткин исключительно из-за своей неповоротливости и трусости проиграл одно из самых кровопролитных сражений, известное под названием мукденской операции.

27 мая 1905 г. в Цусимском проливе подверглась разгрому царская военно-морская эскадра адмирала Рожественского, посланная из Балтийского моря на помощь Порт-Артуру.

На этом война была фактически закончена.

Непопулярность империалистической войны в народных массах России, усиливавшаяся с каждым днем, по мере того как выяснялся

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 49.

преступный авантюризм царизма, ввязавшегося в войну в интересах банды спекулянтов, полная неподготовленность к войне и бездарность царских военачальников предопределили поражение царской армии.

Японский империализм победил в русско-японской войне исключительно вследствие отсталости царской России. «За отсталость царской России народ расплачивался дорогой ценой»¹.

Летом 1905 г. обе воевавшие стороны с радостью ухватились за предложение американского президента Теодора Рузвельта о мирном посредничестве. Царская Россия спешила выйти из войны, чтобы поскорее расправиться с революцией 1905 г. Япония дошла до последних пределов напряжения, и каждый новый день войны катастрофически ухудшал ее общее экономическое положение (не говоря уже о том, что русская армия не была окончательно разбита и продолжала представлять собой грозную силу для Японии).

Война обошлась Японии в 2 млрд. иен и около 700 тыс. человек убитыми и ранеными.

Находясь на грани экономического банкротства, Япония не могла особенно много торговаться во время мирных переговоров, начавшихся в Портсмуте (США) в августе 1905 г. Посредничавший американский президент в свою очередь оказывал сильнейшее давление в ходе переговоров на японскую делегацию, побуждая ее к возможно большей уступчивости. 5 сентября 1905 г. был подписан мирный договор, по которому Япония получала южную половину острова Сахалина (к югу от 50-й параллели), Южную Манчжурию (Ляодунский полуостров, южную ветку КВЖД, переименованную в ЮМЖД, со всеми русскими правами и концессиями) и право рыбной ловли в русских водах. Царское правительство признало также свободу действий Японии в Корее.

К концу русско-японской войны для японского империализма сложилась неблагоприятная международная обстановка, вызванная японскими победами. Почти все крупные буржуазные страны находились в состоянии большого возбуждения, будучи раздражены военными успехами маленькой «желтой» Японии и видя в этом определенный урон для престижа не только царской России, но и всех реакционных элементов в Европе. Во время мирных переговоров в Портсмуте русскому царизму, «попавшему в беду», весь капиталистический мир сочувствовал гораздо больше, чем победителю — Японии. Как указывал Ленин, европейскую буржуазию пугали «неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе»². Поэтому Витте, царскому делегату на мирной конференции, удалось в известной мере использовать и этот фактор для того, чтобы добиться большей уступчивости от делегатов Японии. Японии не удалось настоять на принятии ее требования об уплате Россией громадной военной контрибу-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 53.

² Ленин, Соч., т. VII, стр. 336.

ции, и она вышла из войны с расстроенными финансами и с тяжелым грузом чрезвычайно возросших долгов.

Шовинистический угар довольно сильно отравлял внутреннюю атмосферу в Японии в период русско-японской войны. Однако он не носил при этом характера всеобщего «патриотического подъема», который тщетно старались придать ему господствующие классы Японии. Наиболее сознательная часть японского рабочего класса относилась к захватнической войне японского империализма резко отрицательно.

Подобное отношение было подготовлено всем предшествовавшим периодом подъема японского рабочего движения, начавшегося в конце девяностых годов. К этому же периоду относились и первые организованные попытки создать в Японии социалистическую партию.

В 1901 г. при участии Катаяма была организована первая в Японии социал-демократическая партия — сякай минсюто. Партия эта была легалистской, и, по мысли ее создателей, она должна была служить лишь первым этапом в развитии революционной пропаганды, распространяемой среди рабочих масс.

Сякай минсюто тем не менее оказалась неприемлемой для монархической Японии. Партия была распущена властями сразу же после своего появления, и правительство подвергло свирепым преследованиям всех ее инициаторов.

Более успешным оказалось движение хэймин ундо, составившее целый этап в развитии японского социалистического движения. (Слово хэймин означает простой народ, ундо — движение.)

Как движение хэймин ундо зародилось в самом конце 90-х годов, но максимальный расцвет его падает на годы, проходящие под знаком русско-японской войны, — 1903—1907. Хэймин ундо сыграло большую роль в развитии японского социалистического движения, способствуя прежде всего консолидации разрозненных до того интеллигентских социалистических ячеек и рабочих профессиональных организаций Японии.

Особенностью развития японского рабочего движения в 90-х годах была оторванность чисто рабочих организаций профсоюзного типа от интеллигентских кружков и объединений, пытавшихся изучать основы социалистической теории. Движение хэймин ундо взяло на себя задачу приблизить эти интеллигентские социалистические кружки к рабочим массам.

По своему характеру движение хэймин ундо безусловно не было еще марксистским. Вождями этого движения были вчерашние радикальные лидеры левого крыла минкен ундо, которые под влиянием социально-экономических процессов, протекавших в Японии, пытались отразить в своих выступлениях протест социальных «низов» японского народа — трудящихся. Но, пытаясь честно встать на позицию защитника интересов трудящихся классов Японии, эта, преимущественно мелкобуржуазная, интеллигенция тащила за собой целый груз всяких идейных и иных предрассудков, доставшихся ей в наследство от минкен ундо.

Центром движения явилось издательское общество Хэйминся, выпускавшее разнообразную литературу под маркой хэймин. В 1903 г. издательство Хэйминся приступило к изданию газеты «Хэймин симбун». С момента основания этой газеты и следует рассматривать начало этого движения, как самостоятельный этап в истории японского социализма.

Декларация, выпущенная по случаю основания газеты в 1903 г., гласила:

«1. Важнейшими принципами человеческого существования являются свобода, равенство и братство.

2. Мы выдвигаем принцип демократии для того, чтобы осуществить свободу для человечества. Поэтому мы хотим уничтожить классы, порожденные неравным происхождением, концентрацией богатства, половым различием, и хотим изгнать всякое насилие и тиранию.

3. Мы провозглашаем принципы социализма для того, чтобы добиться равного распределения благ для человечества. Поэтому мы считаем необходимым обобществление средств производства, распределения и транспорта и считаем необходимым, чтобы управление и руководство ими осуществлялось в интересах всего общества.

4. Мы проповедуем принцип мира для того, чтобы человечество шло по пути братства. Поэтому мы стремимся к упразднению вооружений во всем мире, независимо от расовых и политических различий, и стремимся к запрещению войн.

5. Мы считаем, что полная свобода, равенство и братство являются идеалом для большинства человечества. Поэтому необходимо в рамках государственных законов мобилизовать общественное мнение большинства людей вокруг средств к достижению этого идеала и объединить это большинство. При этом мы решительно отвергаем необходимость хотя бы временно прибегнуть к насилию.

Объединение Хэйминся

Документы Хэйминся вскрывают всю эклектичность теоретических основ этого движения. Ряд пацифистско-толстовских положений, легализм, перешедший по наследству от буржуазного движения минкен ундо, — все это серьезно тормозило превращение хэймин в подлинно революционное движение.

Руководители хэймин наряду с изданием так называемой «народной литературы» и газеты создавали местные ячейки типа политических кружков. Основными деятелями хэймин были городская трудовая интеллигенция и частично пролетариат, вернее, грамотная его верхушка (в те годы грамотность японского рабочего класса была чрезвычайно низкой). Но хэймин ундо в то же время в значительной степени отражало и недовольство крестьянства. В документах хэймин ундо можно обнаружить целый ряд народнических положений: идеализацию крестьянства и стремление противопоставить «здоровые» условия жизни деревни гнету капиталистической эксплуатации в городах.

В целом, движение хэймин представляло собой синтез трех разнородных элементов: во-первых, мелкобуржуазного радикализма, унаследованного от минкен ундо, во-вторых, социализма, в результате роста политической сознательности рабочих масс, и, в-третьих, стихийного крестьянского демократизма. Говоря о социализме, о социальной справедливости, деятели хэймин ундо ограничивались чрезвычайно расплывчатыми призывами к изменению существовавшего строя. Даже наиболее крупные деятели хэймин ундо

весьма далеко отстояли от марксизма и даже собственно не представляли себе, что такое марксизм. Отсутствие подлинно революционной социалистической теории весьма болезненно сказалось на всем процессе роста японского социалистического движения.

При всей неопределенности и расплывчатости своей программы хэймин ундо стало как бы аккумулятором стихийных революционных настроений, нараставших в этот период как в городе, так и в деревне.

Одним из самых положительных моментов деятельности хэймин ундо была антивоенная пропаганда. Хэймин ундо с самого начала в необычайно тяжелых условиях заняло и отстаивало антимилиитаристскую позицию. Еще до возникновения русско-японской войны отдельные руководители хэймин ундо писали в своих статьях о том, что милитаризм поднимает в Японии голову. Они отмечали, что это выражается не только в увеличении государственных расходов на вооружения, но и в том, что официальной японской наукой прославляется дух самурайства, солдафонских «доблестей». Представители хэймин ундо в своих выступлениях подчеркивали, что против этого зла необходимо вести самую упорную борьбу. Критика милитаризма со стороны хэймин ундо велась, правда, с толстовско-пацифистских позиций. Но по тому времени и это было большим шагом вперед, в особенности после начала русско-японской войны, когда в Японии раздувались шовинистические настроения и когда лишь хэймин ундо сумело пойти против течения. Кроме того, хэймин ундо, ведя антивоенную пропаганду, связывало ее с борьбой за буржуазную демократию в Японии, с борьбой против военно-бюрократических правительств.

Наиболее видными фигурами среди руководителей хэймин ундо на первых порах его деятельности были Котоку и Сакаи. В прошлом оба они принадлежали к левому крылу минкен ундо и тогда уже отличались неопределенными, умеренно социалистическими взглядами¹.

Наряду с антивоенной деятельностью хэймин ундо боролось за идеи интернационализма. Выражением этого интернациона-

¹ Котоку Дэндзиро (псевдоним Котоку Сюэуй) родился в крестьянской семье в префектуре Коти в 1870 г. По профессии журналист. Вместе с Катаяма Котоку организовал в 1898 г. первый социалистический кружок в Японии, а в 1901 г. — первую социал-демократическую партию. Возглавив левое издательство «Бантёхо», Котоку придал ему социалистическую и интернационалистскую окраску. В период русско-японской войны 1904 — 1906 гг., несмотря на разгул шовинизма в Японии, Котоку являлся руководителем общества хэймин, которое вело активную антивоенную пропаганду. Занимая пораженческую позицию по отношению к японскому империализму, Котоку призывал (одновременно с Катаяма) к братскому союзу пролетариев воюющих стран. Будучи блестящим журналистом и талантливым пропагандистом, Котоку неоднократно подвергался аресту и предавался суду за свои статьи, за редакторскую работу и как переводчик произведений Маркса и Энгельса. (Котоку принадлежит первый перевод на японский язык «Коммунистического манифеста».) В 1905 г. после очередного тюремного заключения Котоку эмигрирует в США, где сближается с группой анархистов. Возвратившись в Японию в 1906 г., Котоку жестоко бичует реформистский оппортунизм в японском социалистическом движении, но допускает при этом сам грубые анархистские ошибки. Казнен японской монархией в 1911 г.

лизма может служить письмо к российской социал-демократической партии, опубликованное 13 марта 1904 г. в № 18 «Хэймин симбун» и предлагавшее братский союз рабочих Японии и России. В этом письме говорится:

«Товарищи! Правительства Японии и России добились войны для того, чтобы удовлетворить свою империалистическую жажду наживы. Мы, социалисты, не признаем никакого различия рас, никакого различия стран, никакого различия национальностей. Мы — товарищи, братья и сестры, у нас нет никаких оснований воевать друг с другом. Ваши враги — это не японцы, ваши враги — это патриотизм и милитаризм. Наши враги — это не русские, а тот же патриотизм и милитаризм — наши общие враги. Мы должны совместно со всеми социалистами мира вести героическую войну против этого общего врага. Товарищи! Когда вас преследуют жестокие правительства, не знающие пощады жандармы, когда вы должны страдать за социализм, помните о том, что на Дальнем Востоке тысячи товарищей, братьев и сестер с величайшим сочувствием желают вам успеха в вашей борьбе».

В начале 1904 г. движение хэймин ундо способствовало оформлению в Японии так называемой «социалистической партии японцев» (нихондзин сякайто). Эта партия, для того чтобы избегнуть политических преследований, была основана на территории США группой японских эмигрантов во главе с Сен Катаяма. Нихондзин сякайто заявила о своем присоединении ко II Интернационалу, и ее первым делегатом в нем был Сен Катаяма, который приехал на конгресс в Амстердам и выступал там, как представитель японских социалистов. На этом конгрессе, происходившем во время русско-японской войны, произошла историческая сцена обмена рукопожатиями между Катаяма, как делегатом японских социалистов, и Плехановым, как представителем русской социал-демократии.

13 ноября 1904 г. в № 53 «Хэймин симбун» впервые в Японии был опубликован перевод «Коммунистического манифеста». Правда, впоследствии выяснилось, что в этот перевод вкрались большие неточности, вследствие чего он был сделан заново и переиздан. Но самый факт издания «Коммунистического манифеста» положил начало более близкому непосредственному знакомству японских социалистов с марксизмом.

В конце 1904 г. вследствие полицейских преследований «Хэймин симбун» закрылась. Но немедленно начала выходить новая газета «Рупор» («Тёкуген»). Появление «Рупора» совпало с началом революции в России, и в первых же номерах его ярко отразился огромный интерес японских социалистов к революционным событиям в России. Из цензурных соображений редакция воздерживалась от серьезных политических оценок русской революции. Но симпатии к русским революционерам сквозят даже в чисто описательных очерках, помещаемых в «Рупоре».

После заключения Портсмутского мира, 5 сентября 1905 г., в Токио произошли крупные беспорядки. Японские буржуазные историки пытаются изобразить их, как проявление патриотического

недовольства тем, что условия мирного договора были «невыгодны» для Японии. В действительности, причины выступления в Токио носили совсем иной характер. Это было стихийное выступление трудящихся, выражавших свое возмущение тем, что рис дорог, что живется плохо, что царит произвол. Возбужденные массы громили полицейские участки в Токио и пытались даже атаковать здание министерства внутренних дел.

В марте 1906 г. в Японии появился первый социалистический журнал «Сякайсюги кенкью» («Изучение социализма»). В одном из номеров этого журнала был помещен на этот раз уже полный текст «Коммунистического манифеста». В № 4 был опубликован перевод статьи Энгельса «Научный социализм». В том же, 1906-м, г. стал работать первый социалистический кружок среди рабочих на рудниках Асио.

В феврале 1906 г. социалисты воспользовались тем, что реакционное милитаристское правительство Кацура сменилось в 1906 г. более либеральным правительством Сайондзи, и создали партию нихон сякайто, ставившую своей задачей «добиваться социализма в рамках законов». Новая партия провела ряд массовых митингов, в частности, митинги протеста против повышения трамвайной платы. Это было связано с тем, что частные компании, владевшие трамвайными линиями и бравшие более высокую плату за проезд, дали взятку муниципалитету, чтобы городской трамвай также повысил плату за проезд, чтобы не конкурировать с частными владельцами трамвая. Этот случай явился поводом для многолюдного митинга, организованного нихон сякайто. После митинга была организована демонстрация с красными флагами, прошедшая по улицам Токио. После этого в закрытом помещении было проведено собрание, посвященное вопросу о всеобщем избирательном праве.

В феврале 1907 г. состоялся второй съезд нихон сякайто, на котором произошло столкновение двух платформ: платформы Котоку, выдвигавшего «прямое действие» в анархистском духе, и платформы реформистов, представленной Тасоэ. Кроме того, на съезде были представлены центристы (руководимые Сакаи), которые пытались примирить точку зрения Котоку и сторонников борьбы за парламентские реформы.

Второй съезд нихон сякайто происходил в обстановке крупных стачек в Японии, в частности стачки на руднике Асио, где до этого представители нихон сякайто вели социалистическую пропаганду.

На съезде были подвергнуты обсуждению следующие вопросы: 1) как организовать движение за пересмотр полицейских законов, ограничивавших права японских граждан; 2) как организовать движение за всеобщее избирательное право; 3) как поднять антивоенное движение; 4) как поднять антирелигиозное движение. Котоку настаивал на принятии съездом резолюции о том, что «партия признает бессильность и ненужность парламентской политики». Он доказывал, что европейские социалисты, обладающие значительными парламентскими фракциями, как, например,

в Германии, во Франции, в Англии, волею-неволею должны подлаживаться к господствующим классам и своей работой отнюдь не способствуют росту революционного сознания масс, а разлагают рабочий класс. Указывая на кризис парламентских форм на Западе, он настаивал на том, что в Японии нужно совершенно отказаться от всяких попыток использования аналогичных форм борьбы. Это было, конечно, в данных условиях глубоко ошибочной позицией. Котоку не понимал, что в Японии стояли на очереди задачи буржуазно-демократической революции. Начав с правильной критики реформистов, он уклонился в сторону и завяз в анархистском болоте.

На съезде победило компромиссное течение, представленное Сакаи и Исигава, которые были избраны секретарями партии. Тасоз, защищавший реформистов, получил всего два голоса. Но партия долго не просуществовала. В том же году она была запрещена. Целый ряд политических преследований обрушился на социалистические издания, в частности, была закрыта «Хэймин симбун» (выходившая вторым изданием).

С 1907 г. рабочее движение в Японии временно пошло на убыль. Число стачек снижается. Попытки Котоку и Сакаи издавать снова газету под разными названиями остаются безуспешными. Наиболее активные революционные элементы Японии вынуждены уходить или в глубокое подполье или в эмиграцию. Катаяма еще в 1908 г. пытался организовать общество Хэймин кьокай, но не получил на это разрешения. Котоку окончательно погряз в сектантстве. Он так и не сумел наладить контакта с рабочими массами Японии.

Продолжателем лучших традиций японского социализма остался Сен Катаяма, который со своей небольшой группой сконцентрировал свою агитационную работу на борьбе за всеобщее избирательное право.

Возвращение к власти в 1908 г. правительства Кацура повлекло за собой новую волну свирепого полицейского террора. Многие социалисты были арестованы. В июле 1910 г. возник так называемый «инцидент Котоку». Анархистские выступления Котоку были ловко использованы правящими классами Японии для того, чтобы обвинить его в террористических намерениях. «Преступления» Котоку были квалифицированы, как организация террористического заговора на жизнь японского императора. В действительности, Котоку не был террористом, как не был и «настоящим» анархистом. При всех своих анархистских ошибках он был сторонником создания политической партии пролетариата. Признание необходимости политической организации рабочего класса определяет различие между Котоку и анархистами.

В результате тайного процесса по делу Котоку 12 человек, в том числе и сам Котоку, были повешены и 12 человек были посланы на каторгу. Комедия суда над Котоку вызвала многочисленные протесты со стороны социалистов многих стран, справедливо видевших в ней расправу японского деспотизма с одним из наиболее выдающихся лидеров японского социализма. В самой Японии об этом

деле в печати не появилось ни одной строчки. Полиция категорически запретила сообщать что-либо о процессе. Лишь после войны 1914—1918 гг. был снят запрет с упоминания о деле Котоку.

После русско-японской войны парламентские политические партии японской буржуазии и помещиков окончательно и полностью отказались от какого бы то ни было протеста против деспотизма военно-бюрократических правительств. Это было связано с тем, что в экономике Японии после русско-японской войны произошли существенные изменения, оказавшие свое влияние на политику господствующих классов. Русско-японская война в еще большей степени, чем японо-китайская, способствовала промышленному развитию Японии. Наряду с ростом текстильной промышленности, попрежнему занимавшей первое место в японской индустрии, значительно развились и другие отрасли промышленности. Открываются новые промышленные центры (северная часть острова Кюсю—Явата, Модзи и др.). В 1906 г. была основана компания Южно-Манчжурской железной дороги, ставшая основным орудием экономического закабаления Манчжурии.

Значительно усиливается монополистический капитал.

Акционерный капитал, занятый в промышленности, увеличился с 170 млн. иен в 1903 г. до 814 млн. иен в 1913 г. В 1913 г. 0,4 % крупных акционерных компаний (с капиталом свыше 5 млн. иен) держали в руках 38 % капитала всех компаний.

Еще более руководящее влияние на японскую экономику получают крупные концерны. Возникают новые концерны в результате монопольных военных поставок во время русско-японской войны. Государственный аппарат японского абсолютизма активно содействует обогащению и усилению капиталистических концернов. Многие государственные деятели Японии совмещают свою политическую работу с сотрудничеством в частных капиталистических объединениях. Деятели парламентских партий выступают в роли юридических советников крупных фирм.

После русско-японской войны японская буржуазия укрепляет свои позиции в господствующем блоке помещиков и капиталистов. Временами в этом блоке происходит значительная борьба, которая обычно кончается компромиссом за счет трудящихся масс. В период 1906—1908 гг. в Японии происходит открытая борьба между капиталистами и помещиками по вопросу о высоте обложения ввозимых в Японию сельскохозяйственных продуктов. Японская промышленная ассоциация выступает в парламенте под лозунгом необходимости снижения импортных пошлин на ввоз сельскохозяйственных продуктов, в частности на рис. Интересы этой промышленной ассоциации защищает партия кокуминто. В противовес этому партия сейюкай берет под защиту аграриев и требует высоких охранительных пошлин на сельскохозяйственную продукцию. В результате состоялось новое компромиссное соглашение между аграриями и капиталистами на базе высоких таможенных пошлин как на продукты сельского хозяйства, так и на промышленные товары.

Колониальные захваты и совместное ограбление колоний Формозы, Кореи и Южной Манчжурии цементировали реакционный блок помещиков и капиталистов.

Одним из важнейших последствий русско-японской войны было окончательное закабаление Японией Кореи. Вслед за признанием Россией и Англией преобладающего влияния японцев в Корее, 17 ноября 1905 г. был заключен так называемый японо-корейский договор, подготавливавший полное присоединение Кореи к Японской империи. Этот договор предусматривал установление японского контроля над иностранной политикой Кореи, над полицейской администрацией Кореи, над корейскими финансами. Японские советники были назначены во все корейские административные органы. Рассматривая Корею уже как свою колонию, японцы буквально третировали корейское население. В 1907 г. корейским императором была сделана последняя попытка обратиться к державам, в частности к США, с просьбой помочь освободиться от японской опеки. Один из корейских принцев был тайно послан на заседавшую в то время Гаагскую конференцию (по установлению постоянного мира) и заявил протест державам против японских притеснений. Эта петиция, однако, не имела никаких последствий. Главный враг Японии — царская Россия — была уже разбита, и больше никто не собирался вступать в конфликт с японцами из-за Кореи.

Последствием этой неудачной жалобы явились новые репрессии по отношению к Корее. Корейский император под угрозой смерти был принужден отказаться от трона в пользу своего сына. В 1907 г. Япония заключила новую «конвенцию» с Кореей, по которой фактически вся власть в стране переходила в руки японского генерал-резидента. Первым генерал-резидентом Японии в Корее был князь Ито. Корейская армия была распущена, японские вооруженные силы, введенные в Корею, стали единственным носителем «закона». В 1909 г. в Харбине Ито был убит корейским националистом, что повлекло за собой еще больший террор со стороны японцев в Корее.

Свирепый палаческий режим, установленный в стране новым генерал-резидентом Терауци, не мог мириться даже с фиктивным существованием корейской «туземной власти». 29 августа 1910 г. последний корейский император «торжественным актом» передал трон и страну в руки императора Японии. Корея превратилась в колонию Японии.

Генерал Терауци был переименован в генерал-губернатора Кореи и в течение девяти с лишним лет был бесконтрольным и полновластным хозяином страны. Являясь типичным представителем реакционной японской военщины, Терауци не считался ни с каким общественным мнением даже в самой Японии и фактически превратил Корею в полувоенную колонию, установив там порядок, который получил красноречивое название «сабельного режима». Японские колонизаторы стремились уничтожить все формы национальной корейской культуры, провести полную «японизацию» корейского населения. Преподавание корейского языка и истории Кореи

в школах было категорически запрещено. Японской полиции было предоставлено право бесконтрольно арестовывать и подвергать допросу любого корейца с применением всех видов физических пыток. Любой японец пользовался в Корее исключительными привилегиями, в то время как корейцы третировались, как безусловно низшие существа. За одинаковую работу японцы получали в несколько раз более высокую заработную плату, чем корейцы. Нечего говорить о том, что все мало-мальски ответственные должности могли занимать только японцы.

Так называемое «Восточное колонизационное общество» и Корейский банк приняли на себя «руководство» экономическим ограблением Кореи. Это ограбление приняло совершенно фантастические размеры. В кратчайший срок корейцы были согнаны с лучших земельных участков без соблюдения каких бы то ни было «условностей». Корейское крестьянство, задавленное налогами, разного рода повинностями по сооружению дорог, полузадушенное собственными корейскими помещиками и ростовщиками, за гроши отдавало свои земли скупщикам-японцам, а иногда просто сгонялось с земли полицейскими отрядами. Корейская торговля была придушена системой всевозможных мероприятий, начиная от специальных налогов, вплоть до внеэкономических средств воздействия (конфискация товаров). Забитый и задавленный японским солдатским сапогом, корейский народ неоднократно делал стихийные попытки восстать против своих угнетателей. Но эти выступления, как правило, не были хорошо организованы и без особого труда подавлялись колонизаторами.

12 августа 1905 г. прежний англо-японский союзный договор был заменен новым договором, который уже более определенно фиксировал обязанность Англии притти Японии на помощь в случае нападения со стороны третьего государства. Это представляло собой крупное престижное завоевание для японского империализма, так как прежний договор предусматривал в аналогичном случае предоставление англичанами лишь дипломатической помощи. Кроме того, в этом договоре было указано, что Англия соглашается признать за Японией право принять «меры руководства» в отношении Кореи. Таким образом, аннексия Кореи, завершенная в 1910 г., была прямо предусмотрена союзным договором с Англией.

Отношения Японии и царской России в первые годы после русско-японской войны были попрежнему напряженными, и царский империализм делал все возможное, чтобы избежать нового обострения отношений. В 1907 г. был подписан новый торговый договор и конвенция о рыболовстве, основанная на Портсмутском мирном договоре. В том же году была подписана японо-русская политическая конвенция (Мотопо — Извольский). Конвенция предусматривала обязательство обеих сторон соблюдать целиком и полностью «неприкосновенность территории Китайской империи». Секретный пункт этой конвенции предусматривал, что Манчжурия является зоной влияния России и Японии: Северная Манчжурия признавалась преимущественно сферой влияния России, Южная

Манчжурия — преимущественно японской сферой влияния. Этот договор получил свое дальнейшее развитие в секретном соглашении 1910 г. По этому соглашению Япония и Россия обязывались оказывать друг другу взаимную помощь по строительству железных дорог в Манчжурии, поддерживать и уважать статус кво Манчжурии в случае угрозы со стороны третьей державы. По существу это был договор о совместных действиях против Китая на случай, если бы Китай пожелал вернуть себе полноту власти в Манчжурии, равно как и против США, которые, как мы дальше увидим, делали попытки помешать дальнейшему проникновению России и Японии в Манчжурию.

В 1912 г. японское правительство пошло еще дальше по линии сговора с царской Россией, предложив дополнить секретный пункт о разделе сфер влияния в Манчжурии соответствующим соглашением и о Монголии. Со стороны России это дополнительное соглашение было подписано Сазоновым. Согласно тексту соглашения, Внутренняя Монголия разделялась на две части: в восточной части признавались японские интересы, в западной — русские. Таким образом, при наличии серьезных империалистических противоречий между Россией и Японией, они выступали единодушно в отношении курса на раздел Китая.

Соединенные штаты Америки с огромным недовольством наблюдали за экспансией японского империализма на Дальнем Востоке. Еще в октябре 1905 г. американцы делают попытку ослабить позиции Японии в Манчжурии. Речь идет о предложении крупного американского железнодорожного предпринимателя Гарримана создать синдикат для покупки ЮМЖД и КВЖД. Гарриман предложил Японии участвовать в этом синдикате, но она, равно как и царская Россия, от этого отказалась.

В 1907 г. выявились серьезные трения между Японией и США в связи с возбуждением в Америке, вызванным большим притоком японских колонистов в Калифорнию. Власти штата Калифорния запретили въезд японским эмигрантам на том основании, что японцы-колонисты не желают принимать американское гражданство и, по истечении определенного срока, возвращаются в Японию. Запрет этот встретил резкий протест со стороны японского правительства, и в результате долгих официальных переговоров в 1907 г. было заключено так называемое джентльменское соглашение, согласно которому японское правительство само обещало ограничивать приток японских колонистов в США и в Канаду.

В 1910 г. американский государственный секретарь Нокс выступил с проектом «нейтрализации» всех железных дорог в Манчжурии. Суть проекта сводилась к тому же, что и проект Гарримана, а именно, что должен был быть положен конец дальнейшему закреплению Японии в Южной Манчжурии и России — в Северной. По проекту Нокса, права Японии и России на железнодорожные концессии в Манчжурии подлежали выкупу специально созданным для этой цели международным консорциумом банков.

Япония, поддержанная и на этот раз Россией, отказалась даже обсуждать план Нокса.

Ухудшение японо-американских отношений повлияло на японо-английские отношения. В 1911 г. англо-японский союзный договор был пересмотрен, по английской инициативе, в сторону некоторого ограничения обязательств его участников. В частности, было оговорено, что договор не может автоматически обязать вступить в войну — на стороне союзника — против державы, с которой одна из сторон связана арбитражным договором. Кроме того, в текст договора был включен пункт об охране «общих интересов всех держав в Китае путем обеспечения независимости и неделимости Китая и принципа равных возможностей для торговли и промышленности всех наций». Оба эти пункта были продиктованы желанием Англии оставить себе юридическую лазейку для обоснования своего нейтралитета на случай войны Японии против США. Англия не желала больше связывать себе руки, поскольку для английского империализма Япония уже не представляла прежнего безусловно выгодного союзника: англо-германский антагонизм отнесся на задний план все прочие внешнеполитические расчеты Англии.

Наоборот, усиление экономических позиций Японии в Китае заставляло английскую буржуазию с известной подозрительностью относиться к своему дальневосточному союзнику.

В 1911 г. были полностью ликвидированы последние остатки неравноправных договоров, заключенных с Японией в период ее первоначального приобщения к мировому капиталистическому рынку: были отменены формальные ограничения для Японии в области свободного повышения пошлинных тарифов на ввозимые в Японию иностранные товары.

Процесс превращения Японии в «полноправного» империалистического хищника, таким образом, окончательно завершился.

В 1912 г. умер император Муцухито и закончилась так называемая эра Мэйдзи¹.

Ленин и Сталин неоднократно указывали на Японию, как на страну, которая может служить примером неравномерности и скачкообразности развития капиталистических стран в эпоху империализма. Еще в конце XIX в. Япония представляла собой крайне отсталое и слабое государство, встречавшее часто пренебрежительное к себе отношение со стороны других капиталистических стран и даже со стороны столь относительно отсталой капиталистической страны, как царская Россия. За короткий исторический срок Япония сделала крупный скачок в своем развитии, вырвалась вперед и стала «законно» претендовать на захват чужих территорий. По этому поводу Ленин писал: «После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить дей-

¹ На престол вступил император Йосихито, годы царствования которого (1912—1926) получили название Тайсэ (великая справедливость).

ствительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств¹.

Товарищ Сталин, говоря о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, указывает: «Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать о Японии по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война»².

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Мировая война 1914—1918 гг. оказала исключительное влияние на ход развития японского империализма.

Усиленно распространявшаяся японцами версия о том, что Япония ввязалась в войну 1914 г. исключительно в результате существования англо-японского союзного договора, совершенно не соответствовала действительности.

К моменту наивысшего обострения англо-германских империалистических противоречий интересы обоих союзников на Дальнем Востоке — Англии и Японии — уже расходились кардинально по многим вопросам. Но главным источником трений между ними служил Китай. Английский империализм в то время занимал почти монопольное положение в Китае, и Япония уже считала стеснительной для себя опеку своего могущественного союзника в «китайской политике».

Недоброе отношение Англии к Японии росло, по мере того как становилось все более очевидным, что территориальные захватнические притязания молодого японского империализма в отношении Китая идут вразрез с английскими интересами и что торговая борьба между союзниками имеет много шансов перерасти в открытое столкновение.

Японское «общественное мнение» непосредственно перед войной 1914 г. открыто ставило вопрос о нецелесообразности дальнейшего существования англо-японского союзного договора.

В правящих верхах Японии существовало довольно влиятельное течение в пользу сближения с главным противником Англии —

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 232.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 82.

с Германией, чтобы совместными усилиями подорвать монопольное владычество Англии в Китае и сбросить с себя ярмо стеснительной английской «дружбы». Не кто иной, как премьер-министр Японии Окума склонялся к тому, чтобы поддержать это германофильское течение.

Первым официальным симптомом ухудшения японо-английских отношений явился инцидент в японском парламенте, когда за два года до начала мировой войны — 2 февраля 1912 г. — сессия парламента демонстративно аплодировала антианглийскому выступлению министра Уцида, заявившего, что японская политика в Китае не может быть изменена в результате давления со стороны. Это выступление носило характер официального ответа на протест со стороны английского правительства против японской активности в Северном Китае.

Изменившаяся позиция Японии в отношении Англии не могла укрыться от Германии и России. В донесениях царской дипломатии в Петербург накануне самой войны настойчиво подчеркивается растущая отчужденность и даже враждебность между Японией и Англией. Русский посол Малевский-Малевиц доносит в Петербург 11 мая 1914 г., т. е. за три месяца до начала войны:

«Главным препятствием для экономического сближения между Англией и Японией является их соперничество в Китае. Печать не без горечи отмечает, что в Китае англичане более других иностранцев противодействовали успехам Японии и вообще Англия является в Китае не союзницей Японии, а скорее ее соперницей. Отсюда делается вывод: если между Японией и Англией не установится на почве китайских дел экономического союза, то и политический их союз утратит всякое значение и Японии придется искать более тесного сближения с Россией или другой европейской державой, например, с Германией, имеющей интересы в Китае».

Руководители германского империализма строили определенные расчеты на углубление англо-японских противоречий и на привлечение Японии на сторону «тройственного союза» в подготовлявшейся решительной борьбе за мировую гегемонию.

Стремясь разжечь антияпонские настроения в Англии и воздействовать на морские английские круги, Вильгельм II еще в мае 1913 г. публично заявил, что Англия ведет ошибочную политику, так как концентрирует свой флот в Северном море, в то время как Япония отнюдь не является гарантией безопасности английских владений на Тихом океане, а, наоборот, «Япония действует против Англии».

В декабре 1913 г. на телеграмме германского посла в Лондоне Лихновского Вильгельм делает пометку следующего содержания:

«Мы должны заключить военное соглашение с Болгарией и Турцией, а также и с Румынией. Мы должны заключить аналогичное соглашение и с Японией. Мы должны использовать любую страну, подходящую для того, чтобы помочь нам. Это вопрос жизни и смерти для Германии».

Секретные архивы германского министерства иностранных дел, таким образом, отчетливо показывают, что расчеты Вильгельма на Японию не были просто блефом, пущенным в ход для того, чтобы напугать англичан, а представляли собой часть стратегических планов германского империализма. Однако к моменту возникновения войны эти германские планы в отношении Японии были еще далеки от реализации.

Японский империализм вместе с тем боялся рвать союзные отношения с Англией и открыто перейти на сторону Германии. В военном отношении для Японии было явно опасно очутиться перед комбинацией таких противников, как Англия и Россия (при отдаленности Германии). Напротив, германские вооруженные силы на Дальнем Востоке были незначительны, и для Японии было выгодно сделать благородный жест лояльности по отношению к союзнику и выступить против слабых германских сил на Тихом океане, с тем чтобы, воспользовавшись связанностью Англии европейской борьбой, в дальнейшем приступить к захвату Китая.

Начало войны застало врасплох японское «общественное мнение». Первые дни августа 1914 г. характеризовались внешней неопределенностью обстановки. Распространялись даже антиантановские бюллетени, выпускавшиеся германскими информационными агентствами. Министр юстиции Одзакэ опубликовал в печати открыто гермаофильское заявление.

Но общий курс японского империализма был в основном уже определен. Японское правительство спешно известило «великие державы», что оно готово выполнить свой союзнический долг, если только Англия вступит в войну.

Несмотря на существование англо-японского союзного договора, у Японии была полная возможность сохранять нейтралитет, и не только потому, что германское правительство поспешило заявить о неизменности своих дружественных чувств по адресу Японии. Английское правительство официально уведомило Японию, что «хотя Англия еще не определила свое положение в настоящем столкновении, но если она в него вступит, то целиком на стороне России и Франции. В этих условиях Англия не считает вероятным обращение к содействию Японии, как союзной державы».

Английский министр иностранных дел Грей в 1914 г. пытался даже удержать Японию от выполнения «союзнического долга» и от выступления против Германии¹. Грей прямо объясняет это опасением того, что Япония, воспользовавшись удобным случаем, приобретет чрезмерную свободу действий на Тихом океане.

Действительно, как только было официально объявлено о войне между Англией и Германией, опасность захватнических действий со стороны Японии в отношении Китая была уже настолько очевидной, что китайское правительство обратилось к Америке с просьбой выступить с предложением локализовать войну в Европе и не

¹ См. книгу Грея «Twenty five years 1892—1916».

вести военных действий на Дальнем Востоке. Англия в свою очередь еще раз подтвердила японскому правительству, что она не нуждается в союзнической помощи Японии.

Но японский империализм уже окончательно сделал свой выбор. В августе японские военные суда появились в Шаньдуне. 15 августа 1914 г. без согласования с союзником Япония предъявила Германии ультимативную ноту.

Этот документ, не превзойденный по своему цинизму, гласит следующее:

«В целях поддержания прочного мира в Восточной Азии японское императорское правительство искренне полагает, что его обязанностью является советовать императорскому германскому правительству выполнить следующие предложения: 1) удалить немедленно из японских или китайских вод германские военные корабли и вооруженные суда всех видов и разоружить те из них, которые не могут быть удалены; 2) передать не позже 15 сентября императорским японским властям без условий или компенсаций всю арендованную территорию Киао-Чао в целях эвентуального возвращения ее Китаю».

Восемь дней было дано на безотговорочное принятие этого ультиматума и было указано, что по истечении этого срока «Япония будет вынуждена принять такие действия, которые покажутся ей необходимыми в соответствии с создавшимся положением».

Обеспокоенное этим ультиматумом английское правительство вынудило Японию опубликовать «совместное заявление», в котором отмечалось, что «правительства Великобритании и Японии, снесясь друг с другом, пришли к мнению, что каждому из них необходимо принять меры к защите общих интересов на Дальнем Востоке, закрепленных англо-японским союзом, особенно в целях охраны независимости и целостности Китая, о чем и заключили соответствующее соглашение».

Далее, в этом «заявлении» подчеркивалось, что «действия Японии... не коснутся никакой иностранной территории за исключением территории германской оккупации на континенте Восточной Азии».

Но, несмотря на эту декларацию, помешать Японии в ее планах Англия была не в силах.

Не получив ответа на свой ультиматум, Япония 23 августа 1914 г. формально объявила войну Германии. 5 сентября японский министр иностранных дел Като, выступая в парламенте с разъяснением японской внешней политики, весьма пространно говорил о наличии «глубоких» противоречий между интересами Германии и Японии на Дальнем Востоке.

Ввиду того что японские действия вызвали враждебные отклики со стороны Америки, премьер Окума в день объявления войны телеграфировал в США о том, что «Япония действует... в полном согласии со своим союзником. Япония не имеет территориальных притязаний и надеется выступить в качестве защитника мира на Востоке».

2 сентября 1914 г. в Шаньдун была направлена небольшая японская экспедиционная армия в составе полутора дивизий. Японцы осадили Циндао, и 7 ноября эта крепость была взята. Одновременно оперировавшая в Тихом океане английская эскадра без особых усилий разбила немногочисленные германские военные суда в районе тихоокеанских островов, принадлежавших Германии, и эти острова были оккупированы японцами. Взятием Циндао было по существу закончено участие вооруженных сил Японии в мировой войне.

Мировая война «стоила» Японии около 2 тыс. человек убитыми и ранеными. Если сравнить с этими потерями человеческие жертвы, понесенные от войны другими странами, то эти японские потери окажутся мизерными. Даже США, вступившие в войну в 1917 г., потеряли убитыми и ранеными около 300 тыс. человек. Царская Россия потеряла около 9 млн. человек, Франция около 6 млн. и т. д.

В конце 1914 г., когда определились уже огромные масштабы военных операций в Европе, ряд государственных деятелей Антанты поставил вопрос о целесообразности использования японских экспедиционных войск в Европе. Однако первый же неофициальный запрос, адресованный японцам, показал, что Япония не собирается всерьез воевать. Свой отказ послать экспедиционный корпус в Европу японское правительство мотивировало тем, что климатические условия в Европе не подходят для японских солдат. В специальной ноте, посланной французскому правительству, японский министр иностранных дел заявлял, что Япония и так «несет огромные жертвы, защищая интересы союзников» на Тихом океане.

Китай очень скоро понял, что за подозрительной готовностью Японии бороться с германским милитаризмом кроются агрессивные японские планы в отношении самого Китая. Поэтому уже в момент высадки японских войск в Шаньдуне китайское правительство попыталось уйти от удара японского агрессора, объявив о своей готовности стать на сторону Антанты. Китайское правительство полагало, что в этом случае у японцев не останется предлога для захвата китайских территорий. Заявление Китая о его готовности объявить войну Германии вызвало, как и следовало ожидать, «взрыв возмущения» со стороны Японии. Японская пресса единодушно заявила, что это наглая китайская уловка, что Китай никаких интересов в войне не имеет и иметь не может и что Япония вынуждена протестовать против такого расширения войны в тихоокеанской зоне. В течение нескольких лет японская дипломатия проводила самое настоящее давление на Китай с тем, чтобы он не смел объявить себя воюющей стороной. Лишь в самом конце войны при поддержке США Китаю «удалось» вступить в войну на стороне Антанты против Германии.

Отношение Японии к Китаю, как к объекту агрессии, ни у кого не оставляло никаких сомнений. Японцы сами в этот период с циничной откровенностью выдвигали программу подчинения Китая.

Уже в начале 1915 г. Япония решила в полной мере восполь-

зоваться благоприятно сложившейся для нее международной обстановкой, чтобы закабалить Китай. 18 января 1915 г. японское правительство предъявило Китаю следующее «21 требование»:

I. Пункты, касающиеся Шаньдунской провинции:

1. Признание всех соглашений, могущих быть заключенными между Германией и Японией относительно уступки Германией прав и интересов в отношении Шаньдуна, полученных ею от Китая договорным или иным путем.
2. Гарантия неотчуждения никакой части территории Шаньдунской провинции.
3. Передача Японии права на постройку железной дороги, которая должна связать Чифу или Лунчжоу с Цзинань-Цзяочжоуской железнодорожной линией.
4. Открытие главных городов и портов Шаньдунской провинции на основе отдельного соглашения.

II. Пункты, касающиеся Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии, где «китайское правительство всегда признавало преобладающее положение Японии»:

5. Продление срока аренды Порт-Артура и Дайрена, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской ж. д. до 99 лет.
6. Предоставление японцам права приобретения и аренды земель, необходимых для сооружения строений во всякого рода коммерческих и промышленных целях, а также для ведения сельского хозяйства.
7. Разрешение японцам проживать, передвигаться и заниматься любой торговой и промышленной деятельностью и другими делами.
8. Предоставление японцам прав на разработку рудников, которые будут особо указаны на основе совместного решения.
9. Прежде чем предоставлять подданному третьей страны право на постройку железной дороги или прибегнуть к иностранной денежной помощи для постройки железной дороги, или заключить заем у другой страны под обеспечение местных налогов, Китаю нужно подучить на это согласие японского правительства.
10. В случае, если Китаю потребуются советники или инструкторы по политическим, финансовым или военным вопросам, необходима консультация японского правительства.
11. Поручение Японии в течение 99 лет контролировать и управлять Гирин-Чаньчунской железной дорогой.

III. Пункты о Ханьенинском предприятии ¹

12. Учитывая, что японские капиталисты тесно связаны с данным предприятием, превратить его при удобном случае в смешанное японо-китайское предприятие; условиться, что китайское правительство без согласия Японии не будет само распоряжаться всеми правами и имуществом, относящимся к предприятию, и не будет побуждать его ими распоряжаться.
13. Китайское правительство соглашается на то, что ввиду необходимости защиты кредиторских прав японских капиталистов, без согласия предприятия никому кроме него не может быть уступлена разработка рудников данного предприятия и всех лежащих рудников. Кроме того, оно соглашается с тем, что в случае если будут предприниматься меры, могущие оказать прямое или косвенное влияние на предприятие, на это должно быть испрошено предварительное согласие самого предприятия.

IV.

14. Китай соглашается не отчуждать и не сдавать в аренду гаваней, бухт и островов вдоль китайского побережья.

¹ Название комбината, объединявшего рудники и железоделательные заводы в нижнем течении реки Янцзы.

У. Пуныты, касающиеся других вопросов:

15. Приглашение авторитетных японцев в качестве советников для центрального правительства по политическим, финансовым и военным вопросам.

16. Признание права земельной собственности внутри Китая для японских больниц, храмов и школ.

17. Ввиду многочисленных неприятных полицейских пререканий, возникавших до сих пор между Японией и Китаем, в определенных местностях, где это необходимо, сделать полицию объединенной японо-китайской, либо пригласить японцев на службу в полицейские управления этих районов, чтобы они оказали помощь в улучшении китайской полицейской службы.

18. Обращение к Японии за снабжением определенным количеством военных припасов, примерно 50% или более того, либо постройка смешанных японо-китайских военных заводов в Китае и получение от Японии помощи инженерами и материалами.

19. Предоставление Японии прав на постройку железных дорог, соединяющих Учан с Цзяоан-Наньчанской линией, между Наньчаном — Ханчжоу и Наньчапом — Чаочжоу.

20. Учитывая связь между Формозой и провинцией Фуцзянь, а также соглашение о неуступке провинции Фуцзянь, в случае если понадобится вложить капитал в строительство железных дорог, рудников и портов Фуцзянской провинции, необходима прежде всего консультация Японии.

21. Японцам предоставляется право религиозной пропаганды в Китае.

Это «21 требование» представляло собой программу полного подчинения Китая японскому контролю. Пользуясь тем, что военные действия в Европе приняли в это время особую остроту и, следовательно, нельзя было помышлять о каком-либо вмешательстве европейских держав в дальневосточные дела, пользуясь тем, что Америка как раз в это время была «занята» огромными поставками для обеих воюющих сторон, японский империализм решил добиться осуществления своих старых планов закабаления Китая. «21 требование» было разбито на пять групп. Первые четыре группы были опубликованы в печати, хотя и с большим опозданием, так как японская дипломатия пыталась выиграть время и добиться капитуляции Китая до того, как это станет известно соперникам Японии. Пятая группа требований вовсе не была опубликована.

Как Англия, так и США имели исчерпывающие сведения об японских действиях в Китае. Так называемая третья группа «21 требования» прямо затрагивала интересы Англии, поскольку основные инвестиции английского капитализма в Китае были сконцентрированы в бассейне реки Янцзы. Тем не менее, Англия не обнаружила никаких признаков протеста в отношении Японии. Английский министр иностранных дел Эдуард Грей в ответ на заданные вопросы в парламенте заявил, что, по его сведениям, действия Японии в Китае не нарушают существующих договоров и не затрагивают непосредственно английских интересов. США реагировали на «21 требование» заявлением двух формальных протестов, в которых подчеркивалось, что Америка не будет считать для себя обязательными никакие соглашения, нарушающие прежние договоры. Но эти протесты не помогли Китаю оказать отпор японскому агрессору. Недостаточно энергичная реакция японских соперников в Китае — США и Англии — на действия японского империализма объяснялась, во-первых, занятостью держав европейской войной, во-вторых, тем, что и США и Англия

считали, что общеэкономическая и, в особенности, финансовая слабость Японии не позволит ей пустить достаточно глубокие корни в деле эксплуатации Китая.

Китай же в результате длительного хозяйничанья и междоусобной борьбы отдельных милитаристов находился в таком положении феодальной раздробленности и крайнего ослабления, что китайское правительство не могло и думать о вооруженном сопротивлении японцам. Китайская верхушка, непосредственно стоявшая у власти, и не собиралась организовывать сопротивления. Так называемые «аньфуисты», составлявшие правящую клику китайских милитаристов, были все, в той или иной степени, наемной агентурой японского империализма. Поэтому «21 требование» (за исключением «пятой группы») было формально принято Китаем. Это угрожало Китаю полной утратой политической независимости.

Мировая война оказала большое влияние на дальнейший ход экономического развития Японии. Используя обстановку мировой войны, когда другие капиталистические страны — конкуренты Японии — были заняты исключительно обслуживанием нужд войны, Япония почти целиком захватила все тихоокеанские рынки, включая Китай, Голландскую и Британскую Индию. Японский экспорт вырос в 1919 г. в четыре раза в сравнении с 1914 г. Впервые за много лет Япония получила огромный активный баланс. Японская промышленность приобрела невиданный до того стимул роста. Капитал, вложенный в промышленность за годы войны, более чем удвоился.

Годы войны — это период чрезвычайно быстрого подъема и развития всех отраслей японской промышленности, не только экспортных ее отраслей, но и тяжелой индустрии и в первую очередь судостроения. Вся японская торговля в бассейне Тихого океана обслуживалась японскими судами и требовала огромного количества новых пароходов. Японское судостроение сделало огромный скачок в этот период. Японское судоходство заняло третье место в мире. Развитие судостроения подталкивало рост и многих других отраслей промышленности. За годы войны значительно выросло машиностроение, электрическая промышленность, химическая промышленность и др.

Дивиденды японских промышленных предприятий достигли небывалых размеров, а в транспортных предприятиях — 70 и даже 120 %. Необычайно вырос японский золотой запас, достигнув огромной суммы в 2 млрд. иен.

Война открыла также новую полосу в развитии японского империализма, превратив Японию в страну, вывозящую капитал. Из 600 млн. иен займов, которые Япония вложила в Китай, 220 млн. иен было помещено во время войны. В этот период Япония навязывает Китаю так называемые «нисихаровские» займы, шедшие фактически на подкуп китайских милитаристов¹.

¹ В 1918 г. при посредстве японского банкира Нисихара группа японских банков, связанных с японским правительством, предоставила ряд многомиллионных займов пекинскому правительству, состоявшему из японских агентов-«аньфуистов», и от-

Из всех районов Китая наибольшему воздействию со стороны японской экспансии подверглись Манчжурия и Внутренняя Монголия. Развитие японской предпринимательской деятельности в бассейне Янцзы не могло получить большого размаха и ограничилось преимущественно строительством текстильных фабрик или созданием так называемых смешанных японо-китайских текстильных предприятий, поскольку более основательное проникновение Японии в Центральный Китай потребовало бы солидных капиталовложений, поместить которые Япония не могла. Японцы шли по линии наименьшего сопротивления. Япония захватывала сырьевые источники Манчжурии и Монголии, в остальных же частях Китая ограничивалась тем, что монополизировала их как рынок сбыта своих товаров.

Беззастенчивый грабеж Японии в Китае вызвал огромное недовольство в США. Япония хорошо понимала, что, до тех пор пока продолжается мировая война, нет оснований опасаться серьезного нажима со стороны США. Поэтому японское правительство сравнительно хладнокровно реагировало на американские ноты по поводу «21 требования». Однако Япония все же сочла нужным рассеять подозрения США насчет ее намерений в Китае. С этой целью японское правительство послало в 1917 г. в США специального посла, виконта Исии, под предлогом поздравления США по поводу их вступления в войну против Германии.

2 ноября 1917 г. в Вашингтоне было подписано специальное соглашение по китайскому вопросу между американским статс-секретарем Лансингом и виконтом Исии. Согласно этому соглашению, Америка признавала, что Япония имеет «специальные» интересы в тех частях Китая, к которым прилегают ее арендные владения. Поскольку арендные владения Японии в Китае находились в Южной Манчжурии, это соглашение признавало специальные интересы Японии в Манчжурии. Поэтому японцы были склонны толковать и даже афишировать это соглашение как крупную победу японской дипломатии. Однако одновременно в соглашении подчеркивалось, что Япония и Америка признают территориальный суверенитет Китая над любой частью его территории, признают целостность территории Китая и даже обязуются ее «защищать». Именно так толковался основной смысл соглашения в Вашингтоне.

Однако это обстоятельство умышленно не принималось в расчет японцами, для которых был важен лишь первый пункт данного соглашения.

Когда мировая война закончилась и определилась полная победа Антанты, между победителями начались длительные и сложные переговоры о том, как разделить военную добычу. Несмотря на то, что непосредственное участие Японии в войне было крайне ничтожным, японские претензии на мирной конференции были

дельным провинциальным милитаристам. Этими займами Япония старалась подкупить продажных китайских генералов и способствовать расширению междоусобной войны в Китае.

непомерно велики. Япония всерьез причисляла себя к числу стран, содействовавших окончательному разгрому германского империализма. На конференции в Версале японская делегация требовала, чтобы Япония не была «обойдена», чтобы она получила сполна свою долю при распределении германского наследства.

27 сентября 1919 г. барон Макино выступил в «совете десяти» с заявлением о том, что Япония требует признания за ней права на Шаньдун и бывшие немецкие владения на Тихом океане. Это требование было повторено и на «совете четырех». Японская делегация получила из Токио директиву не подписывать мирного договора до тех пор, пока это требование не будет удовлетворено.

Китайская делегация на Версальской мирной конференции резко возражала против этого. Попутно китайские делегаты заявили, что «21 требование», предъявленное Японией Китаю в 1915 г., было навязано Китайской республике силой и, следовательно, оно должно быть аннулировано. Протест китайских делегатов был поддержан корейскими националистами, которые отправили в Версаль специальную петицию, в которой говорилось о том, что варварский режим, утвержденный японцами в Корее, способствует вырождению корейского народа.

От имени США президент Вильсон публично заявил, что Версальская конференция должна обратить внимание на судьбу Кореи. Тогда японцы поставили ультиматум всему собранию, что если корейская петиция будет подвергнута обсуждению, то Япония вообще уйдет с конференции и не подпишет мирного договора. Так как последнее было не в интересах руководителей конференции, то корейская петиция была положена под сукно.

Протесты Китая получили лишь «моральную» поддержку со стороны делегации США.

«Совет трех» в составе Клемансо, Ллойд Джорджа и Вильсона постановил принять японские требования относительно тихоокеанских островов и бывших германских прав в Шаньдуне, что получило свое выражение в статьях 156—158 Версальского мирного договора. Единственной поправкой, принятой в отношении японских требований, по настоянию Америки, была оговорка по поводу острова Яп. Американцы потребовали, чтобы Японии было запрещено укреплять и превращать в военно-морскую базу этот небольшой островок, принадлежавший прежде Германии и расположенный в тихоокеанской группе островов, ближайших от Филиппин. 7 мая 1919 г. «Верховный совет» Антанты окончательно утвердил распределение германских колоний и передал Японии мандат на управление бывшими германскими тихоокеанскими островами к северу от экватора. Таким образом, японский империализм получил то, что он требовал.

В связи с отказом Версальской конференции от обсуждения вопроса о «21 требовании», Китай отказался подписать Версальский договор.

ЯПОНИЯ В ЭПОХУ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Годы мировой войны, которые привели к огромному росту японской промышленности и торговли и к небывалому обогащению господствующих классов, были вместе с тем годами величайшего обнищания широких трудящихся масс Японии. Спекулятивный промышленный подъем, который Япония переживала с 1915 до начала 1920 г., был целиком основан на благоприятной внешне-рыночной конъюнктуре.

Однако этот подъем происходил на весьма шаткой основе. Условия труда в самой Японии за годы войны не только не улучшились, а, наоборот, ухудшились. Дороговизна, неизбежно связанная с повышением цен в военное время, больно ударила по японскому населению и в первую очередь по рабочим. Повышение заработной платы резко отставало от роста розничных цен за годы войны. Этот разрыв был особенно велик в последние годы войны — в 1917—1918 гг. В 1917 г. заработная плата (если взять за 100 уровень 1900 г.) составляла 181, товарные цены — 196. В 1918 г. заработная плата составляла 203, товарные цены — 279. Фактический разрыв был еще больше, поскольку вздорожание цен на предметы первой необходимости было еще сильнее, нежели повышение цен на промышленные товары. Огромные размеры приняла спекуляция, особенно в торговле рисом.

Тяжелое материальное положение рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии вызвало к концу войны обострение классовой борьбы в размерах, невиданных раньше в Японии. В японских промышленных центрах происходят массовые стачки. В 1916 г. по всей Японии было зарегистрировано 108 стачек с общим количеством участников в 8400 чел. В 1917 г. количество стачек составляло уже 398, а количество бастующих — 57 тыс. В 1918 г. стачки продолжают расти: число стачек выросло до 417, а число участников до 66 тыс. человек.

Стачки, носившие раньше экономический характер, очень скоро приобретают политическую окраску. Стаечная волна в августе и сентябре 1918 г. была уже непосредственно связана с мощным, хотя и стихийным, революционным движением, разгоревшимся в Японии в специфической форме «рисовых бунтов».

Преодолевая всевозможные цензурные, полицейские рогатки, пламенная весть о победоносной революции в России по различным каналам проникала в Японию. Происходит оживление социалистического движения, и делаются попытки вновь создать революционные социалистические ячейки. 1 мая 1917 г. на тайном собрании японских социалистов (в большинстве интеллигенции и студенчества Токио и Иокогама) была принята следующая резолюция:

«В связи с 1 Мая 1917 г. социалистическая группа в Токио выражает свое сочувствие русской революции и шлет ей горячий боевой привет... Задача русской социалистической партии, а также

социалистических партий всех стран состоит в том, чтобы продолжить эту революцию до победы социализма. Мы полагаемся на борьбу русской социалистической партии и надеемся, что русская революция будет доведена до полной победы социалистической революции».

Огромное влияние на дальнейшее развитие рабочего и социалистического движения в Японии имела Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

Непосредственным откликом ее в Японии были так называемые «рисовые бунты», разразившиеся с огромной силой по всей Японии в августе 1918 г.

«Рисовые бунты» были стихийным выступлением трудящихся, в котором переплеталось крестьянское аграрное движение с движением городских рабочих против капиталистов. Непосредственным поводом для выступления послужило повышение цен на рис, искусственно созданное рисовыми спекулянтами. В небольшой деревушке в провинции Тояма жены рыбаков стали громить рисовые амбары и требовали, чтобы были снижены цены на рис и чтобы немущей бедноте рис раздавался бесплатно. Местные власти не могли примириться с такого рода выступлением, вызвали полицию и войска для вооруженной защиты частной собственности. Произошло столкновение между войсками и толпой, вызвавшее еще большую ярость масс. Количество участников выступления нарастало, как снежный ком, и вскоре движение перекинулось из деревушки на всю префектуру. Встречая всюду сочувственное отношение трудящихся, движение быстро перебросилось в соседние префектуры. Общее количество участников «рисовых бунтов» достигло в конце концов 10 млн. человек. Движение охватило почти $\frac{2}{3}$ территории всей Японии. Повсюду действия выступавших носили почти одинаковую форму: захватывались рисовые амбары, нуждавшейся бедноте раздавался рис, уничтожались дома особенно ненавистных богачей и спекулянтов, сжигались полицейские участки.

Для подавления движения были мобилизованы войска и полиция. Началась настоящая гражданская война. Рабочие в городах в знак солидарности с выступлениями крестьянства организовывали стачки. Городская беднота с энтузиазмом приветствовала выступавших крестьян и рабочих и присоединялась к ним.

Целый ряд революционных выступлений произошел в крупных промышленных центрах Японии, в частности в Осака. С величайшим трудом господствующим классам удалось подавить восстание вооруженной силой. Расправа с восставшими была чрезвычайно жестокой. Огромное количество людей было убито и ранено, многие расстреляны без суда. После подавления восстания были произведены массовые аресты и выносились групповые смертные приговоры почти по всей стране. По официальным, сильно преуменьшенным, японским данным, к суду было привлечено свыше 7 тыс. человек. Однако большая часть выступавших понесла суровые наказания без суда.

Характерной особенностью «рисовых бунтов», предопределившей их конечную неудачу, явилось отсутствие единой организующей силы движения — революционной пролетарской партии, и, вследствие этого, отсутствие организованного контакта между выступлениями в деревнях, вырвавшимися на почве аграрной борьбы, и выступлениями городского населения, в особенности рабочих. Связь между стачками в промышленных центрах страны и революционными действиями крестьян и городской бедноты устанавливалась лишь стихийно, в процессе борьбы. Движение носило стихийный, неорганизованный характер. Те небольшие социалистические ячейки, которые существовали в этот период в Японии, интеллигентские по своему составу, были мало связаны с рабочими и крестьянскими массами и не были в состоянии возглавить борьбу. Это предопределило разгром этого широкого массового движения.

Тем не менее, значение «рисовых бунтов» очень велико.

«Рисовые бунты» показали, что классовые противоречия до крайности обострились, что военно-спекулятивное благополучие капиталистов и помещиков построено на весьма шатком основании. Они показали, что общий великий революционный шторм, который пронесся по всем странам земного шара после Великой Октябрьской социалистической революции в России, коснулся и Японии. Программа Коминтерна подчеркивает, что «рисовые бунты» 1918 г. в Японии и стачечные бои этого периода являются проявлением послевоенного революционного подъема, характерного для всех стран. Уроки вооруженной борьбы неорганизованных масс с полицией, армией и жандармерией создали предпосылки для последующего ускоренного роста революционного самосознания трудящихся. Когда через 1—2 года после «рисовых бунтов» в Японии стали создаваться массовые организации среди рабочих и крестьян, то социалистическая агитация в этих организациях падала на более подготовленную почву, потому что августовские бои 1918 г. наглядно показали сущность того режима угнетения, который господствовал в Японии.

«Рисовые бунты» сыграли огромную роль в дальнейшем развитии рабочего и крестьянского движения в Японии.

В 1918 г. намечается крупный сдвиг в японском рабочем движении, выразившийся в создании и укреплении массовых профессиональных организаций рабочего класса.

Еще в 1912 г., при прямом участии полиции и капиталистов, была создана рабочая организация зубатовского типа — юайкай (братское общество). Во главе юайкай стал буржуазный адвокат, считавший себя «социал-демократом», Судзуки Бундзи. Выполняя задание капиталистов (в создании юайкай видную роль сыграл крупный капиталист Сибудзава), Судзуки старался повести рабочих по пути классового мира и классового сотрудничества. Однако еще до мировой войны юайкай под давлением рабочих вынуждено было в нескольких случаях возглавлять экономические стачки. В 1918 г. юайкай становится массовой организацией, насчитывающей 30 тыс. членов, с 120 отделениями по всей стране.

В 1918 и 1919 гг. создается ряд новых профсоюзов в различных отраслях промышленности. Создается объединение рабочих государственных предприятий, объединение рабочих заводов Коиси-кава, затем профсоюзные объединения рабочих механиков, объединение транспортников, работников связи и т. д.

1919 год ознаменовался огромным подъемом стачечного движения в Японии. Стачки принимают массовый характер. Рабочие выставляют не только экономические, но и политические требования. 15 тыс. бастующих рабочих на судостроительных верфях в Кобе впервые в Японии добиваются 8-часового рабочего дня.

Подъем рабочего движения приводит вскоре к оживлению и социалистического движения.

В 1920 г. создается в Японии социалистическая лига (сякай-сюги домей), объединившая многочисленные социалистические кружки. Социалистическая лига стремится усилить связь социалистической интеллигенции с представителями крупных и мелких профсоюзных рабочих объединений, а через них и с рабочими массами.

«Рисовые бунты» и последующий рост рабочего движения и возрождение японского социалистического движения вызывают смятение в лагере господствующих классов. Буржуазия усиливает нажим на правительство, добиваясь открытия легальной отдушины для отвода революционных настроений масс. Осуществляя вновь «либеральный курс», буржуазно-помещичьи парламентские партии заявляют о необходимости некоторого расширения демократических начал в стране и объявляют бойкот военно-бюрократическому правительству генерала Терауци. Под давлением угрожающей политической обстановки реакционные правящие круги вынуждены согласиться на временную перестройку. Правительство Терауци уходит в отставку немедленно после подавления «рисовых бунтов», и у власти становится парламентское правительство партии сейюкай во главе с типичным представителем буржуазной интеллигенции, адвокатом Хара. Впервые в истории Японии премьером назначается человек «свободной профессии»¹.

Под давлением масс правительство Хара проводит реформы, в первую очередь по расширению избирательного права. В мае 1919 г. имущественный ценз на выборах в парламент был уменьшен и право голоса получили японские граждане — мужчины, уплачивавшие 3 иены прямых налогов в год. Осенью 1919 г. правительство Хара провело «демилитаризацию» японской колониальной администрации в Корее: было отменено положение о том, что генерал-губернатором Кореи может быть только генерал, находящийся на действительной службе. Эта реформа последовала под влиянием того возбуждения, которое было вызвано в Японии фактом массового восстания корейцев 1 марта 1919 г. против невыносимого японского ига. После того как корейское восстание

¹ 4 ноября 1921 г. Хара был убит реакционером, недовольным его «либерализмом».

было потоплено в крови, японская буржуазия решила попытаться расколоть корейское национально-освободительное движение путем предоставления некоторых призрачных прав феодально-буржуазной корейской верхушке (организация совещательного органа из корейцев при японском генерал-губернаторе и формальная отмена чисто военного, так называемого «сабельного» режима в колонии).

Огромное недовольство широких масс Японии вызвала начавшаяся в 1918 г. при реакционном правительстве Терауци интервенция на Советском Дальнем Востоке.

Сразу же после Октябрьской революции в России японский империализм решил, что настал час, когда можно воспользоваться слабостью молодого советского государства и приступить к осуществлению давнишнего плана захвата русских дальневосточных земель.

21—23 февраля 1918 г. японское правительство официально предложило России «немедленно восстановить порядок в Сибири». Одновременно японское посольство в Лондоне запросило, каково будет отношение союзников к возможному акту отправки Японией войск на русскую территорию для борьбы с большевиками. Еще 15 марта японский премьер-министр «опровергал» слухи о том, что предполагается японская интервенция в России, а 21 марта уже подписывается соглашение между Японией и Китаем о совместном военном «сотрудничестве» против Советской республики. Это соглашение потребовалось Японии для того, чтобы официально превратить Манчжурию в плацдарм для развертывания японской интервенции против Советской России. Поскольку действовал еще договор между Японией и Китаем, заключенный на основе «21 требования», то китайское правительство беспрекословно приняло предложение Японии «примкнуть» к антисоветской акции.

Выступление Японии было подготовлено, как обычно, посредством провокации.

4 апреля 1918 г. во Владивостоке был убит при таинственных обстоятельствах японец, служащий коммерческой конторы Исида, и были ранены двое служащих этой же фирмы. На следующий день, не дожидаясь расследования, японский генеральный консул во Владивостоке обратился к командиру японской эскадры с просьбой «принять меры к ограждению интересов японцев, проживающих на русском Дальнем Востоке». 5 апреля во Владивостоке был высажен японский десант, и на улицах Владивостока было расклеено следующее объявление:

«Я, командующий японской эскадрой, питаю глубокое сочувствие к настоящему положению России и желаю немедленного искоренения междоусобицы и блестящего осуществления революции. Поэтому до настоящего времени я абсолютно избегал таких действий, как вмешательство во внутреннюю политику России. Однако, глубоко встревожась тем, что в настоящее время дальнейшие политические споры становятся все более и более острыми и в конце концов не будет возможным избежать возникновения беспорядков...

я не мог не побеспокоиться о жизни и имуществе проживающих в городе подданных японского императора и держав Согласия. К сожалению, ныне в городе произошло среди белого дня убийство и ранение японцев, что заставило меня принять на свою ответственность защиту жизни и имущества подданных японского императора и, следовательно, Япония принуждена высадить десант с вверенной мне эскадры и принять меры, какие считаю соответствующими».

«Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причем войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкрались эти «цивилизованные» разбойники и высадили свои войска на территорию России»¹.

Факт высадки японского, а затем и английского десанта во Владивостоке был правильно расценен Лениным и Сталиным, как сигнал к тому, что интервенция уже началась.

7 апреля товарищи во Владивостоке получили следующую телеграмму за подписью Ленина и Сталина: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий. Японцы наверно будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил».

В течение лета 1918 г. японское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы добиться «узаконения» интервенции против Советской России со стороны Англии, Франции и Америки. Нужно сказать, что американское правительство было сразу же чрезвычайно обеспокоено фактом высадки японского десанта на русской территории и сообщением о том, что подготавливается отправка большой японской армии в Россию. Американское правительство приняло решение участвовать в интервенции. Здесь действовали двоякие мотивы: с одной стороны, правительство США было не против того, чтобы принять участие в удушении пролетарской революции и воспользоваться плодами победы над русскими рабочими и крестьянами; но, с другой стороны, не меньшее значение здесь играла боязнь того, что опаснейший конкурент американского империализма — Япония, будучи предостережена в России сама себе, сможет настолько укрепиться на азиатском материке, что будет представлять большую угрозу Америке, чем прежде.

10 июня Англия, Франция и Италия дали «санкцию» на японскую интервенцию в России на следующих условиях: 1) не вмешиваться во внутренние дела России; 2) уважать территориальную неприкосновенность России; 3) послать свои войска так далеко на Запад, чтобы дать возможность противопоставить их германским вооруженным силам.

Все эти «условия» оказались вполне «приемлемы» для Японии, поскольку никаких условий она вообще не собиралась соблюдать.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 217.

По требованию американцев, Япония в специальной ноте еще раз рзично заявила, что японское правительство «желает установить прочную дружбу с Россией» и подтверждает свое «признание» политики уважения ее территориальной целостности.

Японцы постепенно накапливали свои силы на советской территории, доведя в конце концов общую численность своих войск до 150 тыс. человек. Основные военные операции, проводившиеся Японией против рабочих и крестьян Советской России, осуществлялись при помощи белобандитов, которых японцы финансировали и вооружали. Наибольшую известность получил разбойник, вор и убийца, «атаман» Семенов, бывший марионеткой в руках японцев. Действия этого бандита были настолько вопиющими, что сами империалистические державы вынуждены были указать японцам на недопустимость чинимых Семеновым зверств. Впоследствии на Вашингтонской конференции японские дипломаты всячески старались отгородиться от Семенова, объявляя, что Япония только некоторое время поддерживала Семенова.

Затем японцы использовали белобандитов: Калмыкова, братьев Меркуловых и других. Особо следует отметить среди белобандитов, агентов Японии, барона Унгерна фон Штернберг, специально направленного японцами в Монголию с тем, чтобы превратить Внешнюю Монголию, нынешнюю Монгольскую Народную Республику, в японскую колонию. Авантюра Унгерна, начавшаяся в 1921 г., была быстро ликвидирована объединенными силами нашей Красной армии и революционных войск монгольского народа.

Японцам не удалось, несмотря на их огромные усилия, закрепиться на советском Дальнем Востоке. Отпор со стороны наших революционных войск и со стороны местных партизанских отрядов был настолько сокрушительным, что одна за другой все марионетки иностранного империализма (и англо-французского, и японского) терпели крушение. Как впоследствии выяснилось, японское военное командование опасалось прямого столкновения японских регулярных войсковых сил с частями Красной армии. До самого последнего момента японцы стремились выдвигать на передовые позиции белобандитов, которых они вооружали и всячески поддерживали. Когда же после разгрома белых обозначались перспективы того, что следующий этап борьбы неминуемо вызовет лобовое столкновение между японскими войсками и регулярными частями Красной армии, японцы стали колебаться, идти ли дальше или начать отступление. Это объяснялось тем, что в рядах японской армии уже обозначались явные признаки революционного брожения. Известно, что часть японских войск, которые были расквартированы первоначально в Приморье, пришлось перебросить в Манчжурию и даже вернуть в Японию, поскольку они были признаны «зараженными большевистским духом».

Указывая на причины краха интервенции империалистов против Советской России, Ленин говорил: «В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская,

японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами. Если нам удалось удержать это нападение, то лишь разложением во французских войсках, начавшимся брожением у англичан и японцев»¹.

Четырехлетнее пребывание японцев на советской земле (1918—1922) ознаменовалось самыми ужасными преступлениями, кровавыми зверствами интервентов. Японцы не остановились перед таким преступлением, как сожжение живьем в топке паровоза тов. Лазо, предводителя дальневосточных партизан.

Японские империалисты беспощадно грабили в течение нескольких лет богатства советской страны. Разумеется, такие методы «борьбы с коммунизмом» еще выше поднимали волну народного возмущения против Японии и предопределили крах интервенции.

С целью избежать прямого столкновения с Японией Ленин выдвинул предложение о создании буфера между Японией и Советской Россией.

На фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда советов в декабре 1920 г. Ленин говорил: «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальне-Восточной республики, поскольку мы прекрасно знаем, какие невероятные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири... Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»².

С точки зрения интересов революции тогда, в 1920 г., было совершенно нежелательно ввязываться в войну с Японией, но тем более советская власть не собиралась признавать захвата японцами советской территории. Нужно было оттянуть время, получить возможность залечить свои раны, с тем чтобы собрать силы и затем прогнать японцев с советской земли. На этом было основано вынужденное создание буферного государства, которое должно было бы предотвратить прямое столкновение между Японией и РСФСР. Японцы согласились на предложение о создании буферного государства — ДВР (Дальне-Восточная Республика). Японский империализм все еще лелеял надежду на то, что большевизм «переродится», «придет к внутреннему краху» и тогда буферное государство будет представлять собой очень удобное прикрытия для японских территориальных захватов.

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 485.

² Там же, т. XXVI, стр. 6—7.

В 1920 г. начались переговоры между Японией и ДВР в Дайрене, а в 1921 г. — в Чанчуне. Во время этих переговоров японцы выставляли такие требования, которые по своей наглости могут быть сравнены только с «21 требованием», предъявленным в 1915 г. Китаю. Хищные домогательства японских империалистов встретили решительный отпор со стороны правительства ДВР, во главе которого стояли коммунисты и за которым стояло правительство Советской России.

К этому времени с большой силой стали действовать два новых фактора, отрицательно отразившиеся на японских планах. Этими факторами явились: 1) недовольство интервенцией внутри самой Японии (огромные расходы на содержание оккупационных войск, «заражение большевизмом» японских солдат и т. д.); 2) усилившийся нажим на Японию со стороны других империалистических стран. Именно в конце 1921 г. правительство США предложило созвать конференцию в Вашингтоне, которая определила бы основные нормы морского разоружения и урегулировала бы взаимоотношения между державами и Китаем. С самого начала в порядок дня Вашингтонской конференции было включено обсуждение и «сибирского вопроса».

Японский империализм оказался в весьма затруднительном положении. Атмосфера ненависти к интервентам, которой окружены были японские войска на советском Дальнем Востоке, постепенная ликвидация фронтов гражданской войны, окаймлявших огненным кольцом Советскую Россию, — все это сулило в перспективе неминуемое изгнание японских захватчиков с советской земли. Надежды японской буржуазии на скорое падение советской власти также скандально провалились. Рост революционных настроений в самой Японии серьезнейшим образом давил на японскую военщину.

С каждым днем недовольство сибирской интервенцией в Японии проявлялось все сильнее, охватывая самые различные слои населения. Даже японские промышленники, которые мечтали о хищнической эксплуатации советских дальневосточных богатств, понимали, что нет никаких надежд на удержание захваченной японцами советской территории. Финансовые средства Японии находились в плачевном состоянии. Расходы на интервенцию, по приблизительным подсчетам, достигли свыше 700 млн. иен.

Япония, кроме того, не могла, конечно, пойти на конференцию в Вашингтон и содержать одновременно большую оккупационную армию на территории Советской России.

Поэтому еще до того, как Вашингтонская конференция вынесла резолюцию, принимавшую «к сведению» японскую декларацию об уходе японских войск из Сибири, началась постепенная эвакуация японских оккупационных войск.

Наконец, 25 октября 1922 г. Владивосток был занят красными войсками. В руках у японцев осталась только северная половина острова Сахалина, которую они эвакуировали лишь в 1925 г.

Немалую роль в конечном решении японского правительства

эвакуировать Сибирь сыграли также неизжитые последствия острого экономического кризиса, который разразился в Японии в марте 1920 г. после полосы военно-спекулятивного подъема. Этот кризис явился одним из прямых последствий мировой войны и был связан с тем, что окончание войны обнаружило величайшую диспропорцию между раздутым производством, ориентированным на войну, и резко снизившимся спросом. В результате войны основные массы населения чрезвычайно обеднели и их покупательная способность еще более снизилась.

Японский экспорт также сильно сократился. Старые японские конкуренты — в первую очередь англичане — стали возвращаться на дальневосточные рынки, ликвидируя монопольное положение японской промышленности на этих рынках.

С весны 1920 г. началось стремительное падение акций различных промышленных компаний. Один за другим стали лопаться банки и закрываться предприятия. Резко сократилось производство и увеличилась безработица.

Крупные монополистические объединения, концерны Мицуи, Мицубиси, Окура, Асано, Фурукава воспользовались кризисом, чтобы прибрать к рукам и поглотить целый ряд раздавленных кризисом средних и мелких компаний и банков.

Тяжелое экономическое положение в стране не могло не ослабить позиции Японии на Вашингтонской конференции.

Наибольшую тревогу со стороны Японии вызывало включение в программу Вашингтонской конференции вопроса о Китае. Япония все еще продолжала хозяйничать в Китае на основе «21 требования». Вашингтонская конференция поставила вопрос о ликвидации этих навязанных Китаю требований. Японцам не удалось отвести обсуждение этого вопроса. Чрезвычайно окрепший в результате войны американский империализм (вступление в войну США произошло в последний заключительный этап, и Америка «заработала» на войне огромные деньги) заговорил полным голосом со своими соперниками. На конференции в Вашингтоне выявилась фактическая изоляция японского империализма. Даже союзник Японии Англия определенно выступила против японских притязаний в Китае.

Одним из основных документов, подписанных на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и затрагивавших японские интересы, был договор между США, Англией, Францией, Италией и Японией об ограничении морских вооружений (подписан 6 февраля 1922 г.). Статья 4 этого договора устанавливала принцип соотношения линейных кораблей Англии, США, Японии, Франции и Италии в пропорции 5:5:3:1³/₄:1³/₄. Этот пункт договора имел значение не столько для момента его заключения, сколько для будущего. В договоре было сказано, что все те линкоры, которые имеются у держав к моменту заключения договора, сохраняются за ними, но на будущее время выходящие из строя линкоры могут заменяться лишь в соответствии с пропорциями этого договора. Это закрепляло на будущее время известное формальное неравен-

ство японского империализма по отношению к американскому и английскому¹.

Огромное недовольство со стороны Японии вызвал договор девяти держав касательно Китая. Участниками договора девяти держав были, помимо Китая, США, Англия, Франция, Италия, Япония, Бельгия, Голландия и Португалия. Статья 1 договора девяти держав гласила:

«Другие, кроме Китая, договаривающиеся державы согласны:

1. Уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая.

2. Предоставить Китаю полнейшую и ничем не стесненную возможность развиваться и поддерживать у себя жизнеспособное и прочное правительство.

3. Использовать свое влияние в целях действительного установления и поддержания принципа равных возможностей для торговли и промышленности всех наций на всей территории Китая.

4. Воздерживаться от использования существующей ныне в Китае обстановки в целях искания специальных прав и преимуществ, могущих нанести ущерб правам подданных или граждан дружественных государств, или поддержания деятельности, враждебной безопасности подобных государств».

Все четыре пункта этой статьи договора девяти держав были направлены против японской доктрины о наличии у Японии «специальных интересов» в Китае. Статья 2, уточнявшая положения статьи 1, запрещала заключение договоров, которые шли бы вразрез с положением этой статьи. Таким образом, японо-китайские договоры, заключенные на основе «21 требования» в прямое нарушение всех этих принципов, признавались впредь аннулированными.

Япония принуждена была специально подтвердить, что она отказывается от «21 требования», что она немедленно начнет эвакуацию Шаньдуну, что она отказывается от дальнейшего продолжения интервенции в Сибири. При всей своей ненависти к большевику руководители Вашингтонской конференции потребовали, чтобы Япония точно сформулировала свои намерения в отношении сроков эвакуации Сибири и Приморья. Японцы вынуждены были заявить, что они начнут эвакуацию немедленно, соблюдая лишь известную очередность.

Вашингтонская конференция явилась весьма важным этапом в развитии международных отношений на Тихом океане.

Чрезвычайно усилившийся за время мировой войны американский империализм добился временного ограничения колониальной экспансии своего давнишнего соперника — Японии. Американская буржуазия совершенно не могла примириться с претензиями Японии на монопольное господство в Китае.

В результате давления со стороны Америки Япония оказалась фактически изолированной на Вашингтонской конференции. Англия не оказала японцам никакой поддержки. Это было прямым

¹ Это «неравенство» было исключительно формальным потому, что Япония находится в гораздо более выгодных стратегических условиях, чем Англия или США, поскольку Япония легко может сконцентрировать весь свой военный флот на сравнительно небольшом морском пространстве, чтобы контролировать дальневосточные воды.

результатом обострения империалистических противоречий на Тихом океане.

Серьезным последствием Вашингтонской конференции было прекращение англо-японского союза. На самой конференции официально об этом речь не поднималась, но американские делегаты обсудили успешную работу конференции тем, чтобы англичане порвали союзный договор с Японией. Конечно, для японского империализма это был крупный удар.

Внешнеполитическое ослабление японского империализма отражало и его внутреннее ослабление, сопровождавшееся известным подъемом революционного движения.

После запрещения социалистической лиги в мае 1921 г., руководящая роль в социалистическом движении переходит на время к объединению гёминкай («Общество пробуждения народа»). Это общество было создано первоначально при университете Васэда и объединяло преимущественно интеллигенцию. Однако вскоре в состав гёминкай стали вступать и отдельные наиболее передовые представители рабочих. Гёминкай заняло правильную позицию в борьбе с анархо-синдикалистскими элементами, раскалывавшими рабочее движение, и одновременно выступало против реформистских деятелей профсоюзного центра, содомэй¹. В августе 1921 г. гёминкай было реорганизовано в гёминкьосанто (коммунистическая партия пробуждения народа), предшественницу японской коммунистической партии.

Одним из наиболее передовых и активных деятелей первых коммунистических ячеек в Японии был талантливый представитель японского пролетариата, металлист по профессии, тов. Ватанабэ Масаноскэ. Ватанабэ попытался органически связать деятельность пропагандистских коммунистических групп с рабочими массами и перейти к массовой агитации. В 1922 г. японские коммунисты вынесли решение установить связь с международным коммунистическим центром — Коммунистическим Интернационалом. Преодолевая полицейские рогатки, делегаты японских коммунистов сумели пробраться в социалистическую Москву. 15 июля 1922 г. была официально создана японская коммунистическая партия.

Молодая коммунистическая партия развернула большую работу в связи с необходимостью преодолеть тред-юнионистские традиции в японском рабочем движении. В японском профдвижении были чрезвычайно сильны, с одной стороны, анархисты, с другой — реформисты. И те и другие пытались превратить японские рабочие союзы в чисто экономистские организации, не ставившие перед собой никаких серьезных политических задач. Молодой и еще слабой коммунистической партии приходилось вести трудную борьбу на два фронта, тем более тяжелую, что ряды самой компартии оказались засоренными всякого рода оппортунистическими элементами. Тяжесть борьбы коммунистической партии была усугублена

¹ В 1921 г. юайкай переименовалась в нихон родо содомэй (японская федерация труда).

также жестоким полицейским террором против рабочего движения. Японская полиция обращала удары белого террора в первую очередь против японских коммунистов и организованных рабочих.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение, почти уничтожившее Токио и Иокогаму. Это землетрясение было использовано властями, как предлог для полицейского террора во всех частях Японии. Было спровоцировано подготовлявшееся якобы «восстание корейцев». В Токио был устроен корейский погром и одновременно произведена зверская расправа с деятелями революционного движения. Был убит со всей своей семьей лидер анархистов Осуги Саказ. Его убийца, будучи осужден военным судом, получил «прощение» и приобрел «славу патриота» среди реакционной военщины. Было убито 10 активистов коммунистической партии во главе с товарищем Хирасава — рабочим-шахтером.

После 1923 г. коммунистическая партия окончательно должна была уйти в глубокое подполье. Колеблющиеся, случайные или явно оппортунистические элементы поспешили отмежеваться от коммунистов. Партия стала количественно меньше, но зато очистилась от враждебных элементов. Тем не менее, в руководстве партии продолжали оставаться оппортунисты, в частности, Ямакава, который после разгрома революционных организаций стал проповедовать необходимость ликвидации коммунистической партии и создания взамен ее широкой легальной, по существу реформистской, партии. Пользуясь ослаблением партии, Ямакава удалось провести решение о «самороспуске» партии. (Поэтому ликвидаторство в Японии носит название ямакавизма.) С 1924 по 1926 г. коммунистическая партия Японии не существовала формально, хотя коммунистические рабочие продолжали вести революционную борьбу и при помощи Коминтерна добились в конце 1926 г. и формального восстановления партии.

Землетрясение 1923 г., сопровождавшееся огромными человеческими жертвами (около 100 тыс. убитых), произвело сильнейшее опустошение в одном из наиболее развитых в промышленном отношении районов Японии (индустриальный район Токио — Иокогама, известный под названием Канто). В этом районе было уничтожено 70% промышленных предприятий. По японским исчислениям, общая сумма материальных убытков от землетрясения 1923 г. составила до 7% всего национального достояния Японии.

Господствующие классы старались переложить всю тяжесть восстановления разрушенного хозяйства на плечи трудящихся масс. Это вызывало огромное недовольство в массах. Полицейские репрессии против революционных элементов еще более усиливали это недовольство.

После землетрясения в Японии вновь поднимается движение за расширение избирательного права. Наиболее дальновидные представители господствующих классов понимали, что одними методами насилия и террора трудно задуть это массовое движение. По инициативе одного из наиболее дальновидных предста-

вителей японской буржуазии, Гото, временно занимавшего пост министра внутренних дел, была создана комиссия, которая занялась разработкой проектов реформ по линии «оживления» парламента, создания суда присяжных и организации местного самоуправления. Был также разработан проект расширения избирательного права для мужчин.

В самый разгар работы комиссии Гото 27 декабря 1923 г. было произведено покушение на жизнь принца-регента (управлявшего вместо душевнобольного императора Исихито), что вызвало отставку всего кабинета. Формирование нового правительства было поручено старому реакционеру, бюрократу Киоура, который немедленно отказался от всяких реформ, проектировавшихся его предшественником. Неспособность Киоура справиться с серьезной политической обстановкой вызвала раздражение со стороны буржуазии, боявшейся народного движения. В мае 1924 г. на выборах в парламент образовался блок партий кенсейкай и сейюкай, направленный против правительства Киоура. Правительство Киоура оказалось изолированным и ушло в отставку. Возглавивший новое правительство Като Комей (лидер партии кенсейкай) провел в марте 1925 г. новый избирательный закон, так называемый закон о «всеобщем избирательном праве». (Реализация этого закона была отсрочена на три года, и первые выборы на основании закона проходили в 1928 г.) Одновременно был принят закон, вводивший суд присяжных в Японии. Затем был принят закон о расширении прав префектуральных собраний. Эти реформы должны были направить растущее молодое рабочее движение по легальному руслу и должны были помочь реформистским элементам отвлекать пролетариат от революционных методов борьбы. Чтобы одновременно обуздать подлинные революционные элементы и ослабить влияние коммунистов, в том же, 1925-м, году был принят закон, получивший известность как закон об «опасных мыслях».

Избирательный закон 1925 г. был весьма далек от «всеобщности», несмотря на то, что буржуазная печать рекламировала его как последнее слово демократизма. Попрежнему был сохранен высокий возрастной ценз (25 лет для пользующихся активным избирательным правом и 30 лет для пользующихся пассивным избирательным правом). Женщины попрежнему не имели избирательных прав. Были совершенно лишены избирательного права лица, не имеющие определенного местожительства, все военнослужащие, резервисты и учащиеся. Оставался в силе также высокий залог, подлежащий внесению за каждого кандидата — 2 тыс. иен.

Закон об «опасных мыслях» (особенно в редакции 1928 г., измененной в сторону его «усиления» правительством генерала Тапака) представлял собой дальнейшее развитие реакционного полицейского законодательства. Будучи направлен против революционного движения, закон грозил тяжкими наказаниями за принадлежность к коммунистической партии.

В законе специально подчеркивалась «преступность» борьбы против японской монархии и против системы частной собственности.

При правительстве Като были установлены дипломатические отношения Японии с СССР.

Не только трудящиеся массы Японии, но и значительные слои ее буржуазии уже давно требовали установления нормальных отношений с Советским Союзом.

Кроме того, правительственные круги в Японии видели в установлении таких отношений с СССР возможность преодолеть то состояние начавшейся изоляции Японии на международной арене, которое обнаружилось после Вашингтонской конференции. К этому времени советское правительство уже было «признано» подавляющим большинством крупных капиталистических стран (в том числе Англией и Францией). 20 января 1925 г. в Пекине был подписан японо-советский договор о восстановлении дипломатических отношений между обеими странами.

Текст договора и подписанных одновременно с ним дополнительных протоколов предусматривал признание обеими сторонами условий Портсмутского мирного договора 1905 г., эвакуацию японскими войсками Северного Сахалина и предоставление советским правительством экономических концессий японским подданным.

При правительстве Като Япония встретила с большими трудностями в Китае, где произошли крупные революционные события.

В феврале 1925 г. в Шанхае началась крупная забастовка китайских рабочих, работавших на японских текстильных фабриках компании «Найгай вата кайся». Китайские рабочие протестовали против избиения рабочих японской администрацией и против замены уволенных рабочих мужчин женщинами и детьми. Забастовка вскоре перекинулась на все основные японские предприятия в Шанхае и охватила до 40 тыс. рабочих. Японские предприниматели, напуганные широким масштабом движения, пошли на некоторые уступки, обещав, в частности, отменить систему телесных наказаний для рабочих. Однако в апреле 1925 г. стачки возобновились не только в Шанхайском районе, но и в Циндао.

Японские империалисты решили вооруженной силой подавить забастовки. В ряде мест бастовавшие рабочие подверглись обстрелу. В ответ на это последовала мощная демонстрация рабочих и студентов в Шанхае 30 мая 1925 г. Иностранная полиция стреляла в демонстрантов, были убиты и ранены. Это вызвало гнев народных масс во всем Китае. События 30 мая 1925 г. в Шанхае положили начало мощному революционному антиимпериалистическому движению в Китае.

В своей борьбе против китайского революционного народа японский империализм, наряду с непосредственным применением вооруженной силы, сразу поставил особую ставку на активизацию и использование китайских реакционных сил: феодалов, милитаристов и некоторой части контрреволюционной компрадорской буржуазии. Опираясь на Японию, японофильские милитаристские клики генералов Чжан Цзо-лина в Манчжурии и Чжан Цзун-чана в Шаньдуне попытались разгромить важнейшие революционные очаги в Китае и захватили в свои руки Бейпин-Тяньцзинь-

ский район на севере (Чжан Цзо-лин) и Шанхай (Чжан Цзун-чан).

Однако массовое антиимпериалистическое движение в Китае продолжало неуклонно расти и развиваться. В ряде пунктов Китая происходил антияпонский бойкот. Успешное завершение так называемого «северного похода», организованного гоминданом и китайской коммунистической партией против японофильских милитаристских группировок в Китае, и стремление нанкинское правительства, руководимого Чан Кай-ши, добиться в 1927 г. соглашения со всеми прочими милитаристскими группировками на базе признания нанкинское правительство центральной политической властью Китая, вызвали чрезвычайную тревогу в японских правящих классах.

Поэтому в наиболее агрессивных кругах японской буржуазии нарастало недовольство так называемой «дипломатией Сидехара» бессменного японского министра иностранных дел в кабинетах партии кенсейкай. Курс Сидехара по отношению к Китаю заключался в том, чтобы по возможности избегать неприкрытой вооруженной интервенции со стороны Японии и ограничиваться активной поддержкой тех или иных милитаристских группировок в Китае для обеспечения интересов японской империалистической экспансии. Сидехара настаивал на том, что в условиях революционного подъема в Китае и при общей неблагоприятной международной ситуации, создавшейся для Японии после Вашингтонской конференции, чрезвычайно опасно проводить политику голого насилия и гораздо целесообразнее маскировать действия Японии в Китае «дружественными» жестами, «готовностью» к соглашению, проявляя максимальную гибкость и приносившаяся к обстоятельствам.

По определенные круги японского империализма были недовольны подобной «негативной» политикой Сидехара и требовали возврата к «позитивной», другими словами, интервенционистской политике по отношению к Китаю. Политическим рупором этих кругов стала партия сейюкай, которая заняла враждебную позицию по отношению к кенсейкайскому правительству Като, а затем Вакацуки.

В качестве лидера партии сейюкай еще в 1925 г. был приглашен известный милитарист генерал Танака (военный министр периода сибирской интервенции), который укрепил ранее существовавшую связь партии сейюкай с реакционными военно-бюрократическими кругами.

В конце 1926 г. умер император Иосихито («Тайсё») и на престол вступил его сын Хирохито, годы царствования которого получили название «Сёва» («просвещенный мир»).

Кратковременное оживление в японской промышленности в 1924—1925 гг., обусловленное, главным образом, большим объемом восстановительных работ, предпринятых после землетрясения 1923 г., создало иллюзию возможного возврата Японии к «золотым» годам «процветания» — периода мировой войны. Внешние показатели роста японской промышленности свидетельствовали

о том, что Япония продолжала развиваться, как крупная индустриально-аграрная страна.

В своем отчетном докладе на XV съезде ВКП(б) товарищ Сталин отмечал, что к 1926 г. японская промышленность и торговля перешагнули за довоенный уровень, «обскакав» прочие крупные империалистические страны, исключая США.

Однако уже в конце 1926 г. и особенно в 1927 г. обозначались признаки серьезной депрессии в японской промышленности, обусловленной дальнейшим сокращением внутреннего рынка (растущим обнищанием японского крестьянства) и затруднениями в экспорте (усиление антияпонского бойкота в Китае, относительно высокая себестоимость японских промышленных изделий из-за устарелого оборудования на японских заводах).

В 1927 г. большое количество японских промышленных предприятий работало с недогрузкой в 25 %. Тяжелая промышленность широко прибегала к государственной помощи в виде всевозможных субсидий и гарантированных правительством банковских ссуд.

Недостаток у промышленности собственных оборотных средств привел к ненормально большому развитию кредитно-ссудных операций. Это порождало спекуляцию со стороны банков, весьма напряженное состояние балансов многих банков, необеспеченность вкладов. Падение доверия к банкам со стороны вкладчиков вызвало массовое изъятие вкладов, усугубленное распространением панических слухов о надвигающихся крупных банкротствах.

Началась так называемая «финансовая паника» 1927 г. Правительство Вакацуки пыталось оказать поддержку из государственного фонда Формозскому банку, находившемуся под угрозой краха. Тайный совет, состоявший в большинстве из крупных сановников, которые давно выражали свое недовольство чересчур «либеральным» кенсейкайским кабинетом (главным образом, по мотивам «слабости» политики в Китае), воспользовался этим удобным предлогом, чтобы поставить правительство Вакацуки в затруднительное положение.

Тайный совет отказался утвердить правительственные предложения о мерах «спасения» Формозского банка. В результате этого 17 апреля 1927 г. кенсейкайский кабинет Вакацуки ушел в отставку. 1 июня 1927 г. партия кенсейкай, временно объединившаяся с помещичьей группой сейюхонто, была переименована в минсейто¹.

Новое правительство сформировал лидер сейюкай — генерал Танака. Правительство Танака, опиравшееся на партию сейюкай и военщину, представляло интересы самых реакционных группировок японского монополистического капитала и помещиков.

После того как финансовый кризис 1927 г. привел к банкротству свыше десятка крупных банков и большое число провинциальных банков, японская буржуазия стала искать выхода из

¹ Полное название партии: риккен минсейто (конституционная партия народного управления).

создавшейся угрозы общего кризиса в проведении капиталистической «рационализации» промышленности.

Японские капиталисты перешли в наступление на пролетариат, снизив и без того невысокий жизненный уровень японских рабочих. Предприимчиватели сокращали заработную плату, увеличивали интенсификацию труда рабочих путем введения автоматических станков, увольняли квалифицированных рабочих и заменяли их низкооплачиваемыми рабочими и подростками.

В погоне за повышением конкурентоспособности японских товаров на мировых рынках японская буржуазия стремилась довести жизненный уровень японского пролетариата до жизненного уровня колониальных рабов.

С целью ослабить напряженное состояние в японской деревне правительство Танака разработало законопроект о субсидировании «крепких» кулацких хозяйств, дабы попытаться расширить внутреннюю социальную базу японского империализма. Реакционность этой попытки усугублялась тем, что в японских условиях кулак почти ничем не отличается от мелкого помещика, широко применяя докапиталистические формы эксплуатации трудящегося крестьянства.

Одновременно с экономическим нажимом капиталистов на рабочих реакционное правительство Танака обрушилось репрессиями на революционные организации рабочих и крестьян.

Большинство этих организаций появилось в 1925—1926 гг. — в период оживления борьбы за всеобщее избирательное право. Уже в конце 1925 г., в связи с принятием закона 1925 г. о расширении избирательных прав для мужчин, среди рабочих и крестьянских организаций поднялось движение за создание рабоче-крестьянской легальной политической партии, которая могла бы выступить на очередных выборах в парламент независимо от старых парламентских партий. В декабре 1925 г. была сделана попытка создать первую рабоче-крестьянскую партию Японии, причем инициативу в этом вопросе взяла на себя левая профсоюзная организация хёгикай. Полицейские власти запретили новую партию в день ее основания. В марте 1926 г. удалось создать партию родо номинто (рабоче-крестьянская партия) совместными усилиями нескольких рабочих профессиональных организаций и крестьянского объединения, нихон номин кумайи. Вследствие резких разногласий в руководстве партии между левыми и представителями правого профсоюзного центра нихон родо содомей последние вышли из состава партии и основали другую партию, получившую название сякай минсюто (социал-демократическая партия). Руководимая левыми партия родо номинто сумела вобрать в свои ряды наиболее сознательных представителей рабочего класса и крестьянства. Находившаяся в глубоком подполье коммунистическая партия Японии оказывала на родо номинто большое влияние и через нее поддерживала постоянную связь с широкими массами трудящихся, связанными с этой партией.

В конце 1926 г. распущенная ликвидаторами коммунистическая партия Японии была восстановлена. В 1927 г. партии пришлось

преодолеть в своих рядах опасный левацко-сектантский уклон, выразителем которого был Фукумото. Фукумото и его сторонники пытались оторвать партию от масс и навязать ей враждебные большевизму сектантские установки.

При активной помощи Коммунистического Интернационала (разработавшего в 1927 г. тезисы, четко определявшие задачи японской коммунистической партии) «левый» оппортунизм Фукумото, равно как и правооппортунистические установки сторонников Ямакава, были разоблачены японской компартией.

С конца 1927 г. японская компартия стала глубже проникать в массы, создала ряд фабрично-заводских ячеек и широко вовлекла в ряды партии передовых рабочих и крестьян. Были организованы коммунистические фракции в профсоюзах, в крестьянских объединениях и в некоторых звеньях партии родо номинто.

В 1928 г. компартия стала издавать нелегальный центральный орган партии «Сэки» («Красное знамя»).

В 1928 г. состоялись первые парламентские выборы на основе расширенного избирательного закона. Все легальные рабочие партии выставили своих собственных кандидатов в парламент. На выборах родо номинто при поддержке компартии получила значительное количество голосов и провела несколько депутатов. Японская компартия использовала выборы, чтобы из глубокого подполья ознакомить широкие массы со своими лозунгами и своей программой. Это вызвало огромное смятение среди господствующих классов.

Правительство генерала Танака поспешило обрушиться с репрессиями против революционных элементов в рабочем движении. 15 марта 1928 г. по всей Японии были проведены массовые аресты лиц, заподозренных в связи с коммунистической партией. Всего было арестовано свыше тысячи человек. 10 апреля были запрещены и разгромлены полицией партия родо номинто, левый профсоюзный центр хёгикай (полное его название было нихон родо кумияй хёгикай) и лига пролетарской молодежи (мусан сэйвэн домэй). Одновременно массовым репрессиям подверглись некоторые крестьянские объединения, многочисленные левые культурные организации и студенческие союзы.

7 октября 1928 г. на Формозе был убит полицейскими выдающийся руководитель японской компартии тов. Ватанабэ Масаноскэ. 5 марта 1929 г. фашистский убийца заколол кинжалом рабочего депутата парламента, избранного по списку родо номинто, — Ямамото Сэндзи.

16 апреля 1929 г. правительство Танака повторило массовые аресты революционных рабочих. Было арестовано около 300 человек, сочувствующих компартии.

Этому погромному полицейскому курсу правительства Танака во внутренней политике полностью соответствовала и его агрессивно-интервенционистская внешняя политика.

В 1927 г. Танака обратился к императору с пространном меморандумом, в котором подробно обосновывал необходимость ускорить

осуществление захватнических планов Японии на азиатском материке¹.

В меморандуме Танака указывалось, что Япония не может ограничиться нынешними географическими рамками своей империи. Япония должна осуществить «великие заветы» основателя нынешнего монархического режима Мэйдзи и установить гегемонию в Восточной Азии. Для этого Япония должна установить прежде всего свое господство в Манчжурии и Монголии. Одна из глав меморандума так и называлась: «Манчжурия и Монголия — не китайская территория».

Но захват Манчжурии и Монголии должен был послужить лишь ступенью к дальнейшим захватам и обеспечить необходимые предпосылки для завоевания Китая.

«Для того чтобы завоевать Китай, — говорится в меморандуме, — мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны южных морей будут бояться нас и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет существенное значение для нашего национального существования».

Меморандум Танака проповедует нападение на СССР. «Если мы заглянем в будущее Японии, — заявляет Танака, — то мы должны признать неизбежность войны с Россией на полях Северной Манчжурии... Манчжурия и Монголия являюся теми восточными странами, которые еще совершенно не развиты. Раньше или позже нам придется здесь воевать с Советской Россией». Распространяясь о необходимости стратегического железнодорожного строительства в Манчжурии и особо останавливаясь на проблеме экономического освоения Манчжурии и Монголии, меморандум генерала Танака настойчиво подчеркивал ту мысль, что никакие серьезные достижения Японии не реальны, если они не будут основаны на удалении СССР с берегов Тихого океана.

«В программу нашего национального роста входит, повидимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед».

В меморандуме Танака содержались также прямые указания на то, что в планы дальнейших японских завоеваний включалась не только Внутренняя Монголия, являющаяся составной частью Китая, но и Монгольская Народная Республика (так называемая Внешняя Монголия).

«В конце концов Внешняя и Внутренняя Монголия окажутся всецело в наших руках. Так как вопрос о суверенных правах здесь

Документ этот, известный под названием «меморандума Танака», был опубликован в журнале «Коммунистический Интернационал» № 33—34 за декабрь 1931 г.

недостаточно выяснен, а китайское и советское правительства заняты другими делами, то мы можем спокойно расширять наше влияние. Когда большая часть земли окажется в наших руках, уже не будет спора о том, принадлежит ли Монголия японцам или монголам. Опираясь на нашу военную силу, мы сможем реализовать нашу позитивную политику».

Меморандум Танака сыграл роль манифеста японской военщины, требовавшей немедленного перехода к так называемой «позитивной», т. е. агрессивной, политике в Азии и в других частях света¹.

Придя к власти, реакционное правительство Танака немедленно приступило к практическому проведению своей захватнической программы. Весной 1927 г. Танака (объединивший в своих руках посты премьера и министра иностранных дел) опубликовал свою инструкцию японским дипломатам о том, что им надлежит руководствоваться принципом признания «наличия специальных интересов Японии в Манчжурии и восточной части Монголии». Это был первый дипломатический шаг Японии в направлении пересмотра установленного Вашингтонского договора.

Поводом для начала новой японской интервенции в Китае послужило наступление войск нанкиннского правительства на север. Под предлогом того, что угрожает опасность «жизни и безопасности» японских резидентов в провинции Шаньдун, Танака послал в мае 1927 г. японские войска в Цзинань (столица Шаньдуна), и они в короткий срок оккупировали важнейшие стратегические пункты провинции. Японская дипломатия добивалась от китайского правительства принятия целого ряда унижительных требований (отказа от суверенитета в отношении Манчжурии и Монголии и др.) в духе «21 требования» 1915 г. Грабительская политика правительства Танака вызвала в Китае огромное возбуждение. Китайцы объявили широкий бойкот японских товаров, сильно ударивший по карману японских капиталистов. Политика Танака вызвала огромное недовольство в самой Японии. Захват Шаньдуна вызвал также недовольство держав. В связи с этим японские войска были отозваны из Шаньдуна. Вторичная попытка занять Шаньдун японскими войсками в мае 1928 г. тоже окончилась провалом.

Танака также поставил себе задачей полностью подчинить Манчжурию в экономическом отношении японскому капиталу (в первую очередь концерну ЮМЖД). Распорядившийся в Манчжурии милитарист Чжан Цзо-лин, издавна связанный с японцами и пользовавшийся их поддержкой, стал постепенно сопротивляться японским

¹ Отдельные места меморандума Танака были выдержаны прямо в стиле Хидэёси:

«Для того чтобы завоевать подлинные права в Манчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли. Вооруженные уже обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Манчжурией и Монголией является первым шагом, если раса Ямато желает отличиться в континентальной Азии».

притязаниям, боясь, что японские капиталисты, в частности концерн ЮМЖД, лишат его значительной доли его доходов. Поэтому Чжан Цзо-лин стал прибегать даже к консультации американских и английских советников и предполагал, повидимому, опираясь на поддержку империалистических конкурентов Японии, изменить своему прежнему хозяину. Танака решил освободиться от Чжан Цзо-лина. 4 июня 1928 г. в поезд Чжан Цзо-лина была брошена бомба в момент прохождения его вагона под мостом, охранявшимся японским военным патрулем. В результате взрыва Чжан Цзо-лин умер от ран.

Чересчур «неловкое» убийство японцами вышедшего из их повиновения манчжурского сатрапа Чжан Цзо-лина вызвало огромное возбуждение в самой Японии. Танака всячески пытался отвести от себя ответственность за организацию этого убийства, но отрицать вину Японии в этом деле было невозможно.

Танака оказался чрезвычайно сильно скомпрометирован как неудачным исходом интервенции в Китае, так и убийством Чжан Цзо-лина. Растущее недовольство «позитивной» политикой Танака вызвало 2 июля 1929 г. отставку его правительства. Спустя несколько недель после своей отставки Танака умер, и на этом его «громкая» скандальная карьера военного авантюриста закончилась.

К власти пришло правительство Хамагуци, лидера партии минсейто. Это правительство вновь стало проводить политику дипломатического лавирования и маскировки японской агрессии в отношении Китая. Кабинет Хамагуци должен был столкнуться с новым усилением нажима на японский империализм со стороны его основных соперников — Англии и США. Конференция о новом ограничении морских вооружений, состоявшаяся в Лондоне в 1930 г., не только не улучшила позиции Японии, а, наоборот, еще более усугубила моральное поражение, нанесенное ей в Вашингтоне. По решению этой конференции, пропорция для линкоров 5:5:3 была дополнена почти такой же пропорцией для крейсеров (10:10:7). Япония вынуждена была согласиться на это под нажимом совместного выступления Англии и США.

Японская военщина была буквально взбешена исходом Лондонской морской конференции. Целая группа адмиралов демонстративно вышла в отставку (Като, Суэцугу и др.). Несмотря на то, что тогдашний военный министр Угаки проводил сокращение армии за счет модернизации вооружений и внедрения военного обучения в гражданские учебные заведения, среди японской военщины началась резкая кампания против Угаки. Стали расти, как грибы, всякого рода фашистские и реакционно-шовинистические кружки и клубы, которые исходной позицией своей агитации против правительства брали именно это, так называемое «позорное», Лондонское соглашение.

14 ноября 1930 г. на вокзале в Токио премьер Хамагуци подвергся нападению со стороны фашистского террориста, решившего «отомстить» за подписание Лондонского морского соглашения. Хамагуци был опасно ранен. Поправившись, он на некоторое время

вернулся к политической деятельности, но через несколько месяцев умер от последствий ранения.

Некоторое время обязанности премьер-министра выполнял министр иностранных дел Сидэхара, но, когда выяснилось, что Хамагучи не в состоянии вернуться к работе, президентом минсейто был избран Вакацуки, образовавший свое (второе по счету) правительство 14 апреля 1931 г.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НОВЫЙ ЭТАП ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

В конце 1929 г. разразился мировой экономический кризис, с особой силой проявившийся в Японии. Характерное для периода общего кризиса капитализма переплетение аграрного и промышленного кризиса приобрело в Японии особо резкие формы, потому что наличие полуфеодалных отношений в японской деревне придавало кризисным проявлениям особую остроту. Суженный внутренний рынок Японии, ограниченный полуколониальным жизненным уровнем пролетариата и еще более низким жизненным уровнем основной массы крестьянства, предопределял особо тяжелые формы экономического кризиса в Японии. Японский империализм всегда находился в особой зависимости от внешних рынков. Поэтому падение мировых цен на внешних рынках и резкое сокращение японского экспорта с конца 1929 г. (особенно экспорта шелка-сырца в США) оказали катастрофическое влияние на всю японскую экономику.

В конце 1929 г. в Японии наблюдались массовые случаи банкротства мелких и средних банков. В 1930 г. кризис достиг огромной силы в японской промышленности и внешней торговле. В особо тяжелом положении оказались весьма многочисленные предприятия средней и мелкой промышленности. По данным японской статистики, в 1930—1931 гг. обанкротились и прекратили свое существование свыше 10 тыс. средних и мелких предприятий. Общее количество безработных дошло до 3 млн. в разгар кризиса. В конце 1930 г. необычайно обострился аграрный кризис. Аграрный кризис принял в Японии исключительно резкие формы, поскольку и до наступления кризиса положение основной массы крестьянства являлось чрезвычайно тяжелым. Цены на рис упали на 50%, цены на шелк — на 70%. Это привело к тому, что крестьяне, обреченные на голодное существование, для того чтобы не лишиться своих ничтожных клочков земли и уплатить арендную плату и всевозможные долги и проценты по долгам, питались буквально кореньями, водорослями и т. п. Обычная в Японии продажа крестьянских девушек в публичные дома приобрела массовый характер.

Положение трудящихся масс стало чрезвычайно тяжелым. Классовые противоречия как в городе, так и в деревне обостри-

лись до такой степени, что грозили перерасти в непосредственные революционные столкновения. Крайне обострились противоречия и в лагере господствующих классов.

Не только основные массы крестьянства оказались в тяжелом положении в результате кризиса, но и часть деревенской верхушки: мелкие и средние помещики и кулачество также оказались сильно затронутыми кризисом, поскольку крестьяне-арендаторы были не в состоянии внести им арендную плату. Эти помещики и кулаки, выражая свое недовольство, подчеркивали, что хотя капиталисты и «страдают» от кризиса, но не так, как «крестьянство», подразумевая, естественно, под крестьянством только себя и свои собственные интересы, а не интересы подлинно крестьянских масс.

Эти настроения получили свое отражение в программах и требованиях разных фашистских группировок, в том числе и военно-фашистских, в которых помещичьи и кулацкие элементы играли видную роль. «Помощь деревне» фигурировала среди основных лозунгов фашистских групп, подразумевавших под этим помощь помещикам и кулакам.

Фашистские настроения были особенно сильны среди так называемого «молодого офицерства», близкого по своему социальному происхождению к деревенской верхушке.

Эти «молодые офицеры», руководителем которых был генерал Араки, заявляли, что «деревня страдает», страдания «деревни» отражаются на настроении солдат и потому офицерство не может «терпеть» такого положения и «вынуждено» выступать против правительства, составленного из представителей парламентских партий, тесно связанных с финансовыми концернами. Эта «антикапиталистическая» демагогия фашистов и фашистской военщины не препятствовала, разумеется, наиболее реакционным группировкам японского финансового капитала использовать фашистов в своих интересах.

«Молодое офицерство», руководимое генералом Араки, стало активно выступать против правительства, связанного с парламентскими партиями, против самого парламента и этих партий, против отдельных представителей капиталистического мира, которых оно считало противниками авантюристической политики военно-фашистских кругов. Даже в самой японской армии часть генералитета и старшего офицерства, более тесно связанная с финансовым капиталом и концернами, как, например, генерал Угаки и его группа, встретила глубокую враждебность со стороны «молодого офицерства».

Одновременно с требованиями докончить с «либеральным» курсом правительства минсейто внутри страны фашистская военщина требовала более «твердой» внешней политики, другими словами, развязывания грабительской войны против Китая и военного нападения на Советский Союз. В войне фашистская военщина видела выход из кризиса и одновременно возможность поднять роль военщины до положения высшего вершителя судеб японского государства.

Авантюристическую агрессивную политику японской фашистской военщины поддерживали наиболее реакционные элементы финансового капитала, видевшие в войне возможность нажиться как на военных поставках, так и на непосредственном грабеже тех стран, куда направлялась японская внешняя агрессия.

Правительство Вакацуки, составленное из представителей партии минсейто, отражая взгляды более умеренной буржуазии, не считавшей своевременной авантюристическую политику открытого военного грабежа, подвергалось непрерывным нападкам со стороны фашистской военщины и сильному давлению со стороны реакционных кругов финансового капитала. Положение обострилось до такой степени, что правительство фактически потеряло всякий контроль над военщиной, начавшей действовать более самостоятельно, чем когда-либо раньше.

Японская военщина, выполняя волю наиболее реакционных элементов японского финансового капитала, решила начать войну с Китаем. «Японские империалисты, видя, что европейские державы и США целиком поглощены своими внутренними делами в связи с экономическим кризисом, решили воспользоваться случаем и сделать попытку нажать на слабо защищенный Китай, подчинить его себе и стать там господами положения. Не объявляя войны Китаю и мошеннически используя ими же созданные «местные инциденты», японские империалисты воровским образом ввели войска в Манчжурию. Японские войска полностью захватили Манчжурию, подготавливая себе удобные позиции для захвата Северного Китая и нападения на СССР»¹.

Начав войну 18 сентября 1931 г., японские войска оккупировали всю Манчжурию к весне 1932 г.

Начавшаяся война Японии против Китая и оккупация Манчжурии не вызвали почти никакого протеста со стороны капиталистических противников Японии на Тихом океане.

Соединенные штаты Америки находились в железных тисках жесточайшего экономического кризиса и были целиком поглощены собственными внутренними затруднениями.

Поэтому правительство США ограничилось дипломатическим представлением Японии и декларацией о непризнании каких-либо насильственно завоеванных японцами «прав» на китайской территории (нога Стимсона от 7 января 1932 г.).

Английское правительство не только не протестовало, но фактически в завуалированной форме поддерживало агрессию японского империализма.

Вскоре после начала захвата Манчжурии кабинет Вакацуки, как не соответствовавший новому интервенционистскому курсу, должен был под давлением военщины уйти в отставку. На смену ему в декабре 1931 г. пришло сейюкайское правительство Инукаи, военным министром которого был назначен фашистский генерал Араки.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 288.

В январе 1932 г. японские войска начали военные операции и в районе Шанхая. 18 января в Шанхае японцами был спровоцирован очередной «инцидент»: было инсценировано нападение китайцев на японца монаха. 27 января последовало вручение японского ультиматума китайским властям, и уже 28 января начались военные действия.

Неожиданно для себя японцы натолкнулись в Шанхае на решительное и стойкое сопротивление со стороны китайской регулярной 19-й армии, поддержанной населением (главным образом, рабочими Чапэя).

Японская армия с огромными потерями (и то только через месяц после начала операций) преодолела героическое сопротивление 19-й армии в Шанхае. В боях под Шанхаем японская армия потеряла убитыми и ранеными до 6 тыс. человек.

В результате посредничества Англии японские войска были полностью эвакуированы из Шанхая в мае 1932 г.

Война в Манчжурии еще более развязала деятельность реакционно-националистских и фашистских организаций и групп. Фашистская военщина старалась распространить атмосферу погромных настроений по отношению ко всему, что, по их мнению, стояло на пути этой военщины, мешало переходу всей полноты власти в ее руки: к парламенту, парламентским партиям и даже правительству Инукаи, являвшемуся для военщины слишком «либеральным», поскольку оно было связано с парламентской партией сейюкай.

Война начала приносить большие прибыли крупным капиталистам, в то время как положение помещиков и кулаков в связи с непрекращением аграрного кризиса оставалось тяжелым. Это продолжало вызывать недовольство «молодого офицерства» и усиливало его «антикапиталистическую» демагогию. Вскоре военно-фашистские круги перешли к террористическим актам по отношению к отдельным представителям финансового капитала.

9 февраля 1932 г. был убит видный банковский деятель, бывший министр финансов Иноуэ. Через месяц, 5 марта, был убит главный управляющий крупнейшего концерна Мицуи барон Дан. Эти террористические действия вызвали сильнейший переполох в верхах японской буржуазии. Вскоре произошли так называемые «майские события» 1932 г. 15 мая группа молодых офицеров армии и флота убила премьер-министра Инукаи, совершила ряд покушений на других руководящих деятелей японского правительства, напала на помещение ЦК правительственной партии сейюкай, на редакцию газеты «Асахи» и разбросала ряд листовок, привлекавших «внимание общества» к тому бедственному положению, в котором находится Япония. Участники военно-фашистского террористического выступления 15 мая 1932 г. были преданы суду.

Большинство подсудимых показало, что они имели совещания с военным министром генералом Араки еще в бытность последнего командиром дивизии. Подсудимые указывали, что, после того как они должны были устранить всех представителей «слабого парламент-

ского министерства», должно было быть создано военное правительство во главе с генералом Араки.

В результате событий 15 мая 1932 г. в Японии был сформирован новый кабинет адмирала Сайто. Правительство адмирала Сайто возникло в результате компромисса между руководством основных буржуазно-помещичьих кругов Японии, с одной стороны, и военщины — с другой. Правительство Сайто пыталось изобразить себя «надпартийным», поскольку Сайто не был членом какой-нибудь парламентской партии. Однако фактически как сам премьер Сайто, так и большинство его министров были чрезвычайно близки к обеим буржуазно-помещичьим партиям — минсейто и сейюкай. Сам Сайто был близок к кругам минсейто, а наиболее видная фигура в правительстве, министр финансов Такахаси Корекиё, был одним из старейших лидеров партии сейюкай и издавна был известен своими тесными связями с банками.

Военщина продемонстрировала свою силу при формировании кабинета Сайто тем, что и военный министр Араки и морской министр Осуми сохранили свои посты, тогда как, по военным традициям, их отставка казалась неизбежной (в силу того, что участниками путча были военнослужащие).

Во внутренней политике правительство Сайто, несмотря на то, что сам Сайто слыл некогда «либералом», проводило курс на беспощадное подавление всякого революционного, антифашистского и антивоенного движения. Особенно жестокому преследованию подвергались коммунисты, члены революционных профсоюзов и крестьянских союзов. Японская компартия с самого начала войны Японии в Манчжурии повела антивоенную борьбу, высоко держа свое интернационалистское знамя, в то время как японская социал-демократия в лице партии сякай тайсюа сразу перешла в лагерь социал-шовинизма, поддерживая грабительскую войну японского империализма в Китае. Некоторые влиятельные круги в социал-демократии прямо перешли в лагерь фашизма, отколовшись от социал-демократической партии и создав свои фашистские партии (Акамацу и др.).

Последовательно революционное поведение японской коммунистической партии вызвало жестокие репрессии со стороны правительства Сайто. В октябре 1932 г. было арестовано около 2 тыс. коммунистов и революционных рабочих и крестьян. Массовые аресты следовали и дальше непрерывно¹. Японская компартия твердо стояла на своем посту, вооруженная тезисами Коминтерна от 1932 г., четко формулировавшими задачи компартии Японии в ее предстоящей борьбе.

Но если в области борьбы против революционных элементов правительство Сайто делало все, что требовала фашистская военщина, то в сфере экономической политики правительство не шло ни на какие рискованные эксперименты, предлагаемые фашист-

¹ В январе 1933 г. в полицейском застенке был замучен насмерть виднейший пролетарский писатель Японии Кобаяси Такидзи.

ской военщиной. Как Сайто, так и в особенности министр финансов Такахаши не допускали, по возможности, вмешательства японской военщины в руководство экономикой страны.

Зато в вопросах внешней политики, вернее, внешней агрессии, была последовательно проведена линия военщины и наиболее агрессивных элементов японского империализма.

1 марта 1932 г. Япония провозгласила «независимость» Манчжурии в виде создания нового «государства» — Манчжоуго. Оккупированная японскими войсками, Манчжурия по существу превратилась в японскую колонию. Во главе «независимого» Манчжоуго японцы поставили последнего потомка ненавистной всему Китаю, свергнутой в 1911 г. Манчжурской династии — Пу И, объявленного японцами сперва «правителем», а затем с 1934 г. «императором» Манчжурии.

Японская оккупационная армия в Манчжурии была превращена в войска «дружественной державы», остающиеся в Манчжурии в силу так называемого японо-манчжурского «протокола» от 15 сентября 1932 г.

Фактическим диктатором и главой всех военных и гражданских властей на территории Манчжурии стал главнокомандующий квантунской армии, который одновременно получил звание чрезвычайного и полномочного «посла» Японии в Манчжоуго. Управление всеми отраслями хозяйственной и политической жизни было сосредоточено в руках штаба квантунской армии. Это предопределило руководящую роль военщины в деле организации и укрепления японского господства в Манчжурии. Весь ход экономического строительства Манчжоуго был полностью приспособлен к разрешению задачи превращения территории Манчжурии в военный плацдарм.

Оккупация Манчжурии японскими войсками и последовавшее затем провозглашение «независимого Манчжоуго» явились предметом длительного обсуждения в различных инстанциях Лиги наций, куда Китай как член Лиги наций апеллировал в качестве страны, подвергшейся агрессии.

Общественное мнение почти во всем мире с явным осуждением отнеслось к действиям японского империализма. Это сказалось на отрицательном отношении Лиги наций к многословным «оправданиям» японских дипломатов, пытавшихся изобразить в роли агрессора не Японию, а Китай. Япония должна была согласиться на посылку к месту конфликта специальной комиссии Лиги наций, уполномоченной произвести соответствующее расследование и составить доклад. 10 декабря 1931 г. в Женеве была создана комиссия, в состав которой вошли представители Англии, Франции, США, Германии и Италии (несмотря на свое неучастие в Лиге наций, США также выделили своего представителя) под председательством англичанина лорда Литтона. Весной 1932 г. комиссия Литтона посетила Японию, Манчжурию и Китай, после чего составила обширный доклад, представленный Совету Лиги наций в октябре 1932 г.

Комиссия констатировала агрессивный характер японских действий в Манчжурии, отметив, что территория Манчжурии насильственно отторгнута от Китая и, следовательно, апелляция Китая в Лигу наций с жалобой на действия Японии была вполне обоснована.

Правительство Сайто спешно командировало в Женеву специального уполномоченного — Мацуока, который должен был добиться, чтобы основные положения доклада комиссии Литтона не были утверждены Советом Лиги наций. Старания Мацуока в этом направлении, однако, не увенчались успехом. Мацуока произнес несколько непримиримых и вызывающих по тону речей, предъявив Лиге наций ультимативное требование оправдать японскую агрессию или, в противном случае, Япония покинет Лигу. Поскольку угроза не подействовала, японское правительство опубликовало 27 марта 1933 г. декларацию о демонстративном выходе Японии из числа членов Лиги наций.

Словесное признание Японии агрессором со стороны Лиги наций не повлекло, однако, за собой никаких мер реальной помощи Китаю как члену Лиги наций, подвергшемуся агрессии.

Английское консервативное правительство решительно воспротивилось какому бы то ни было действительному решению об оказании Китаю поддержки со стороны Лиги наций.

Продолжавшаяся японская агрессия, перебросившаяся во внутреннюю Монголию и Северный Китай, вынудила китайское правительство, которое в то время еще не было в состоянии оказать должного сопротивления захватам Японии, вступить на путь самостоятельных переговоров с Японией.

В мае 1933 г. в Тангу было подписано так называемое японо-китайское соглашение о мире. Текст этого документа был навязан китайскому правительству Японией и содержал в себе фактическое признание японских захватов в Манчжурии. Китайские войска должны были отойти на 250 миль к югу от Великой китайской стены (отделяющей Манчжурию и Внутреннюю Монголию от Собственно Китая). Эвакуированная территория получила наименование «демитаризованной зоны», а на деле она превратилась в постоянный очаг японских провокаций и была использована как для переброски всевозможных банд на территорию Северного Китая, так и для бесцеремонной контрабанды — беспошлинного ввоза в Китай японских товаров через Манчжурию.

В результате войны в Манчжурии и проводившейся правительством Сайто политики инфляции японская экономика стала переживать известное оживление, характеризующееся военно-инфляционной конъюнктурой. Это оживление коснулось главным образом военных отраслей промышленности.

В своем отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) товарищ Сталин, указывая на ошибочность объяснения всех явлений относительного подъема промышленности основных капиталистических стран в 1933 г. только военно-инфляционной конъюнктурой, сделал в этом отношении исключение для Японии. Отмечая «не малую роль»

военно-инфляционной конъюнктуры вообще, товарищ Сталин сказал: «Это особенно верно в отношении Японии, где этот искусственный фактор является главной и решающей силой некоторого оживления некоторых, главным образом, военных отраслей промышленности»¹.

Инфляция и связанное с этим падение курса иены способствовали довольно серьезному увеличению экспорта на внешние рынки. Чрезвычайная эксплуатация рабочих давала японским капиталистам возможность сильно снизить издержки производства и продавать свои товары на внешних рынках по низким, демпинговым ценам. Это давало японским экспортерам возможность внедрить японские товары не только на китайские рынки, но и в Британскую и Голландскую Индию, Австралию, Африку и Южную Америку.

Японский демпинг ухудшил взаимоотношения Японии с рядом стран, в особенности с Англией. Проникновение японских товаров на рынки, которые считались монопольными рынками Англии, вызвали у последней известную враждебность к Японии.

Начиная с 1932 г. агрессивные устремления японского империализма все более явственно приобретают антисоветский характер.

В конце 1931 г. советское правительство обратилось к японскому правительству с предложением подписать договор о ненападении, но получило отказ. Это предложение было в дальнейшем вновь повторено, но с тем же результатом.

Захватив Манчжурию, японская военщина, опьяненная своими успехами и своим растущим политическим влиянием, стала уже, не скрывая этого, говорить о необходимости в скором времени напасть на СССР.

В докладе XVII съезду ВКП(б) (в начале 1934 г.) товарищ Сталин, отмечая вызывающее поведение агрессивной японской военщины по отношению к СССР, сказал: «... одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается»².

Японская военщина организует ряд провокаций в Манчжурии в отношении принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороги (перерыв сообщения, конфискация грузов, аресты и избияния советских рабочих и служащих на железной дороге). Многочисленные речи и памфлеты Араки все без исключения откровенно говорили о необходимости борьбы с Советским Союзом. Араки подчеркивал, что до тех пор пока большевизм существует, у Японии не может быть никаких реальных завоеваний ни в Китае, ни в любом другом уголке Азии.

Вопрос о войне с СССР, вернее о сроках нападения Японии на СССР, вызвал известные разногласия внутри японского правительства и господствующих классов. Когда Араки и стоящая

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 542.

² Там же, стр. 552.

за ним фашистская военщина прямо ставили вопрос о необходимости немедленной войны против СССР, то они встретили значительный отпор со стороны более трезвой части японской буржуазии и ее представителей в правительстве (Такахаси, Сайто и др.), считавших, что Япония еще не подготовлена к «большой» войне с таким мощным противником, что тяжелое финансовое положение Японии, обнищание крестьянства и обострение классовых противоречий в деревне и городе не позволяют японскому империализму в данный момент напасть на Советский Союз.

В результате длительных споров была принята средняя линия. Военные мероприятия по подготовке нападения на СССР проводились в жизнь, но не такими быстрыми темпами, как этого добивались агрессивные элементы.

Основной тон в правительстве задавал министр финансов Такахаси, который приобрел большой авторитет у крупной буржуазии за время своей долголетней службы в концернах Мицуи и Ясуда. Такахаси ни в какой мере не был пацифистом. Наоборот, он сам был сторонником империалистической агрессии и признавал необходимость военной программы. Он высказывался лишь против непомерных и непосильных для японской экономики темпов осуществления этой программы, равно как и против того, чтобы военщина стала играть руководящую роль в экономической жизни страны, стесняя этим свободу действий финансовых магнатов.

В январе 1934 г., чувствуя свою растущую непопулярность и не будучи способным справиться с возложенной на него «миссией» вовлечения Японии в войну с Советским Союзом, Араки уходит в отставку.

В июле 1934 г. правительство Сайто ушло в отставку, и было создано министерство под руководством отставного адмирала Окада. Компромиссный курс правительства Сайто, лавировавшего между крайне агрессивными элементами фашистской военщины и сравнительно «умеренными» империалистскими группировками, подвергался непрерывным нападениям со стороны военно-фашистских элементов, особенно после ухода из правительства Араки. В связи с делом о взяточничестве некоторых членов правительства последнее должно было уйти в отставку.

Правительство адмирала Окада, пришедшее на смену Сайто, пыталось продолжать курс своего предшественника, стремясь ограничивать аппетиты военно-фашистских кругов. Но это оказалось сопряженным с еще большими трудностями, чем раньше.

В целом ряде политических вопросов кабинет Окада должен был уступать домогательствам фашистской военщины гораздо больше, чем уступал в свое время Сайто.

Это вызвало серьезную тревогу в кругах финансовой буржуазии, которая не хотела уступить всю полноту власти военщине. По требованию этой финансовой буржуазии, в конце 1934 г. на пост министра финансов был снова назначен ненавистный фашистам вдохновитель политики компромиссов — Такахаси. Войдя в прави-

тельство, Такахаси фактически стал играть роль руководителя всей политики кабинета.

Под давлением агрессивных военно-морских кругов правительство Окада отказалось на Лондонской конференции по вопросам морских вооружений от прежней пропорции военного флота, принятой в 1922 г. на Вашингтонской конференции. Лондонские переговоры были сорваны. 29 декабря 1934 г. японское правительство официально уведомило о расторжении вашингтонского морского договора 1922 года.

При правительстве Окада получил разрешение вопрос о КВЖД. Захват японскими войсками всей территории Манчжурии уже к середине 1932 г. поставил в невыносимо тяжкие условия нормальную деятельность принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). КВЖД оказалась единственной железнодорожной магистралью в Манчжурии, на которую не распространялся японский контроль. Японская военщина в лице командования квантунской армии поставила своей задачей превратить КВЖД в источник постоянных острых конфликтов между Японией и СССР. Японцы систематически расстраивали нормальную работу железной дороги, злостно нарушали правила эксплуатации, совершали бесчисленные акты насилия в отношении советских служащих дороги, явно провоцируя СССР на отказ от дороги или на вооруженный конфликт.

Последовательно проводя политику мира, правительство Советского Союза внесло в 1933 г. предложение о продаже КВЖД Японии и Манчжоуго. Это предложение СССР расстраивало планы японской военщины, но японское правительство вынуждено было принять это предложение. Однако деловые переговоры о продаже натолкнулись на явный саботаж со стороны японского правительства.

Переговоры затянулись по вине Японии больше чем на 1½ года, и лишь в марте 1935 г. удалось притти к окончательному соглашению о продаже КВЖД.

Мирное урегулирование вопроса о КВЖД не привело, однако, к нормализации японо-советских отношений. В 1935 г. продолжались провокационные нападения японских войск на советских пограничников. Реакционная японская печать продолжала вести антисоветскую агитацию, подстрекая военщину к новым антисоветским авантюрам.

Готовясь к нападению на Советский Союз, японский империализм продолжал развивать дальнейшую агрессию в Китае. Япония уже стала смотреть на Китай, как на свою колонию, как на вторую Корею. В апреле 1934 г. японское министерство иностранных дел, во главе которого стоял близкий к фашистам Хирота, официально заявило через своего чиновника Амо, что Китай должен согласовать свою внешнюю политику с Японией и что Япония не потерпит заключения Китаем договора с любой другой страной без согласия Японии.

В течение первой половины 1935 г. японскому империализму

путем создания провокационных инцидентов и последующей интервенции удалось добиться фактического господства в двух провинциях Северного Китая: в Хэбее и Чахаре.

В июле 1935 г. японское военное командование выдвинуло план организации полной «независимости» пяти провинций в Северном Китае (Хэбей, Чахар, Суйюань, Шаньдун, Шаньси).

Одновременно японским генеральным штабом был разработан план организации Монгольского «государства» по образцу Манчжоуго во главе с монгольским феодалом Деваном.

Кроме того, японская военщина поставила перед правительством вопрос о необходимости еще большего подчинения Китая японскому контролю. В результате этого в сентябре 1935 г. в Токио была сформулирована так называемая «новая политика по отношению к Китаю», состоявшая из следующих пунктов:

«1. Полное экономическое и политическое сотрудничество Манчжоуго, Японии и Китая, включая признание Манчжоуго Нанкином».

«2. Совместные действия всех трех стран в Северном Китае для борьбы с коммунистическим движением» (японский военный контроль и назначение японских военных советников).

«3. Ликвидация всякого антияпонского движения в Центральном и Южном Китае» (японский контроль над китайской полицией).

«4. Устранение всех антияпонских «интриг, возникающих в Китае или возбуждаемых извне» (японский контроль над внешней политикой Нанкина и требование заключения японо-китайского военного союза).

Проведение этой новой «политики» Японии в отношении Китая, однако, встретило некоторое сопротивление со стороны Англии, испугавшейся полного вытеснения ее из Китая японским империализмом. Англия решила поддержать китайское правительство и несколько укрепить его экономические позиции.

В Китай был послан английский финансовый советник Лейт-Росс, под руководством которого была проведена денежная реформа в Китае путем национализации серебра и обязательного обмена имевшего хождение серебра на бумажные деньги. Проведение этой реформы должно было укрепить финансовое положение центрального китайского правительства на основе установления негласного контроля над Центральным банком в Китае со стороны группы английских банков. Проведение этой реформы означало прежде всего попытку усилить власть центрального правительства Китая по отношению к провинциальным правительствам, так как серебро, находившееся в их распоряжении, подлежало изъятию и переходу в руки центра.

Осуществление этой реформы несомненно ударило по японским планам в Северном Китае.

Столкнувшись с английским вмешательством, а также с серьезными признаками роста национального антияпонского движения (характерным симптомом чего явилось покушение 1 ноября 1935 г. на Ван Цзин-вэя — японофильского лидера гоминдана), японский

генштаб временно снял лозунги «новой китайской политики», предусматривающей контроль над всем Китаем, но чрезвычайно решительно выдвинул на первый план задачу скорейшего оформления «независимости» 5 провинций Северного Китая.

В ноябре 1935 г. губернаторы 5 северных китайских провинций должны были под нажимом японских властей съехаться в Бейпин для торжественного провозглашения «северокитайской независимости». Командующий японскими войсками в Северном Китае Тада опубликовал провокационное заявление о том, что «японские власти не допустят военного выступления против автономистского движения».

Однако объявление «независимости» не состоялось, так как трое из пяти губернаторов вопреки ожиданиям не явились на «торжество». Тогда японцы решили приступить к организации «автономистского движения» в Северном Китае своими силами. В конце 1935 г. японский агент Ин Жу-ген объявил «автономию» 25 уездов северо-восточной части провинции Хэбей, создав «антикоммунистический автономный комитет Восточного Хэбея».

Используя выступление Ин Жу-гена, японцы поспешили оккупировать ряд железнодорожных станций и сконцентрировали крупные силы у проходов Великой китайской стены, явно угрожая началом новой большой интервенции. Но одновременно японская дипломатия дала понять, что на ближайшее время японцы снимают свои требования относительно безоговорочного отделения всех северных провинций от Китая и готовы пойти на компромисс с Нанкином при условии предоставления им свободы действий в двух провинциях, Хэбее и Чахаре.

Китайское правительство, опасаясь развития дальнейшей интервенции Японии под видом «автономистского» движения, уполномочило военного министра Хо Ин-цина заключить с японцами формальное соглашение об установлении «автономии» двух северных провинций, Хэбея и Чахара. В результате этого было подписано соглашение, известное под названием «соглашения Хо—Умэдзу»¹.

Во главе Хэбея и Чахара был поставлен так называемый «политический совет», формально назначенный китайским правительством, но фактически зависевший от японского военного командования. Во главе этого политического совета был назначен генерал Сун Чже-юань, к которому уже через 4 дня после его назначения был приставлен глава японской разведки в Северном Китае генерал Доихара в качестве «главного советника».

Таким образом, Япония получила возможность к концу 1935 г. фактически контролировать Хэбей и Чахар, угрожая распространить в дальнейшем этот контроль на остальные 3 провинции Северного Китая: Суйюань, Шаньси и Шаньдун.

Одновременно японская военщина начала создавать погранич-

¹ Умэдзу — японский генерал, командовавший японскими войсками в Северном Китае.

ные инциденты на границах Монгольской Народной Республики, готовясь к нападению на эту республику.

Японские наскоки на МНР объяснялись двумя основными причинами: 1) в подготовке к войне с Советским Союзом японская военщина стремилась создать себе возможно более широкий плацдарм, включающий не только Манчжурию, но и Монголию, и 2) в планах широких завоеваний, намеченных японской военщиной, видное место заняла идея создания новой большой японской колонии, носящей название «Монгольского государства», включавшего в себя, с одной стороны, китайские провинции, составляющие так называемую Внутреннюю Монголию (Чахар, Суйюань), а с другой стороны, независимую МНР, освободившую себя от гнета феодалов и иностранных империалистов.

В январе 1935 г. произошел первый серьезный инцидент на монголо-манчжурской границе, спровоцированный японской военщиной. Вслед за этим границу МНР стали часто переходить вооруженные японо-манчжурские отряды. Это создало столь напряженное положение, что, по инициативе правительства МНР, стремившегося мирным путем урегулировать постоянно возникавшие конфликты, была созвана специальная монголо-манчжурская конференция на ст. Манчжурия. Эта конференция должна была заняться мирным урегулированием пограничных инцидентов и устранить постоянный источник споров о принадлежности приграничной территории. Однако в ходе переговоров выяснилось, что японская военщина, стоящая за спинами делегатов Манчжоуго, добивается не ликвидации поводов к конфликтам, а, наоборот, — их разжигания. На первых же заседаниях конференции на ст. Манчжурия стало ясно, что японская военщина стремится к созданию для себя привилегированного положения на монгольской территории. «Манчжурский» делегат предъявил наглое требование о допущении офицеров японской военной миссии на территорию Монголии, об установлении прямой телеграфной связи этих офицеров из столицы Монголии с местонахождением штаба японских войск в Манчжурии и, наконец, отказался от урегулирования пограничных конфликтов до обмена официальными представителями между правительствами МНР и Манчжоуго. Эти требования зарвавшейся японской военщины были отклонены, так как Монгольская Народная Республика, естественно, не могла допустить открытого японского шпионажа на своей территории и не соглашалась признать де-юре японскую марионетку — Манчжоуго. В ответ на это японо-манчжурские власти сделали ряд провокационных заявлений о том, что они заставят монголов подчиниться своим требованиям и, в случае надобности, применят военную силу. 25 ноября 1935 г. переговоры на станции Манчжурия были окончательно прерваны. 19 декабря 1935 г. состоялось новое вооруженное нападение японо-манчжурских войск на монгольскую пограничную заставу в районе Булун-Дерсу, причем с японской стороны применялись пулеметы и были введены в действие значительные массы механизированной пехоты.

В начале 1936 г. продолжались японские вооруженные провокации на монгольских границах, в ходе которых японским войскам были нанесены чувствительные удары.

Агрессивные планы японской военщины, направленные против Монгольской Народной Республики, побудили товарища Сталина недвусмысленно предупредить японских империалистов о том, что СССР не останется безучастным к судьбе МНР, если она подвергнется нападению со стороны Японии.

В известном интервью с американским журналистом Рой Говардом 1 марта 1936 г. товарищ Сталин сказал:

«В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомяков уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году»¹.

Предупреждение товарища Сталина оказало огромную услугу делу мира, сдерживающим образом повлияв на агрессивные намерения японского империализма по отношению к МНР.

Твердая политика СССР заставляла более умеренные круги японского правительства по возможности удерживать фашистскую военщину от рискованных авантур по отношению к Советскому Союзу.

26 ноября 1935 г. фактический глава кабинета Такахаси выступил с речью, содержащей резкую отповедь авантюристским элементам военщины. Эта речь выявляла боязнь руководящих кругов японской буржуазии идти на риск «большой» войны против СССР.

«Военное и морское ведомства, — сказал Такахаси, — должны серьезно призадуматься над тем положением, в котором находится страна. В настоящее время состояние таково, что даже газеты не могут сказать то, что они хотели бы сказать относительно военного и морского ведомств. Деловые круги также не в состоянии свободно высказать свое мнение по этому вопросу. Военные должны подумать над этим. Если при такой ситуации военные будут несправедливы в своих требованиях, они потеряют доверие нации. Я признал возможным отпустить еще по 10 миллионов иен военному и морскому ведомствам, но ассигновать что-либо сверх этого абсолютно невозможно.

При настоящем международном положении нет никакой опасности того, что Америка или СССР начнут войну против Японии. Они имеют колонии и обширные территории и никогда не начнут конфликта. Япония поэтому должна избегать всяких действий, которые могут их раздражать, и должна следовать по пути мира».

Этой речью Такахаси фактически подписал себе смертный приго-

¹ Сталин, Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппе-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом, Партиздал, 1937 г., стр. 5.

вор. Военно-фашистские элементы увидели в его лице серьезного противника, препятствующего проведению их программы.

20 февраля 1936 г. состоялись выборы в японский парламент. Выборы показали, что массы настроены против авантюристической политики военщины и связанных с ней фашистских элементов. Боясь, что выборы укрепят положение противников фашистской военщины и задержат проведение в жизнь ее агрессивной политики по отношению к Советскому Союзу и Китаю, наиболее авантюристические военно-фашистские элементы в лице «молодого офицерства» организовали вооруженный мятеж с целью свержения правительства и передачи всей полноты власти военщине.

26 февраля 1936 г. около 20 «молодых офицеров» вывели на рассвете из казарм распропагандированных ими солдат (общая численность которых превышала 1 500 человек), заняли здание военного министерства и полицейского управления и совершили нападение на особо ненавистных фашистам высших сановников. Нападению подверглась официальная резиденция премьер-министра адмирала Окада, квартиры министра финансов Такахаси, хранителя императорской печати и бывшего премьера адмирала Сайто, главного инспектора военного обучения генерала Ватанабэ и главного камергера адмирала Судзуки. Окада благодаря случайности избежал смерти. Адмирал Сайто и генерал Ватанабэ были сразу убиты, престарелый Такахаси умер от полученных им смертельных ран. Адмирал Судзуки был тяжело ранен.

Совершив все эти покушения, фашистские мятежники расположились на территории части центрального района столицы и вступили в переговоры с представителями высшего военного командования об условиях образования нового военно-фашистского правительства и проведения «реформ».

Переговоры эти продолжались три дня. Правительство не рискнуло применить оружие против восставших и ограничивалось увещаниями и сбрасыванием с аэропланов листовок, содержавших призыв к мятежным солдатам разойтись по своим казармам.

Видя, что остальные воинские части их не поддержали, восставшие в конце концов сдались и были преданы военному суду.

Введенное во время путча военное положение в Токио было отменено лишь 18 июля. Несмотря на неудачу мятежа, события 26 февраля были использованы военщиной для оказания сильнейшего давления на ее политических противников, т. е. на лагерь «умеренной» буржуазии. Правительство Окада должно было немедленно уйти в отставку, и новое министерство было создано бывшим министром иностранных дел Хирота, близким к военно-фашистским кругам.

Председателем Тайного совета был сделан фашист барон Хиранума, лидер реакционной ассоциации кокухонся. Объявив «военное положение», военщина установила фактически свою диктатуру.

Правительство Хирота, подталкиваемое военщиной, в котором главную роль играл военный министр Терауца, разработало огромный по японским масштабам трехмиллиардный бюджет, носивший

характер чисто военного бюджета. Помимо прямых ассигнований на нужды военного и военно-морского ведомств, значительная часть сумм, формально предназначенных по бюджету гражданским министерствам, в действительности должна была пойти на милитаризацию страны. Правительство Хирота стало проводить реакционную внутреннюю политику, обрушиваясь тяжелыми репрессиями в отношении всех прогрессивных, т. е. антифашистских и антивоенных, элементов.

Правительство увеличило число полицейских «кадров», провело милитаризацию системы народного образования, ввело сыскной режим для наблюдения над учителями, запретило профсоюзы на военных предприятиях и т. д.

Не ограничиваясь полицейскими репрессиями по адресу левых организаций, правительство Хирота разрабатывало проект сужения прав парламента, не доверяя даже основным буржуазно-помещичьим партиям — минсейто и сейюкай, составлявшим в нем большинство.

В своей внешней политике правительство Хирота открыто ориентировалось на войну с Советским Союзом. В связи с этим 25 ноября 1936 г. в Берлине между Японией и фашистской Германией было подписано японо-германское соглашение о координации действий в «борьбе с Коминтерном». На деле это «антикоминтерновское» соглашение являлось простым прикрытием заключения японо-германского военного союза¹, направленного против СССР и одновременно против демократических государств.

Военщина подготавливала этот союз в обстановке строжайшей тайны. Переговоры, которые велись в Берлине представителями японского генерального штаба, конспирировались даже от высокопоставленных руководящих японских политиков. Поэтому заключение японо-германского соглашения было неприятной неожиданностью для многих, принадлежавших в Японии к умеренному лагерю. Несмотря на ограниченные возможности использования парламентской трибуны в Японии, имели место несколько выступлений депутатов с осуждением авантюристической политики Хирота — Терауци. Это отрицательное отношение к правительству приняло характер настоящей парламентской обструкции в январе 1937 г.

На заседаниях 70-й парламентской сессии в январе 1937 г. депутаты несколько раз буквально прогоняли членов правительства Хирота, в том числе и военного министра Терауци, с парламентской трибуны.

Острота парламентской критики на 70-й сессии привела к тому, что военщина потребовала роспуска нижней палаты. Однако возбуждение масс было настолько велико, что Хирота боялся пойти на это. Тогда военщина взорвала кабинет Хирота: отставка военного министра Терауци повлекла за собой отставку всего кабинета в целом.

¹ Год спустя, 6 ноября 1937 г., к японо-германскому «антикоминтерновскому» соглашению присоединилась и фашистская Италия.

Буржуазная оппозиция сделала попытку закрепить свою победу — свержение кабинета Хирота — образованием нового правительства, способного проводить более умеренный политический курс. С этой целью на пост премьер-министра был выдвинут отставной генерал Угаки, известный своей близостью к парламентским партиям и личной антипатией к фашисту Араки. Однако все усилия Угаки сформировать правительство неизменно наталкивались на сопротивление со стороны лидеров военизированной, которая отказалась «выделить» состоящего на действительной службе генерала на пост военного министра в кабинет, руководимый «либералом» Угаки¹. Все генералы, к которым Угаки обращался с предложением принять портфель военного министра, отвечали отказом. В результате этой своеобразной «забастовки генералов» Угаки вынужден был отказаться от попытки сформировать правительство.

В феврале 1937 г. было образовано правительство генерала Хаяси. По существу это правительство продолжало политику прежнего кабинета Хирота.

После кратковременных попыток добиться полной капитуляции буржуазных партий перед военизированной правительством Хаяси стало на путь борьбы с парламентом. 31 марта 1937 г. правительство распустило парламент, несмотря на то, что последний без особенных возражений утвердил бюджет и целый ряд важнейших правительственных законопроектов, преимущественно военного значения. Неожиданным роспуском парламента военизированная (стоявшая за спиной кабинета Хаяси) рассчитывала окончательно деморализовать парламентскую оппозицию и добиться решительной победы на выборах. Но, несмотря на свирепый полицейский террор, результаты выборов полностью разбили эти предположения. На выборах 30 апреля 1937 г. подавляющее большинство избирателей голосовало против правительства Хаяси. Обе основные буржуазно-помещичьи партии — сейюкай и минсейто — объединились под антиправительственными лозунгами. Социал-демократическая партия сякай тайсюто выступила на выборах под лозунгом борьбы против фашизма. Образовавшаяся в феврале 1937 г. левая пролетарская партия нихон мусанто выдвинула еще более определенную антифашистскую избирательную платформу.

За реакционное правительство Хаяси голосовало немногим более миллиона избирателей, против — свыше 8 млн. избирателей. Большую победу на выборах одержала социал-демократическая партия, завоевавшая около миллиона голосов и получившая 37 мандатов (вместо 18 на выборах 1936 г.).

Парламентские выборы в феврале 1936 и в апреле 1937 г. показали, что даже ограниченный японский парламентаризм в определенных условиях может отразить антифашистские настроения народных масс.

¹ Правительство Хирота, по настоянию военного министра Терауци, опубликовало императорский декрет о том, что на пост военного и морского министра может быть назначен только состоящий на действительной службе генерал или адмирал в чине не ниже генерал-лейтенанта или вице-адмирала.

Наступление реакции на остатки буржуазно-демократических «свобод» в Японии вызвало стремление в японских трудящихся массах к объединению своих сил для их защиты и для противодействия попыткам утверждения военно-фашистской диктатуры со стороны наиболее агрессивных элементов господствующих классов.

В тяжелых условиях жестокого полицейского террора и абсолютной нелегальности японской коммунистической партии среди японских трудящихся началось движение за создание широкого народного антифашистского фронта для борьбы против войны и фашизма. В движении за народный фронт в 1936 и 1937 гг. участвовали не только рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, но и некоторые прослойки буржуазии, обеспокоенные ростом военно-фашистской опасности. Парламентские, префектуральные и муниципальные выборы 1936 и 1937 гг. явились яркой политической демонстрацией подъема антифашистских и антивоенных настроений в японском народе. За эти же годы значительно выросла стачечная борьба японского пролетариата и усилилось аграрное движение японского крестьянства: за первую половину 1937 г. в Японии было официально зарегистрировано около 200 тыс. стачечников. 1936 год признается годом наибольшего развития арендных конфликтов в японской деревне (около 5,5 тыс. конфликтов).

Столкнувшись с единодушным осуждением избирателей, правительство Хаяси пыталось все же в течение некоторого времени удержаться у власти и даже проектировало новый роспуск парламента с тем, чтобы подготовить новые выборы на основе видоизмененного в фашистском духе избирательного закона. Одновременно правительством подготавливалась реформа и самого парламента с целью ограничения его полномочий. Однако всеобщее раздражение действиями военно-бюрократического кабинета Хаяси было настолько велико, что руководящие слои крупной буржуазии и аграриев, а затем и сама военщина усмотрели серьезную опасность в дальнейшем существовании этого непопулярного и негибкого правительства, лишенного способности маневрировать и потому совершенно не способного успешно осуществлять программу подготовки к «большой» войне.

Хаяси вынужден был подать в отставку, и в июне 1937 г. было сформировано правительство князя Коноэ, призванное восстановить поколебленное доверие буржуазии к военщине и бюрократии и обеспечить более гибкое проведение прежней агрессивной политической программы. До своего назначения премьером князь Коноэ занимал пост председателя верхней палаты. Он считался человеком, умело сочетающим в себе способности ловкого дипломата-царедворца с явным пристрастием к фашизму и близостью к военщине. Но в отличие от Хаяси, Коноэ воздерживался от открытого выражения своих реакционных политических взглядов и провозгласил даже «необходимость тесного сотрудничества правительства с парламентом». Эта декларация встретила весьма горячий отклик со стороны буржуазных парламентских партий.

Наступившая благодаря этому на короткое время консолида-

ция различных фракций господствующих классов Японии была немедленно использована военщиной для того, чтобы развернуть в этих благоприятных условиях дальнейшую агрессию японского империализма против Китая.

По ряду причин японский империализм оказался серьезно заинтересован в ускорении нового военного нападения на Китай. Главнейшие из этих причин были следующие:

1) Весной 1937 г. в Китае обозначился первый крупный успех в создании национального антиимпериалистического фронта, направленного в первую очередь к организации отпора японским захватчикам (III пленум ЦИК гоминдана уже 1 февраля 1937 г. принял решение о прекращении борьбы с красными армиями Китая). Японские империалисты были серьезно обеспокоены перспективой дальнейшего укрепления всенародного антияпонского фронта в Китае и решили путем новой вооруженной интервенции попытаться «опередить» и задержать процесс объединения китайского народа, запугать руководство гоминдана и побудить китайское правительство вернуться на путь братоубийственной гражданской войны против красной армии и компартии. 2) Развитие империалистической интервенции фашистских стран — Германии и Италии — против испанского народа создало чрезвычайно напряженное положение в Европе и одновременно выявило полную пассивность буржуазно-демократических стран — Франции и Англии, несмотря на рост угрозы для их собственной безопасности; и Англия, и Франция, и США проявили полное нежелание оказывать какое бы то ни было противодействие агрессору. Это обстоятельство чрезвычайно поощряло японских империалистов к ускорению нападения на Китай, суля им безнаказанность со стороны своих главнейших империалистических соперников на Тихом океане. 3) Японо-германское военное соглашение, подписанное в 1936 г. и направленное своим острием против СССР, побуждало японских империалистов продемонстрировать свою «военную мощь» перед глазами своего фашистского союзника. Японское военное командование рассчитывало без особо больших усилий овладеть провинциями Северного Китая и, тем самым, завершить выполнение своего старого стратегического плана, реализация которого была прервана в 1935 г.

Если японская военщина видела в захвате Северного Китая в первую очередь расширение континентального плацдарма для «большой» войны и нападения на СССР, то японская буржуазия предвкушала эксплуатацию естественных богатств Северного Китая, а также была прямо заинтересована в монопольном захвате нового огромного рынка.

Все эти соображения обусловили начало новой японской интервенции в Китае в июле 1937 г. под руководством реакционного правительства князя Коноэ.

«В 1937 году японская фашистская военщина захватила Пекин, вторглась в Центральный Китай и оккупировала Шанхай. Вторжение японских войск в Центральный Китай произошло, как и вторжение в Манчжурию несколько лет назад, по японскому способу,

то-есть воровским образом, путем мошеннических придинок к различным «местным инцидентам», созданным самими японцами, путем фактического нарушения всех и всяких «международных норм», договоров, соглашений и т. п. Захват Тяньцзина и Шанхая отдал ключ торговли с Китаем с его необъятным рынком — в руки Японии. Это означает, что Япония, пока она держит в руках Шанхай и Тяньцзин, в любое время может выкинуть из Центрального Китая Англию и США, имеющих там колоссальные вложения...

Таким образом, на Великом океане, в районе Китая, завязался еще один узел войны»¹.

Поводом для начала широкой интервенции японских войск в Китае послужило спровоцированное японским гарнизоном 7 июля 1937 г. столкновение с китайскими частями вблизи Бэйпина, возле Люкоуцзяо. В результате этого первого столкновения последовал ряд боев, в которых наступавшим японцам было оказано упорное сопротивление со стороны небольших китайских отрядов 29-й армии. Эти отряды действовали разрозненно, по преимуществу без плана, на свой страх и риск, и зачастую прямо вопреки предательским директивам старших командиров. Но уже в этих первых столкновениях китайскими солдатами и офицерами был проявлен подлинный героизм в борьбе с лучше вооруженным и численно превосходившим их противником.

Китайское правительство сделало несколько попыток посредством дипломатических переговоров с японцами предотвратить распространение интервенции, но японское военное командование продолжало увеличивать количество оккупационных войск в Северном Китае, которые с боем занимали все новые стратегически важные пункты в Бэйпин-Тяньцзинском районе. Одновременно с этим, в конце июля 1937 г. японцами было организовано провокационное «похищение» японского матроса в Шанхае, после чего 3-я эскадра японского военного флота под командованием адмирала Хасэгава получила приказ из Токио подготовить захват Шанхая.

В первых числах августа 1937 г. началась японская вооруженная интервенция и в Шанхайском районе.

Вопреки расчетам японского империализма, эта интервенция в Китае превратилась в «большую» войну, в которой объединившийся китайский народ оказал японским захватчикам героическое сопротивление и нанес им ряд жестоких ударов.

Вопреки расчетам и надеждам японского империализма, японская интервенция вызвала небывалый подъем национального самосознания в китайских народных массах и необычайно ускорила процесс оформления мощного всенародного антияпонского фронта. Китайское правительство и партия гоминдан приняли предложение коммунистической партии об установлении полного сотрудничества в целях организации надлежащего отпора агрессору. Руководитель китайского правительства и гоминдана Чан Кай-ши осенью

¹ Краткий курс истории ВКШ(б), стр. 318.

1937 г. в специальной декларации официально сообщил о соглашении с коммунистами о сотрудничестве в деле освобождения китайской территории от японских захватчиков.

В соответствии с этим соглашением части китайской красной армии вошли в состав регулярных китайских войск в качестве 8-й армии, руководимой одним из самых выдающихся полководцев бывшей красной армии — Чжу Дэ.

В сентябре 1937 г. войска японских интервентов, действовавшие в Северном Китае (в провинции Шаньси), впервые столкнулись с 8-й народно-революционной китайской армией. Японские части, находившиеся под командованием видного фашистского генерала Итагаки, впервые с начала кампании понесли ряд серьезных поражений. Умело сочетая тактику партизанской борьбы с гибким маневром в условиях гористой местности Шаньси, 8-я армия Чжу Дэ поставила японские войска в тяжелое положение, постоянно угрожая их коммуникационным линиям и держа их под угрозой внезапных ударов с флангов и с тыла.

Японское командование было вынуждено непрерывно увеличивать численность своей армии, оперирующей в Китае. Во главе северокитайской армии был поставлен генерал Терауци, сосредоточивший в огромном количестве всевозможные технические средства борьбы: авиацию, танки и артиллерию. В октябре 1937 г. численность армии Терауци превышала 250 тыс. человек.

Столкнувшись с перспективой затяжной войны, японское правительство изо всех сил стремилось обеспечить себе максимальную поддержку со стороны всех групп господствующих классов. 15 октября 1937 г. кабинет Коноэ для укрепления своего авторитета объявил о назначении 10 правительственных советников из наиболее влиятельных представителей военщины, крупной буржуазии и парламентских партий. Среди них были представители различных и даже враждующих группировок правящих классов, в частности, фашистский генерал Араки и его главный политический противник Угаки, близкий к фашистам финансист Икеда и «умеренный» капиталист барон Го и т. д. Это объяснялось стремлением правительства Коноэ продемонстрировать «единство» всех политических течений в обстановке военного времени.

Однако реальная власть в стране все больше переходила в руки военщины. 21 ноября 1937 г. правительство объявило об организации «императорской военной ставки», что должно было означать номинально установление непосредственного императорского руководства всеми военными вопросами, а на деле означало переход всей государственной власти в руки военщины.

Под Шанхаем японские войска, действовавшие под командой генерала Мацуи, встретили упорное сопротивление. Большое техническое превосходство японских войск над китайскими привело в конце концов к необходимости эвакуации Шанхая 14 ноября 1937 г. Но оборона Шанхая продолжалась около трех месяцев и стоила японскому империализму огромных людских и материальных жертв. 20 декабря 1937 г. японцы заняли Нанкин, ознаменовав

это чудовищными зверствами в отношении мирного китайского населения: массовыми убийствами, изнасилованиями женщин и необузданным грабежом.

Весной 1938 г. военные действия в Китае концентрировались в районе Лунхайской железной дороги, где на протяжении нескольких месяцев японские армии безуспешно пытались преодолеть китайскую линию обороны у города Сюйчжоу. Превосходство военной техники у японцев, а также угроза окружения части китайских войск, созданная совместными действиями японских армий Терауци и Мацуи, обусловила отход китайцев на новую оборонительную линию. Но огромные потери японских войск и крушение их основного стратегического замысла — окружения китайцев — обесценили достигнутый японцами успех.

Неспособность японского командования быстро разрешить поставленную им перед собой задачу нашла свое отражение в усиленном и массовом применении японцами отравляющих веществ против китайских войск.

Захват Японией значительной части территории Китая¹ весьма непрочен, поскольку почти все китайское население оккупированных японцами провинций остается непримиримо враждебным по отношению к захватчикам и активно помогает партизанам, смело действующим в глубоком тылу у японских войск и наносящим им жестокий урон.

«Конечно, геройская борьба китайского народа и его армии против японских захватчиков, громадный национальный подъем в Китае, колоссальные резервы людей и территории в Китае, наконец, решимость китайского национального правительства довести освободительную борьбу Китая до конца, до полного изгнания захватчиков из пределов Китая, — все это с несомненностью говорит за то, что у японских империалистов нет и не может быть будущего в Китае»².

Затянувшаяся война в Китае принесла огромные внутренние затруднения японскому империализму. К 1938 г. Япония уже призвала под ружье более чем миллионную армию. В 1937 г. на войну было израсходовано свыше 2,5 млрд. иен. Накопленные за предыдущие годы запасы стратегического сырья в Японии оказались в значительной мере исчерпанными. Это вызвало необходимость усиленной закупки сырья и различных военных материалов за границей. В связи с этим пассив внешней торговли достиг очень больших размеров (в 1937 г. пассивный баланс внешней торговли равнялся почти 700 млн. иен). Японская военщина потребовала от правительства Коноэ немедленного проведения в жизнь ряда ранее разработанных ею проектов полного подчинения всей хозяйственной жизни страны потребностям «большой» войны. Буржуазно-помещичьи партии не осмелились противодействовать правительству и поддержали внесенные в парламент осенью и

¹ Осенью 1938 г. японские войска захватили Кантон и Ханькоу,

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 318.

зимой 1937/38 г. чрезвычайные законопроекты о государственном регулировании отдельных отраслей хозяйства, о «всеобщей мобилизации страны», о запрещении импорта, не относящегося к обслуживанию военных отраслей промышленности, и т. д. Колоссальное экономическое напряжение в стране сопровождается резким ухудшением жизненных условий японских трудящихся. Выросла дороговизна и одновременно снизился уровень заработной платы рабочих. Чрезвычайно возросла эксплуатация рабочих, занятых в военной промышленности, поставленных в условия подчинения абсолютному произволу реакционной военщины.

В середине 1938 г. больших размеров достигла безработица, вызванная сокращением производства в невоенных (главным образом, текстильных) отраслях промышленности. По уменьшенным официальным японским данным, число безработных значительно превысило 1 300 тыс. человек.

Это еще больше снизило жизненный уровень японского пролетариата. Одновременно усилилось обнищание японского крестьянства. В связи с призывом резервистов и молодежи в армию количество рабочих рук в крестьянских семьях значительно сократилось. Вместе с тем, чрезвычайное вздорожание искусственных удобрений (на 50%), реквизиция лошадей и т. п. поставили японское крестьянское хозяйство в небывало тяжелые условия. Таким образом, война в Китае катастрофически отозвалась на и без того трагически тяжелом положении японских рабочих и крестьян.

Это создало прочные предпосылки для развертывания антивоенного и антифашистского движения в толще японских народных масс. Нелегальная коммунистическая партия Японии поставила своей центральной политической задачей содействовать объединению всех демократических элементов в стране для скорейшего создания народного антифашистского и антивоенного фронта, способного отбить атаки фашизма, прекратить разбойничью империалистическую войну в Китае и не допустить военного нападения со стороны японского империализма на Советский Союз.

Несмотря на небывалый даже в японских условиях полицейский террор, антивоенное движение пустило настолько глубокие корни в стране, что никакие массовые аресты, начатые правительством Коноэ в конце 1937 г., не смогли приостановить его развития. В декабре 1937 г. министром внутренних дел стал фашиствующий отставной адмирал Суэцугу. Суэцугу на следующий же день после своего назначения запретил существование пролетарской партии нихон мусанто и левых профсоюзов и арестовал около 400 человек, обвинив их в организации народного фронта в Японии. В январе и феврале 1938 г. последовали новые массовые аресты. Число арестованных достигло нескольких тысяч.

Однако это несколько не приостановило распространения антивоенных и антифашистских настроений среди рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции и значительной части буржуазии. Более того, японские правящие классы столкнулись с новым, весьма грозным для них фактом — широким распространением антивоен-

ных настроений в японской армии, в особенности среди солдатской массы. Антивоенное движение в армии стало принимать формы дезертирства, групповой сдачи в плен японских солдат, посланных в Китай, массовых самоубийств, отказов выполнять приказы командования об отправке на фронт и т. д. И, наконец, в отдельных случаях антивоенные настроения среди японских солдат приводили к прямому восстанию целых воинских подразделений (бунт 7 тыс. японских солдат в городе Осака).

Огромные экономические и внутривластные трудности, созданные для японского империализма затянувшейся войной в Китае, побудили японские правящие классы прибегнуть к «чрезвычайным мерам», заимствованным в основном у фашистских стран: к установлению полного военного контроля над экономикой и к введению системы фашистского террора против трудящихся.

В мае 1938 г. была произведена реорганизация правительства Коноэ, в состав которого вошли два новых генерала — Угаки и Араки (представляющих две боровшиеся до того фракции японской военщины) и прямой агент монополистических концернов Икеда (прослуживший 41 год в концерне Мицуи), занявший по совместительству посты министра финансов и министра торговли и промышленности¹.

Военным министром был назначен ставленник фашистской «офицерской молодежи» генерал Итагаки.

Реформированный кабинет Коноэ осуществил еще более полную диктатуру реакционной военщины в интересах хищнического монополистического капитала. Были введены жесткие нормы, ограничивавшие и даже полностью запрещающие снабжение сырьем невоенной промышленности, было ограничено потребление населением различных товаров и предметов продовольствия, под видом военного «режима экономии» было проведено дополнительное массовое ограбление трудящегося населения. Министр просвещения Араки объявил поход против науки и культуры, разгромил левую профессуру в высших учебных заведениях и ввел казарменный режим для учащихся. Жесточайшая цензура, установленная в отношении японской печати, полностью прекратила публикацию всякой правдивой информации об экономическом и социальном положении Японии и о ходе военных действий в Китае.

В этой обстановке в июле 1938 г. обнаглевшая японская военщина позволила себе провокационный выпад в отношении Советского Союза. Японские войска, расположенные в Корее (так называемая «корейская армия»), при активной поддержке японских оккупационных войск в Манчжурии (так называемой «квантунской армии») попытались занять часть советской территории в южной оконечности Советского Приморья, в районе озера Хасан. Отбитые советскими пограничниками, японские провокаторы войны повторили свою попытку и заняли советскую высоту Заозерную, введя в действие около двух дивизий японских регулярных войск. Со-

¹ Угаки получил портфель министра иностранных дел и министра колоний, фашист Араки стал министром просвещения.

ветское правительство, рассматривая японские действия как сознательное провоцирование войны со стороны потерявшей голову части японской военщины, дало указание частям Первой (приморской) Краснознаменной армии выбросить захватчиков с советской территории.

Этот приказ был блестяще выполнен, и в происшедших боях, продемонстрировавших доблесть, мастерство и превосходную технику Красной армии, японские войска были с огромными потерями отброшены за пределы границы. Обеспокоенное этим разгромом японское правительство поспешило предпринять дипломатические шаги для урегулирования данного пограничного «инцидента», и 11 августа 1938 г. военные действия были прекращены.

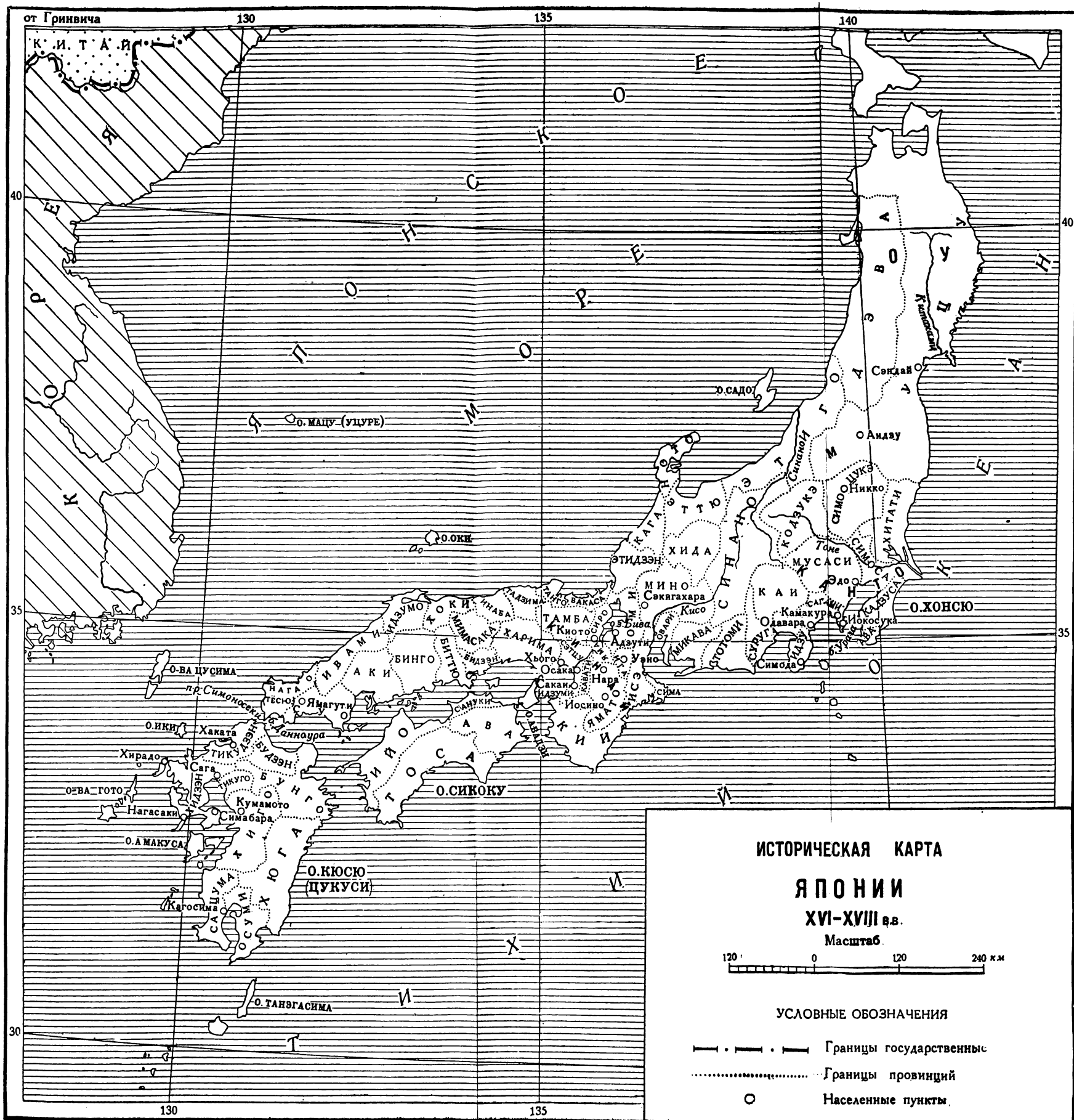
Японская провокация в районе озера Хасан принесла японскому империализму немалое материальное и моральное поражение, обнаружив военную слабость Японии и ее внутреннюю неустойчивость, усиливаемую произволом авантюристских элементов из лагеря японской военщины.

Катастрофическое состояние японской экономики, обусловленное затянувшейся войной в Китае, побудило японское правительство попытаться искать выхода на путях сговора с другими империалистическими странами (в частности, с Англией) о совместных действиях в Китае в целях скорейшего окончания войны, раздела китайской территории и совместной эксплуатации ее богатств. Эти попытки натолкнулись, однако, на первых же шагах на серьезные затруднения как внешне-, так и внутривнутриполитического свойства (противоречия интересов империализма в Китае, борьба различных политических влияний внутри Японии и т. д.)¹.

Война поставила японский империализм на грань хозяйственного банкротства. Она с особой яркостью обнажила глубочайшие внутренние противоречия, которые годами накапливались в Японии и которые обуславливают ее внутреннюю социально-экономическую слабость, несмотря на огромный размах империалистической военной агрессии.

На протяжении всей своей истории основная масса японского народа — трудящиеся всегда оказывались объектом самой варварской, самой безжалостной эксплуатации со стороны «своих» господствующих классов. Грабительские войны, которые вела Япония и в далекие времена Хидэйоси и в современной нам обстановке монополистического капитализма, всегда были в тягость основной массе японского народа, приносили ей смерть и разорение. Мир вступил уже в эпоху, когда в огне классовой борьбы необычайно уобьстроятся темпы исторического развития народов, и недалеко время, когда японские народные массы, которые не хотят быть вечным объектом эксплуатации и угнетения, станут хозяевами собственной судьбы.

¹ В связи с разногласиями в правительстве в конце сентября 1938 г. ушел в отставку министр иностранных дел генерал Угаки.

К. И. Т. А. Я.

130

135

140

40

40

35

35

30

130

135

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА

ЯПОНИИ

XVI-XVIII вв.

Масштаб

0 120 240 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Границы государственных

Границы провинций

Населенные пункты

Цена 4 руб.